

ЭСТЕР
Хардинг

ЭСТЕР ХАРДИНГ

РОДИТЕЛЬСКИЙ ОБРАЗ

ТРАВМА
И ВОССТАНОВЛЕНИЕ

РОДИТЕЛЬСКИЙ ОБРАЗ

Ж CASTALIA

»: <https://t.me/penebaall>
«Upgrade & Release»: <https://vk.com/upgraderelase>

Эстер ХАРДИНГ

РОДИТЕЛЬСКИЙ
ОБРАЗ
травма и восстановление

Москва
2015

Эстер Хардинг

РОДИТЕЛЬСКИЙ ОБРАЗ: ТРАВМА И ВОССТАНОВЛЕНИЕ

М.: Клуб Касталия. 2015. — 230 с.

Перевод: Юлия ЛИТОВЧЕНКО

Компьютерная верстка: Ольга ИВАНОВА

Обложка: Ольга ИВАНОВА

Содержание

БЛАГОДАРНОСТИ	5
ПРИМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЯ.....	6
ПРЕДИСЛОВИЕ.....	7
ВВЕДЕНИЕ	10
глава I. РОДИТЕЛЬСКИЙ ОБРАЗ КАК ИСТОЧНИК И ВМЕСТИЛИЩЕ ЖИЗНИ.....	13
глава II. ВАВИЛОНСКИЙ МИФ О ВОЗНИКНОВЕНИИ СОЗНАНИЯ ...	45
глава III. СУДЬБА МАТЕРИ ХАОСА, ЕЕ МУЖА И СЫНА	81
глава IV. РАЗВИТИЕ СОЗНАНИЯ	120
глава V. ПАТОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАВМА РОДИТЕЛЬСКОГО ОБРАЗА	135
глава VI. ИСЦЕЛЕНИЕ ПОВРЕЖДЕННОГО РОДИТЕЛЬСКОГО ОБРАЗА	151
глава VII. ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ.....	177
глава VIII. РЕКОНСТРУКЦИЯ И ИНДИВИДУАЦИЯ	192

БЛАГОДАРНОСТИ

Следующим учреждениям, издательствам и физическим лицам я благодарна за материал, который есть на этих страницах.

— «Фонду Боллигена», за цитаты из «Собрание сочинений Юнга» и из работ Эриха Ноймана.

— Британскому музею, за разрешение неограниченно использовать выписки из «Вавилонских Легенд Творения», в переводе Сидни Смит; и «Компании Макмиллана» за материалы из переводов Стефана Лангдона.

— «Книжный пантеон», за цитаты из книги К. Г. Юнга «Воспоминания, сновидения, размышления»; Э. Д. Брилл Лимитед за отрывки из «Евангелие от Томаса»; и «Абингдон Пресс», за отрывки из «Евангелие истины».

— Тем людям, которые так любезно дали мне разрешение использовать материалы бессознательного, особенно тем, чьи аналитические рисунки являются одними из иллюстраций этой книги, моя благодарность и признательность. Я также хотела бы поблагодарить Вернон Брукс за его целесообразную помощь в подготовке манускрипта к публикации.

— Материалы в этой книге изначально использовались для чтения серии лекций в Аналитическом Психологическом Клубе Нью-Йорка, и позже в серии лекций в Образовательном центре в Сент-Луисе, Миссури. Некоторый материал появлялся в 1949 году, в выпуске «Весны», ежегодной публикации Аналитического Психологического клуба.

Эстер Хардинг

ПРИМЕЧАНИЕ ИЗДАТЕЛЯ

Первая редакция «Портрета Родителя» была опубликована в 1965 году Фондом К.Г. Юнга для Аналитической Психологии, Нью-Йорк. Вторая редакция была опубликована в 1993 году «Сигма Пресс», Бостон. Это третья редакция была полностью перепечатана и отредактирована из редакции «Сигма», с добавлением некоторых обновленных ссылок. «Иннер Сити Букс» благодарны попечителям Фонда К.Г. Юнга для Аналитической Психологии, наследнику литературных работ Доктора Хардинг, за эту возможность представить широкой публике один из ее самых ценных вкладов в Юнгианианскую Психологию.

Дэрил Шарп

ПРЕДИСЛОВИЕ

На протяжении всей истории человечества «родительский образ» имел большое значение. Своевременно, что эта актуальная тема должна быть рассмотрена с точки зрения аналитической психологии, сформулированной в опыте и работах К. Г. Юнга. Уже в 1907 году, начиная с эксперимента по словесным ассоциациям, Юнг смог предоставить доказательства того, что родительский образ имеет определяющее влияние на последующее поколение. Это верно не только из обычных наблюдений того, как королевский сын становится королем, сын сапожника становится сапожником, но и ввиду повторения психологических факторов. Такое же явление в естествознании стали понимать как генетически обусловленную наследственность, которая имеется у большинства растений, животных и у человека. Это понимание наследственности было применено к психической сфере, и психические нарушения лечили до сих пор только лишь для того, чтобы помочь людям приспособиться к внешнему миру. Предполагалось, что дефекты прошли из поколения в поколение и лечение помогает лишь облегчить некоторые страдания личности.

Однако, нам стало известно о возможности биологической мутации, происходящей спонтанно или под влиянием окружающей среды. Примерно в это же время современная психология обнаружила, что изменения могут происходить в человеческой личности. Истерия, а также неврозы могут быть вылечены. Даже психоз больше не выглядел как неизлечимая наследственная болезнь.

Из биологии мы знаем, что можем понять природу и цель мутации, только глядя глубоко в области одноклеточных структур. Кроме того, в психологии из необычных работ Юнга мы знаем, что в отношении людей с психическими расстройствами мы также должны рассматривать самый загадочный материал — сновидения, фольклор, легенды, сказки, мифологию и так далее — для того, чтобы осознать и иметь способность поддерживать изменения. Весь этот таинственный материал возникает из неизвестного места психики, которое мы называем «бессознательным». Оно выражает и дает нам то, чем обусловлено наше время, наш исторический период, не только образ того, что произошло в то время, но и образ того, что до сих пор происходит в каждом человеке в различных условиях своего развития. Мы, в основном, наблюдаем это условие в народах, где, фактически, общий миф потерян. Это может быть традиционный миф о религии, или, возможно, один из мифов нашего времени, например, миф о материализме, продуктивности и процветании, или даже миф о благосостоянии. Он был жив в течение многих поколений и был важен для родителей, но теперь становится совсем не важным для людей. Это приводит к конфликтным ситуациям и может проявляться как истерия, невроз или психоз. Мутации или изменения необходимы личности и имеют место быть, особенно после известного заявления Фрейда, что сны являются *via regia*, королевской дорогой в бессознательное, и мы берем на себя риск погрузиться в те глубины, где эти изменения происходят. Там можно понять недостатки эго по отношению к глубочайшим реалиям. Эти реалии ведут нас к миру мифа, который говорит о событиях в «божественной» или архетипической области и дает человеку, а также аналитику, не только взглянуть на эту сферу, но и дает подсказки относительно проблем, с которыми они имеют дело. В то же время мы должны понимать, что наш терапевтический подход, а также наше понимание, обусловлено фундаментальным

опытом понимания мифов о нашем личном и коллективном методе восприятия. И мы должны понимать, что, как выражается автор, «мы рождены как архетипические образы культуры, и символы религий наших отцов имеют то же предназначение».

Доктор М. Эстер Хардинг в написании этой книги взяла на себя очень большую задачу. По психологической интерпретации Энумой Элиш вавилонского мифа первотворения она демонстрирует трудности и то, как человечество переживает их. Эти трудности были произведены бессознательно и были повторены в ритуале, чтобы человечество могло снова и снова испытать боль и радость создания, не только Вселенной, но и самого человечества. Это история о том, что произошло в то время, когда человеку еще было разрешено участвовать в мире богов. Психологически это говорит, по крайней мере частично, что то, что случилось с человечеством, еще может быть значимо в индивидуальном бессознательном. Тщательное наблюдение и глубокое понимание этих событий — это религиозный опыт для тех, кто желает жить. К тому же воссоздание может произойти не только внутри субъекта, но и вокруг него.

Кроме того, эта книга также представляет тщательно отобранные материалы дела в отношении проблемы образа родителя, его трансформация и восстановление в соответствующее место во внутренней жизни человека. Я думаю, это большая проблема времени, в котором мы живем, и нам повезло иметь работу доктора Хардинга в качестве помощи для многих людей, ищущих выход из таких болезненных ситуаций.

Франц Риклин
Цюрих, 26 октября 1964 г.

ВВЕДЕНИЕ

Когда писатель пишет о материале в любой области знаний, всегда встает вопрос о том, чтобы начать с самого начала, так, чтобы можно было бы донести идею даже тем, кто ничего об этом не знает, или же допустимо считать само собой разумеющимся, что читатель знаком с азами по этому вопросу, если необходимо исследовать более продвинутые области предмета. В этой книге я взяла последнее направление, и это означает, что читателям, возможно, придется обратиться к другим работам по терминологии и теории аналитической психологии.¹

Я не раз обращала внимание на то, что юнгианские аналитики постоянно говорят об архетипах и других непонятных абстракциях вместо того, чтобы приступить к реальным проблемам. Терапевт должен быть гибким — например, в проблемах невроза и проступках, человеческих страданиях и конфликтах, которые мы видим каждый день. Конечно, в отношениях с беспокойным человеком, который имеет симптомы невроза или какую-либо эмоциональную или моральную дилемму — кого консультирует психотерапевт — юнгианский аналитик не окунается глубоко и говорит о тени или о понятии анимы, не говоря уже об архетипах и коллективном бессознательном, не больше,

¹ Многие из таких работ теперь доступны, например работы Иоланды Якоби, Дэрила Шарпа и Энтони Стивенса, и другие работы Эстер Хардинг, они перечислены здесь, в библиографии.

чем врач обсуждает метаболизм с каждым, страдающим расстройством желудка. Но в своей аналитической практике я использую технические термины очень мало и вообще не использую их с новичками. В начале возникают трудности, которые приносят человеку беспокойство, и начинается процесс распутывания нитей, которые спутались в его или ее жизни. В некоторых случаях достаточно этой процедуры, чтобы освободить человека тупика, особенно, если он или она очень молоды; человек уходит с новым пониманием и тем самым может решать проблемы более разумно. Но многим людям, особенно тем, кто уже прожил значительную часть своей жизни, этого недостаточно. В конце концов аналитик обязан консультировать бессознательное для дальнейшего обучения. Сегодня многие уже знают немного о важности бессознательного, им легче донести на их первой консультации информацию о сне или видении, которое, по их мнению, несет проблему. Но даже в этом случае может оказаться, что изучение личного бессознательного недостаточно. В этой части работы, каждый обязан противостоять своей тени, той, более бессознательной части себя, которую мы лишь частично знаем и что мы невидим признать.² Проще говоря, тень, ее показатель и олицетворение личной психики были подавлены. Постепенно начинается осознание своей тени, и нужно внести некоторые довольно радикальные изменения в своем отношении к жизни и к самому себе, которые помогут войти в социальную жизнь. Между тем, анима в мужчине и анимус в женщине, скорее всего, попали в поле зрения, требуя дополнительные и более глубинные эмоциональные изменения. Это перевоспитание личности занимает много времени. Количество возникших трудностей, степень

² См. Harding, «Projection of the Ego and the Shadow», в The I and the Not-I; кроме того, «The Shadow», «Aion», CW 9ii. (CW означает «The Collected Works of C.G. Jung»). — Ред.

дезадаптации и серьезность психологической травмы значительно варьируются от человека к человеку, но в среднем эта часть работы едва ли будет выполнена менее, чем за два года анализа. В действительности это может занять и больше времени, потому что от человека к человеку меняется не только сложность проблемы, но и способность к постижению — степень психологической образованности.

Под психологической образованностью я не имею в виду умственный интеллект, потому что это не то же самое, и они не возникают в равной степени в какой-либо одной личности. Человек может быть умным в голове, но довольно глупым в сердце, и способность к психологической проницательности находится там. Но по мере того, как работа аналитиков продолжается, более глубокие и фундаментальные вопросы всплывают на поверхность. И это подводит нас к теме этой книги.

РОДИТЕЛЬСКИЙ ОБРАЗ КАК ИСТОЧНИК И ВМЕСТИЛИЩЕ ЖИЗНИ

За частью психики, которую мы называем личным бессознательным, с центром — тенью, лежит слой психической природы, являющийся общим для всех человеческих существ. В самом деле, это основа душевной жизни, так же как инстинкты — основа физической. Слои этой коллективной области психики являются общими для всех, но формируются и функционируют на личном опыте индивида. Они также существенно меняют факторы семьи и предков; то есть факты филогенетической и онтогенетической природы входят во внутренний опыт и мотивации каждого человека. И действительно, психическая структура человеческого бытия определяется на основе базовых моделей, и Юнг показал это в своем эссе «Архетипы коллективного бессознательного».¹ Он показал, что эти определяющие факторы примерно соответствуют моделям, которые лежат в основе инстинктов, и что они являются невидимыми и неосознанными. Тем не менее, они присущи всем нам. Эти типы или модели психического функционирования запечатлены в структуре психики. Они являются древними, даже архаичными, и Юнг называет их *архетипы*.

Этот термин не нов. Он встречается, как указывает Юнг в этой статье, уже у Филона Александрийского, и относится в качестве архетипа к *Imago Dei* (образу Бога). Юнг приводит в пример множество других классических

¹ «The Archetypes and the Collective Unconsciousness», CW 9i, pars. 1ff.

писателей, которые использовали тот же термин для невидимых моделей, которые существуют в психике.

Архетипы вечны. Мы не можем представить себе психическую деятельность отдельно от них. Это энергия системы психической природы, производящая и определяющая форму психического опыта. Очевидно, что они не могут быть ни определены, ни даже описаны с сознательной точки зрения, так как они находятся не в сознании, где мы могли бы их увидеть, а в бессознательном. Тем не менее, сознательно психика всегда сама определяет их. Наши способы понимания, наши категории функционирования и, следовательно, мышления, определяются архетипами. Мы погружены в структуры бессознательного, как рыба в воду, и только небольшая часть психики, которую мы называем сознанием, поднялась над поверхностью океана. И этой крошечной точкой мы пытаемся понять мир вокруг нас и наш внутренний психический мир.

Человеческий опыт подчиняется и выражает шаблоны, запечатленные в психической структуре личности. И из этого следует, что жизнь разворачивается в соответствии с шаблонами, и хотя есть много различий в человеческих жизнях и судьбах, работа архетипических шаблонов ясна. Например, мы утверждаем, что повесть или драма жизненна, показывая, что у нас есть интуитивное чувство того, история реальна, то есть, следует архетипическому шаблону или нарушает его.

Архетипические модели более четко выражены и признаны, когда они лишены личностных факторов и появляются в общем виде, в мифах, легендах, сказках, фольклоре, и прежде всего, в религиозных символах и догмах. Это дает общее представление о тех конкретных архетипических шаблонах, которые принимают активное участие в жизни группы лиц или общества в целом. Но, помимо этого, человек имеет личную «мифологию», выраженную в снах, видениях и фантазиях, которые проходят, часто не заметно, на фоне

его ума. Они показывают архетипические шаблоны, в настоящее время активированные в этом конкретном человеке.

Эти архетипические образы выражаются в общем виде в религии или мифологии и встречаются как субъективный опыт индивида и являются проявлениями в сознании воплощенного, как это было в архетипических шаблонах. Формы, которые они принимают в личности, могут меняться в зависимости от осознанности. Если занимаемая позиция движется в направлении роста и реализации в собственной жизни, архетипические образы будут поощрять это движение. Но если в сознательной жизни есть отклонение от своего истинного пути, образы становятся более сложными.

Китайцы выразили бы этот психологический факт, сказав, что когда некто находится в *дао*, его состояние соответствует архетипической ситуации, но, если кто-то не в *дао*, то все идет против него. Когда кто-то в *дао*, он испытывает психическое благополучие, выраженное в благодати. Юнг описывает эту ситуацию более ярко, потому что его ранняя встреча с психической силой была сильнее, чем его эго.² Мы могли бы осмелиться сказать, что судьба и благополучие зависят от ценности символов, которые мотивируют человека. Но можно пойти еще дальше и сказать, что судьба и история цивилизации следует аналогичному закону, как Арнольд Тойнби продемонстрировал в исследованиях истории.

Во все времена функция религии была в том, чтобы выразить эти шаблоны в живых символах, которые не только управляют жизнью людей, но также властны выпускать силы сознательного или бессознательного. Но когда религия умирает, цивилизация отрезается от связи с источником сил бессознательного, и если она не сможет найти новое средство выражения для своей жизненной энергии, то будет находиться

² См. Jung, «Memories, Dreams, Reflections,» p. 40.

под угрозой исчезновения. Это как если бы символы, прежде отображенные в религии, повредились и потеряли свою силу вести и защищать нас в лице бессознательного.

Итак, архетипы бессознательного, фактически, не могут получить травму. Насколько нам известно, за пределами архетипов, нет ничего, что может травмировать эти вечные психические структуры. Но иногда они выражаются внутри человека, не меньше, чем во вне, в виде травм, потерь или разрушений, и такие ситуации повторялись много раз в истории не только отдельных лиц, а также и культур. И таким образом не удивительно, что образы, легенды и мифы — это общие человеческие переживания.

Например, в иудео-христианской культуре картина рая, питомник человечества, была омрачена после кражи плодов Древа Познания. После этого акта неповиновения часть Божьего творения больше не была послушна закону и поэтому больше не поддерживалась и не подпитывалась им. Человечество отдалилось от Бога и, следовательно, Бог больше не являлся полностью милосердным творцом. Вместо этого, Бог был воспринят как угроза и каратель. Таким образом мы можем сказать, что образ Божий был сильно травмирован.

Рай, изображенный в рассказе о саде Эдема, соответствует материнскому миру. Сад — это защищенное пространство, контейнер для незрелого и беспомощного ребенка, психологическая утроба. Взрослые должны вырваться из этого материнского мира с помощью нового рождения, но иногда притяжение матери настолько мощное, что молодежь не может действовать, чтобы добиться независимости и зрелости.

Эта ситуация представлена во многих мифах, и это может произойти и в жизненном опыте, когда реальная мать не может позволить ребенку стать взрослым. Вместо этого ее ласковая привязанность может казаться ограничением и даже неприязнью. Это почти неизбежный результат,

если мать собственница и цепляется за ребенка из нужды. Это также может произойти, если мать не собственница, но любит опекать.

В мифах, которые описывают такую ситуацию, мать, как правило, представлена в виде богини, которая любит своего дорогого сына и не позволяет ему уйти. Скорее всего, она пытается удержать его в качестве своего любовника. Обычно она преуспевает в этом, и он становится сыном-любовником матери. В некоторых случаях сын доволен этой ситуацией, но в других он восстает или влюбляется в смертную женщину. Тогда его ревнивая мать либо убивает его, либо, в отчаянии он кастрирует себя, как это сделал Аттис, когда он влюбился в дочь царя, и его мать Кибела обезумела.

Это не редкое последствие, происходящее не только в мифах, но и в искусстве, и в реальной жизни. Сын, слишком трепетно любящий мать, может оставаться психологически заключенным в эту любовь и быть совершенно не самостоятельным. Он может чувствовать себя полностью заблокированным и впасть в отчаяние, или даже не воспринимать собственную жизнь. Это реальная ситуация, предшествующая многим случаям подросткового самоубийства, когда мальчик был любимцем своей заботливой матери. Это, как правило, наиболее перспективные, самые выдающиеся и способные к искусству юноши, чья жизнь пришла к такому трагическому концу. Их ценности были направлены на материнскую любовь и преданность, но часто за такой любовью лежит чрезмерная зависимость и чувство собственности; мать не может принести в жертву себя, и поэтому ее сын становится жертвой.

Есть и другие мифы, в которых сын не умирает; вместо этого он страдает от раны, которая никогда не заживает, раны, как правило, нанесенной врагом, который представляет инстинктивную природу, саму основу, которая была подавлена преданностью к матери. Классический пример такой ситуации представлен в легенде о Граале,

где Амфортас, хранитель символа женского духа, а именно, Грааля — поклялся вечно хранить целомудрие, служа ему. Но он был соблазнен любовными объятиями Кундри, полу-человека, воплощение райского змея. Она представляет собой обратную часть женского начала, противоположную Граалю, и олицетворяет инстинктивную природу Амфортаса, которая также, безусловно, исходит от матери. Амфортаса обнаруживают лежащим с Кундри и его ранит Клингзор, ее дядя. Его рана не заживает: она кровоточит снова, каждый раз, когда он празднует ритуал Грааля.

Эта легенда показывает другой аспект мифологемы травмы. Здесь обе фигуры, мать и сын, получили ранения. Грааль, представитель материнского начала, получил травму, потому что его хранитель уже не может выполнять свою службу должным образом, а сын ранен из-за его внутреннего конфликта между природой и духом. В повседневной жизни подобная ситуация может произойти из-за гиперопеки матери над своим сыном, в результате чего он начинает отождествляться с ней. Это патологическая ситуация, но, в соответствии с мифом, она может стать необходимым этапом на пути к индивидуации. Легенда о Граале является рассказом о спасении человека, а также его падении.

Таким образом, мы видим, что гиперопека со стороны матери может привести к серьезным травмам, и не только в характере ребенка, но и в понятии материнства, и это, бессознательно, остается в его психике. Существует также еще один характер повреждений, которые могут возникнуть в детском восприятии образа матери. Он имеет совсем иной тип и возникает не от любящей матери, а от отсутствия таковой.

Некоторые дети никогда не знали материнской любви, никогда не чувствовали себя ценными и нужными как личность. Естественно, такие дети страдают в своем сознательном развитии, и в бессознательном образ матери становится негативным и разрушительным. Как будто для

них ранний материнский образ был поврежден. Модель «матери» искажается, становится враждебной вместо дружелюбной, жестокой, смертоносной вместо животворящей. Дети, пострадавшие таким образом, живут с патологическим внутренним состоянием, ведь для ребенка связь с матерью имеет первостепенное значение, и когда такого опыта нет, это отрицательно сказывается на развитии ребенка, он чувствует себя ничтожным и неправильным.

Это действительно имеет огромное значение для благополучного развития личности, и в детстве необходимо иметь сильную связь с заботливым аспектом матери. Лишь когда мать отражает архетип Великой Матери, можно развиваться наиболее благоприятным образом. По этой теме Юнг пишет:

«Связь «мать-ребенок», безусловно, самая глубокая и самая пронзительная, из тех, что мы знаем... Это абсолютный опыт нашего вида, истинно органичные недвусмысленные отношения полов друг к другу. Это свойственно архетипу, совместно унаследованному образу матери, та же чрезвычайно сильная связь, которая инстинктивно побуждает ребенка цепляться к матери. С течением времени, человек естественным образом вырастает вдали от матери, но при условии, что он больше не находится в состоянии почти звериной примитивности и достиг определенной степени сознания и культуры — но, таким же естественным образом, он не утрачивает архетип... Если сознание полностью самостоятельно, его содержание всегда будет переоценено в ущерб бессознательному и от этого появляется иллюзия отщепления от матери, и кажется что ничего не произошло, за исключением того, что этот человек перестал быть ребенком этой конкретной женщины... Отрыв от матери обоснован только тогда, когда архетип включен, то же самое относится и к отрыву от отца. Развитие

сознания и свободной воли, естественно, приводит к возможности отхода от архетипа и, следовательно, от инстинкта. Как только происходит отход, наступает диссоциация между сознательным и бессознательным, а затем начинается деятельность бессознательного. Это... принимает форму внутренней, бессознательной фиксации, которая выражается только симптоматически, то есть косвенно.»³

Важность этого заявления не сразу бросается в глаза из-за краткой и довольно абстрактно выраженной Юнгом мысли. Он говорит об отрыве индивида от собственных родителей и о психологических последствиях этого. Это отделение может происходить либо в процессе взросления, в результате которого молодой человек уезжает из дома, начинает работать во внешнем мире, и со временем вступает в брак и создает свой дом. То есть, отделение может быть осуществлено добровольно. Но если по какой-либо причине этот урок был отклонен, то отделение будет происходить произвольно и в конечном счете это произойдет естественно, например, если родители умрут. Но психологически, как отмечает сам Юнг, этого недостаточно, если при этом молодой человек не успел отделиться от архетипа родителя, который соответствует детским желаниям быть в безопасности и любви.

Развитие сознания и свободной воли у взрослого человека влечет за собой возможность делать личный выбор, который не соответствует постоянному действию архетипа родителя и ребенка. Но если нет возможности отделиться ни от родительского архетипа, ни от фактических родителей, не будет возможности быть по-настоящему свободным. В сознательно

³ «Analytical Psychology and „Weltanschauung“», «The Structure and Dynamics of the Psyche», CW 8, pars. 723f.

выбранном направлении он будет сам себе хозяином, будет способен адаптироваться, и будет казаться вполне взрослым, но в бессознательном он все равно будет привязан к архетипу родителя; то есть, он будет несерьезен, будет находиться во власти импульсов, возникающих из бессознательного.

Такое положение, очевидно, будет создавать конфликт между сознанием и бессознательными импульсами. Если сохраняется волевая позиция и игнорируются внутренние запросы архетипа, разрыв между сознанием и бессознательным будет увеличиваться. В конце концов бессознательное, которое, конечно, гораздо более мощное, чем сознание, начнет проявляться в симптомах — в некоторых случаях симптомах невроза, а в других человек будет становиться все более дерзким и жестким, в качестве компенсации за пренебрежение внутренними предупреждениями.

В любом случае, он будет оставаться связанным с родительским архетипом, что оказывает подавляющее влияние, и поскольку это идет от бессознательного, причина и источник которого абсолютно неизвестны, даст неизбежную реакцию, как если бы он находился под действием заклинания. Он может желать сделать что-то, и возможно сознательно примет какое-то решение, но когда приходит время действовать, этот человек делает все с точностью наоборот, как будто работает какая-то сильная магия.

Юнг продолжает:

«Примитивный ум... учреждены важнейшие обряды... полового созревания и обряды инициации, совершенно очевидно, что целью обрядов является отрыв от родителей с помощью магических средств. Это введение было бы абсолютно ненужным, если бы связь с родителями не чувствовалась в равной степени как магическая... Целью этих обрядов, однако, является не только отрыв от родителей, но и индукция во взрослом состоянии. Там не должно больше быть

тоски по детству, а для этого необходимо, чтобы требования потерпевшего архетипа были выполнены. Это делается путем замены интимных отношений с родителями другим типом отношений, а именно, отношений с кланом или племенем...

Этот способ примитивен, на неизвестных основаниях пытаться выполнить требования архетипа. Простого расставание с родителями недостаточно; должна быть радикальная церемония, которая выглядит очень похоже на принесение в жертву сил... архетипа... того, что природа утратила свою власть над нами. Но мы всего лишь научились недооценивать эту силу. Когда мы теряем что-то, мы подходим к вопросу, как нужно бороться с последствиями содержания бессознательного? Для нас это больше не может быть предметом примитивного раздражения; оно искусственно и является бесполезным возвращением в прежнее состояние. Если вы спросите меня об этом, я не буду знать, что ответить. Я могу только сказать, что я множество раз, что в течение многих лет, наблюдал, как многие из моих пациентов инстинктивно выбирали способы удовлетворения требований своего бессознательного.»⁴

В большинстве случаев, эта проблема довольно приемлема. Нормальный человек находит разумным способом удовлетворения работу в коллективе, которая не слишком требовательна либо довольно скучна, брак, который соответствует общепринятым стандартам, достаточное количество свободного времени, чтобы, по меньшей мере, чувствовать себя счастливо. Эта работа может быть просто не скучной, вместо того чтобы стимулировать, удовлетворять, используя

⁴ Ibid., pars. 725ff.

все имеющиеся творческие способности; брак может быть «нормальным», вместо того чтобы приносить глубокое удовлетворение и крепкие взаимоотношения; досуг наполняют события, направленные на то, чтобы скоротать время, вместо того чтобы проводить его с радостью и интересом — это говорит о недостатке времени, потере связи с более глубокими ценностями, что очень характерно для западной культуры в наше время. В своих мемуарах Юнг писал:

«Решающий вопрос для человека: связан ли он с чем-то бесконечным или нет? Этот вопрос показателен для его жизни. Только если мы знаем, что дело действительно имеет значение в бесконечности, мы можем избежать фиксации нашего интереса на тщетности, и на всех видах целей, которые не имеют реальной важности.»⁵

Некоторые совершенно недовольны этой беспечностью, а другие не в состоянии добиться хотя бы этого, и они впадают в отчаяние или становятся агрессивными. Есть те, кто страдает всю свою жизнь чувством собственной несостоятельности; они чувствуют, что их жизнь неприемлема, они обречены быть аутсайдерами, избегающими нормальных дружеских отношений, считая, что все, что они сделали — неправильно, а то, чего они желают — запрещено. Они прокляты, отчуждены от Бога и человечества, а также от самих себя.

Это те люди, которые никогда не имели достаточного опыта материнской любви. В детстве они чувствовали, что оказались никому не нужны, и поэтому образ матери для них имеет взыскательную и разрушительную силу. Но архетипическая модель Матери как источника жизни, описанная Юнгом в цитате — не по этой причине уничтожена в них.

⁵ «Memories, Dreams, Reflections», p.325.

Поскольку эта модель не была активирована в их реальном опыте, она остается в бессознательном, скрытно, даже не появляясь в виде образов.

Наиболее пострадавшие даже не способны воспринимать замену матери — тетю, бабушку, медсестру или учителя. Этот позитивный образ, однако, проявляется даже у самых обделенных личностей, как ожидание Матери. В взаимоотношениях ребенка и матери, слабость и зависимость внешне проявляются как ее сила и забота. Итак, у этих людей отсутствие образа матери воспринимается как недостаток — чувствуется потеря, но нет возможности это исправить. Ребенок блуждает по пустыне, и остается не только опустошенным, но и враждебным всему и всем. Не редко это отчаяние приводит к саморазрушению.

Среди тех, кто ходит к аналитику за помощью, немного тех, чьи отношения с родителями были «нормальными», и поэтому у большинства людей их домашний очаг был разрушен, нет личной копии «рая на Земле». Такое положение очень распространено в современное время.

Образ типичных родителей и родного дома неотъемлем для каждого человека, будучи заложенный в бессознательное из поколения в поколение. Но мы также знаем, что эти образы меняются, исходя из личного опыта каждого, кто имел родной дом и родителей. Нормальный архетипический образ дает представление о родительской любви, заботе, и доме как безопасном месте и убежище во время опасности. То есть, можно назвать нормальным того, кто испытал положительный аспект родительского образа. Но есть и отрицательный аспект этого образа, который может доминировать время от времени. Забота матери может смениться ее пожирающим аспектом; добросердечный отец может проявиться как деспотичный и мстительный.

К счастью, положительный образ является обычным и преобладающим. Если бы было не так, люди, несомненно, вымерли бы. Большинство младенцев были бы

уничтожены, большинство детей погибли бы в раннем возрасте, а со временем и человеческая раса погибла бы.

Однако, в отдельных случаях родительское влияние может быть таким, что образ архетипа родителей нарушается. Что происходит с образом родного дома как безопасного места, и образом родителей, как защитников и опоры человека, если родители не хотят беспокоиться за ребенка, или так сильно стремятся к собственному комфорту и удобству, что они пренебрегают и используют ребенка? Они могут быть настолько недисциплинированные, что память ребенка свяжет их образ со страхом или тревогой, и они будут ассоциироваться с гневом и насилием. Что делать, если ребенок приходит домой из школы и обнаруживает, что дверь заперта, некуда идти, вне зависимости от погоды?

Для такого ребенка архетипический портрет родителя и дома будет искажен. Такой опыт неизбежно оказывает негативное влияние на архетипический образ, нарушение или искажение внутренней картины Матери в психике, и это можно назвать патологической травмой. Такие травмы — основа многих общественных беспорядков и отрицательного поведения не только подростков, но и взрослых, которые были неблагополучными детьми.

Общество ищет способы контролировать или лечить это состояние, если оно приводит к антиобщественному поведению. Однако есть множество менее серьезных случаев, когда моральные устои личности таковы, что человек способен жить внешне приспособленной жизнью — он не имеет проблем с законом, а эмоциональные расстройства проявляются скорее во внутреннем конфликте, трудностях в отношениях или в симптомах невроза. Эти люди составляют значительную часть тех, кто обращается за психологической помощью к аналитикам.

Мы можем спросить, есть ли какое-то реальное лечение таких печальных детских переживаний. Могут ли эти люди считаться безнадежно травмированными? Из моего личного

опыта, я должна сказать, что в то время как может быть некоторое облегчение последствий травмы через осознанное понимание и перевоспитание, нет шансов на реальное лечение, если травма архетипического образа не может сама перестроиться. Травма является серьезной патологической ситуацией, когда очень отличается от «обычной» травмы связи архетипической матери и ребенка, и возникает, когда ребенок перерастает свою первую инфантильную зависимость, восстает против власти матери и устанавливает свой жизненный путь. Молодые люди, таким образом, получают свободу в результате действия или серии действий, которые повреждают фундаментальную связь с родителями. Это нормальное явление, не патология.

Добившись свободы, человек должен адаптироваться к жизни, больше удовлетворения, чем инфантильной зависимости, от которой придется отказаться. Интерес к приключениям и награде, завоеванной с усилием, актуальны, как правило в первой половине жизни. Но когда сознательная власть полностью изучена и начинает ослабевать, человек становится все более и более знаком с непродуктивностью и одиночеством. Поэтому становится необходимым вернуться к «глубинной Матери» для обновления. Если архетипический образ матери, травмированный во время предыдущего восстания, может быть восстановлен, индивид начинает новую жизнь. Как будто рождается заново. Наступает следующий цикл и образ домашнего очага восстанавливается. Это символизирует уроборос, мифическая змея, кусающая себя за хвост и охватывающая весь мир.⁶ Уроборос представляет собой непрерывность

⁶ Символ уробороса был известен в средневековой, а также в египетской алхимии. Его можно найти в Вавилоне и во многих других местах Древнего Мира. Он также появляется на плато мандейских общин, а также в песочной живописи Навахо, также в Африке и Мексике.

жизни, общность и, прежде всего, целостность личности. Это, по сути, очень распространенный символ, представляющий одно и все, Альфа и Омега. Эрих Нойманн пишет:

«Этот круг, и это существование в круге, существование в уроборосе, является символическим представлением состояния рассвета, показывая младенчество и человечества, и ребенка.»⁷

Это самодостаточный первоисточник психической жизни, действительно изначальная форма коллективного бессознательного, которую человек переживает по отношению к собственным родителям. Нейман назвал это первичное знание о целостности материнским и отцовским уроборосом, термин, соответствующий архетипу матери и отца. Эти родительские портреты подразумевают изначальное разделение неизвестного начала вещей на стороны, которые допускает сознание. Или, говоря по-другому, мы можем иметь какое-то сознание тогда, когда первобытное начало разделено на противоположности, и эти вторичные формы всегда представляются в виде мужского и женского, ибо для человечества это наиболее фундаментальная пара противоположностей.

Начало всего, первопричина, конечно, полностью не познана и непостижима, потому что этому предшествует наше сознание. Мы можем размышлять о том, что существовало прежде, чем я родился, или даже был зачат. Или мы можем преследовать ученых в их стремлении к истокам жизни на Земле, погружаясь все дальше и дальше глубже в тайну. Тем не менее, мы можем только догадываться: что было там, в самом начале, где-то и когда-то?

Многие физики считают, что это первоисточником была энергия, но эта теория тормозится в концепции вероятности

⁷ Erich Neumann. «The Origins and History of Consciousness», p. 11.

интеллекта. Религиозные мыслители на протяжении веков, как правило, постулируют разум в качестве первоисточника. Но проблема остается нерешенной. Каждый из нас должен найти гипотезу, наиболее приемлемую для себя. Это либо остается в качестве гипотезы, либо она становится предметом откровения, так далеко находится непостижимая тайна.

В мифах и легендах человечество пыталось объяснить эту тайну, начало, как правило, представлено в виде неизвестной силы, дыхание, которое движет воды Хаоса, как описано в Книге Бытия.⁸

Из этого непостижимого начала, независимо от того, каким оно было задумано, первая пара возникает благодаря чему-то вроде рождения. В древнегреческих мифах, например, богиня Никс (Ночь) как великолепная чернокрылая птица, парящая над мраком, является пустотой, не имеющей формы, а затем, без пары, откладывает яйцо, из которого рождается первая пара богов. Здесь мы имеем самую раннюю концепцию идеи родителей.

Я не стану рассуждать о непостижимой первопричине, которая соответствовала бы, возможно, целиком бессознательному, в виде символа Уроборос, но который относится к самому себе с позиции архетипа, возникающего из первопричины, а именно родительского архетипа, и его связи с человечеством. Отсюда я подхожу к вопросу героической борьбы за то, чтобы быть свободным от господства архетипического образа. Если человек преуспеет в своей попытке, то получит что-то ценное, но архетипический образ потеряет часть своей сверхъестественной силы. Развитие сознания предполагает нарушение

⁸ Другие примеры — Айн Соф, еврейский мистицизм; Гностическая история Нуса, духа, влюбившегося в Физис, материю, и неразрывно связанного с ней любовными объятиями; и Бездна «Халдейских мистерий», гностического текста I—II веков.

безусловных правил, деспотизм, который на самом деле, идет из бессознательного. Природа больше не господствует, человечество приобрело свободу и некоторое право выбора. То есть, похищение героем сознания и свободной воли приводит к травме архетипического образа родителей, который лишается части своей силы.

В истории сотворения мира сам Сад является матерью, в то время как Бог является отцом-создателем. Адам и Ева, первые дети, полностью находились в этом отеческо-материнском мире. И на второй день работы было создано понятие «благо». Но первое самостоятельное действие Адама и Евы привело их к приобретению знания о благодати и дьяволе, то есть, им стало известно о противоположностях. Сад больше не был благом для них; его целостность была нарушена.

Первым шагом в развитии человеческого сознания и свободы явилось участие в преступлении против родительских правил и отщепление от них. Человечество обрело свободу, но также и отделилось от самого источника жизни. С этого времени оно стало обременено необходимостью адаптации в мире и покорения природы в своих целях. Большинству людей удалось преуспеть в этом, но к середине жизни что-то нередко побуждает вновь пытаться установить какую-то связь с непостижимым источником энергии и жизни, что лежит в пределах материнских глубин бессознательного. И в некоторых моментах истории, целые народы сталкивались с такой нуждой. Если эта проблема не будет решена, человек, либо общество будет все сильнее отдаляться от животворных недр, впадет в отчаяние и упадок. Задачей, которую нужно предпринять личности, является поиск целостности для непосредственной связи с высшими ценностями духовной жизни; для общества — возобновление связи с традиционными ценностями и религиозными символами.

Всякий раз, когда мы хотим исследовать сравнительно неизученную сферу психологии, особенно, если речь идет

о коллективном бессознательном, желательно принять во внимание два источника информации. Во-первых, мы смотрим на мифы, которые имеются по этой теме, потому что они воплощают интуитивное понимание векового опыта. Во-вторых, мы рассматриваем субъективный материал, который возникает спонтанно, в результате личного опыта современных людей, и особенно тех, кто проходит анализ. (Также важная информация может быть найдена в творческих произведениях). Если мы можем сопоставить выводы, полученные исследованием этих областей, вполне возможно, что мы что-то узнаем о проблеме, которая будет иметь некую всеобщую важность. Я предлагаю рассмотреть материалы из обоих источников.

Когда, в течение жизни или в процессе психологического анализа, мы вдруг сталкиваемся с вопросами: «Кто я? Откуда я произошел?», мы начинаем искать в наших воспоминаниях некий ключ к тайне нашего бытия, и мы обнаруживаем, что имеем довольно четкую и последовательную картину событий и нашего окружения, вплоть до десяти или двенадцати лет. Более ранние воспоминания состоят из отдельных картин, инцидентов и ситуаций, которые мы можем связать только при помощи семейных историй и воспоминаний тех, кто был уже взрослым, когда мы были еще совсем юны. До этого возраста, то есть до трех, или, может быть, двух лет, все чисто.

Действительно, некоторые аналитики заявили, что с помощью свободных ассоциаций можно вспомнить даже внутриутробный период, но я думаю, что мы не можем дифференцировать эти, так называемые воспоминания из личной мифологии, которая может быть свободно активирована у многих людей. Эти «воспоминания», мифы, рассказы об Эдемском саду на самом деле вытекают из бессознательного.

Другие могут даже отважиться на еще более далекую мифологию предыдущих воплощений. Большой смысл в этом

типе так называемых воспоминаний играет то, что никто в прошлых воплощениях являлся просто обыкновенным человеком. Он всегда был королем или благородным человеком, а если это женщина, то, по крайней мере, она была если не королевой или принцессой, то королевской куртизанкой. Сейчас мы вряд ли можем допустить, что каждый был величественным в какой-то прошлой жизни, но если мы возьмем эти «воспоминания» как фантазии внутренней реальности, то можем принять их как истинные. Глубоко в бессознательном каждого скрывается образ королевской личности, собственной личности, индивидуальности, которой мы могли бы быть.

В мифе о волшебных царствах, удаленность в бессознательное, как правило, представлена в виде удаленности в пространстве и времени. Начинается сказка всегда со слов вроде «Давным-давно». Когда мы слышим эту фразу, мы знаем, что будем приняты в страну мечтаний, магии, волшебства и бессознательного, где мы узнаем о принцессах и королях, о бедном мальчике, который совершает подвиг и так становится благородным. В гностической мифологии, также, каждый человек когда-то был величественным, чадом Божьим, и Бог сохранил свое подобие — то есть, свой образ — в своем собственном виде, ибо человек не смог устоять перед соблазном и, покинув Отца, отправился жить на земле. Таким образом, мечты и фантазии о том, что «Давным-давно» в нас текла королевская кровь, могут быть не так уж далеки от истины, если их воспринимать с психологической точки зрения.

Если мы проанализируем границы этих воспоминаний или фантазий, и попытаемся выяснить, что предшествовало им, они станут исчезать в небытии, с которым мы все сталкиваемся, когда пытаемся проникнуть в темноту и неизвестность, из которой наше индивидуальное человеческое сознание, как маленькое солнце, поднялось и бросило свой слабый свет на мрак неизвестности.

Это первоначальный мрак, который сегодня именуется бессознательным, но в терминах, используемых во многих религиях, это пустота, состояние небытия, можно сказать это то, что появилось на свет еще до богов. Боги находятся во младенчестве, плавая в бессознательном, представленное как родители, охватывающие ребенка подобно миру. Ребенок лежит, спит в их объятиях, сначала как еще нерожденный эмбрион, а затем, как дитя в мире сказки — персональном Эдемском саду. Родители, таким образом, образуют окружение и защитную оболочку, которую представляет материнский и отцовский Уроборос. Таким образом, мы остаемся заключены до тех пор, пока не завоюем нашу свободу героическим восстанием и победой.

Благодаря такому перевороту, индивидуум в некоторой степени преодолевает зависимость от родителей. Собственные отец и мать больше не рассматриваются как сверхлюди, полные мудрости и силы. Они теряют силу, и, возможно, человек впервые понимает, что они такие же смертные, со своими недостатками, слабостями и беспокойством, и они тоже желают «сделать все лучше». Это осознание, естественно, освобождает родителей от бремени представлять Бога, которое, на самом деле, некоторые родители считают довольно тяжелым. Но, конечно, есть и другие, которые недовольны независимостью ребенка и стремятся сделать все, чтобы сохранить себя на пьедестале мудрого авторитета, что действительно соответствует архетипическому образу Бога.

Восстание ребенка может быть воспринято довольно легкомысленно, например подросток обычно предполагает, что подражание матери или отцу даст ему все привилегии взрослой жизни без каких-либо обязанностей. Бессознательно ребенок предполагает, что отец или мать все еще будут рядом, чтобы исправлять какие-либо затруднения. Но это означает лишь то, что ребенок не преодолел архетипический образ в должной мере. Там, где присутствует

наибольшее осознание, юноша или девушка может иметь сильные опасения и беспокойство, но в снах или реальности становится ясно, что теперь он или она сильнее родителей.

Если внутреннее сражение будет выиграно и индивидуальности удастся преодолеть не только родителей, но и детское желание защиты и поддержки, то он или она начнет жить в мире самостоятельно. Это будет возможно, потому что в результате этого акта часть энергии бессознательного была выкуплена из родительского рабства и стала доступной для сознательной жизни. Если это объяснить мифологическими терминами, то ребенок вырывает из рук богов часть их силы, чтобы использовать для человеческих целей. Сознательное эго индивида получает большой приз, но бессознательное, проявленное в архетипическом образе, терпит поражение; оно ранено, изуродовано, фрагментировано. И возникает вопрос: Что происходит с архетипическим образом, если его изначальная форма была успешно атакована высокомерием формирующегося эго?

Многое уже было написано на тему испытаний героя и борьбы во имя того, чтобы получить свободу от власти родителей.⁹ Но есть один аспект этой проблемы, о которой мало что было сказано. Множество писателей и психологов озабочены, довольно заслуженно, историей героя, обретшего свободу, преодолевая и опустошая образы матери и отца, что воспитали, использовали и заключили его в тюрьму. Они довольствуются отчетом о том, что происходит с человеком, получившим свою свободу. Они обычно не беспокоятся вопросом — что происходит с архетипом, образ которого был ранен.

⁹ Мы отсылаем читателя к «Символам трансформации» Юнга (CW 5), «Происхождению и развитию сознания» Эриха Ноймана и «Герою с тысячью лиц» Джозефа Кэмпбелла, которые посвящены проблеме борьбы героя, целью которой является освобождение от власти родительского архетипа.

Эта проблема имеет отношение к вопросу о религиозной догме. Бог мыслится как Небесный Отец, или как всемогущий король и судья, и этот образ высших ценностей несет ману архетипа. То есть, архетипический образ по-прежнему одет в образ родителей. В религиозных догмах этот образ увеличивается и идеализируется, и получается, что Бог все-любящий, но всего лишь Отец человечества. Но в человеке образ Бога окрашен своим личным переживанием образа земных родителей. Бог одет, как будто, в одежды реальных родителей. Но образ Божий еще и несет ту часть психической энергии, которая не была включена в сознательную личность индивида в результате восстания против родительского контроля.

В большинстве случаев это имеет большое значение, давая смысл и цель жизни. Но часто те, кто освободились от родительского мира, теряют связь с религиозными ценностями, которые им были переданы в детстве, и не утруждают себя в дальнейшем такими вещами. Так происходит потому, что они не поняли и не выучили, что мощный и сверхъестественный архетип, который являлся посредником их бессознательной психики, продолжает функционировать в себе и в мире так же, как это было в прошлом, но они, потеряв посреднический символ, остаются без связи с ним, полностью на своей милости.

Есть ли способ, с помощью которого можно было бы получить доступ к этому источнику обновления без потери отдельных показателей, достигнутых в мире таким трудом?

В древнем Вавилоне эта проблема нашла свое отражение в мифе о творении и в создании упорядоченного общества, в котором герой преуспел в господстве против всемогущих родительских богов. Миф раскрывает проблему отношения личности к своим родителям, когда решение искали и находили во внешнем мире. Когда молодой человек освобождается от райского дома, достаточно найти работу, жениться и он становится человеком, таким образом, уменьшается его

зависимость от родителей, в то время как это влияет на экстравертный аспект его жизни. Но к середине жизни проблема должна столкнуться с более глубоким уровнем. Для многих людей этого недостаточно, чтобы иметь грамотный внешний мир. Вопросы, касающиеся всего этого, начинают настаивать на ответах. И снова изгнание из рая, в котором произрастает Древо Жизни, становится актуальной задачей. Для тех, у кого нормальное детство, решение этой проблемы на данной стадии не должно быть слишком трудным. Но для других, развитие которых было искажено из-за детских лишений, трудности значительно возросли. Есть и те, кто не были серьезно опустошены в детстве, но в дальнейшей жизни обнаружили себя выброшенными в темноту, изгнанными не от фактических родителей, но от общения с их глубоким смыслом, то есть от Бога. Другие, опять же, испытывают то, что Иоанн Креститель назвал «темной ночью души», и вынуждены встать на путь, цель которого часто представлена образом Рая, где можно обновиться, возродиться из чрева Великой Матери.

После обсуждения вавилонского мифа, будут представлены новые материалы обстоятельства, показывая, как отделение от архетипических родителей, соответствующее мифической истории, проявилось во снах некоторых людей, и какой опыт привел их к освобождению от изжившего себя воздействия родительского контроля. Этот контроль не осуществлялся в сознательной сфере фактическими родителями, но, тем не менее, находился под влиянием этих людей изнутри, чтобы они были беспомощны в борьбе с его сознательными средствами. До тех пор бессознательное самостоятельно не участвовало в движении к освобождению от власти родительского архетипа, были эти люди, имеющие возможность сбросить тиранию, что препятствует им стать индивидуальностью в их собственных правах.

Конечно, такой акт предполагает травму в архетипическом образе матери или отца. Он больше не может существовать

в неразрывной целостности, единоличным правителем своей психики. Но когда власть родителей нарушается, их функции должны выполняться в другой форме.

Этим людям пришлось пройти через темную ночь души, но как только травма архетипического образа родителей была исцелена, они обнаружили, что бессознательное больше не является им в пугающей и разрушительной форме. Вместо этого они показали себя как источник жизни и творчества.

В вавилонском мифе о творении, мы сказали, что в начале было две сущности. Они были мужской и женской природы, но, однако, они не были богами. Они имели потенциал — если сказать современными научными терминами, они являлись энергией, подобно положительному и отрицательному электричеству. Но от них возникла все мироздание, то есть, они были родителями богов и от них развивалась вся вселенная. Это естественным образом представлено как рождение.

Когда мы понимаем, что подобный миф выражает древнее представление о происхождении жизни, не трудно понять то, что подавляет власть человеческих родителей. Они воплощают возможность созидания; они дали жизнь ребенку, и в своих лицах они представляют все, что существовало до рождения ребенка. Неудивительно, что фактические родители несут для ребенка настоящую магическую силу архетипического образа. В мифе, первая потенция рождает одну пару богов, они в свою очередь создают следующую пару, и так далее, пока, наконец, не рождается герой. Он поздний потомок первых двух потенций, которые не предусматривались в качестве людей, хотя боги, их потомки, были человекоподобными.

В вавилонском мифе герой на самом деле бог, но в последующих циклах мифов, например таких, как греческие, герой — полубог, сын бога и земной женщины. Я не знаю ни одного мифа, где земной человек имеет связь с богиней, величественнее героя. Ребенок, рожденный в таком союзе, либо демон, либо наполовину фея, бездушное существо.

Когда Бог совокупляется с земной женщиной, ребенок, родившийся от этой связи, как правило, герой — он идеальный, выдающийся человек, имеющий богоподобный дух в человеческом теле, данном ему земной матерью. Он действительно человек нового времени, которому суждено было выйти за рамки своих родителей, чтобы привести цивилизацию на новый уровень. Он является предшественником нового сознания, создатель или инициатор новой культуры. Для того, чтобы создать что-то новое, старое, естественно, должно быть заменено, и герой, которому предназначено уничтожить старые пути, представлен в мифе как преодолевающий и уничтожающий родительских богов, преступление, связанное с чувством вины и позором, назначенным каждому новатору.

Первые боги-герои были серьезно стеснены зависимостью от всемогущих родителей. Они были детьми, связанными с ними, не имеющими возможности для самостоятельной деятельности или инициативы. Какое-то время это удовлетворяло их, но в конце концов новое желание, даже необходимость, заставило их бороться против рабства. Они желали и нуждались в свободе. В результате, родители, естественно, оказались враждебно настроены, они показали свою зависимость от детей. Если бы дети дали согласие оставаться детьми и не начинать борьбу, родители были бы совершенно удовлетворены статусом-кво, который может сохраняться вечно.

В реальной жизни это может быть и так, но в мифе родители показаны действительно враждебно настроенными по отношению к своим детям. Отец может даже поглотить свое собственное детище, как это сделал Кронос, когда его предупредили, что одному из его сыновей суждено свергнуть его с престола. Но, как правило, первый враждебный акт осуществляется сыном. Он убивает отца и занимает его место. Мы видим в мифе, как герой, преодолев Бога-Отца, заменяет старый порядок, основанный исключительно

на доминировании и приказах первого правителя, законах, которые он сам установил. Полномочия и обязанности отца разделяются между молодыми богами, каждый из которых ответственен за свою сферу, все для упорядоченного функционирования Вселенной. И так, абсолютная власть Отца спадает.

Обязанности, возложенные на первого Отца, в то время Бог возлагает на мужское общество, их несут цари и священники, а также простые мужчины, являющиеся членами группы. Эти обязанности варьируются от физического господства до абстрактных идей. Это стало началом патриархального управления: кодексы законов, религиозные ритуалы, права собственности и так далее.

Что касается Богини-Матери, проблемы могли быть самыми различными и, определенно, более сложными, ибо она была единственным источником жизни. Это она породила все вещи, и эта функция не может быть изъята другими или выполнена с помощью сознательного акта воли. И по сей день Мать-Природа, жизнь дающая, контролирует беременность и роды, и все наши технологии не смогут дублировать ее созидательную функцию. Она также дарует плодovitость и дарит урожай. Во все века она была Богиней-Матерью, которая заботилась этой важнейшей областью. Мать также являлась воплощением эмоций, выраженных в первоначальной женской потенции как недисциплинированная эмоциональность, которая выражается в природе как штормы, ураганы или наводнения, и людскими страстями всех видов. С положительной стороны она была источником любви и взаимоотношений. И так, когда в прошлом она была завоевана, герой создал религиозные обряды и жертвоприношения, которыми он надеялся привести свою дикую природу в порядок, и одновременно побудить ее даровать свою живительную творческую силу всем женщинам, а также женщины, являющиеся бесплодными, могут быть наделены ее чудодейственной силой продолжать свой род.

Таким образом, вавилонский миф указывает на очень важное различие между героем мужского начала в лице Бога Отца, и женских принципов в лице Богини-Матери. Это указывает на то, что мужскую область следует рассматривать сознательным намерением и силой воли, и она, в большей степени, может быть рассмотрена таким образом. По этой причине сегодня воспитание мальчиков и юношей постоянно подчеркивает необходимость развития самодисциплины и принятия трудностей. Но женственная область гораздо меньше поддается сознательному контролю. Возможно, эмоции могут быть подавлены с силой, но они не будут развиты или изящно подавлены. Таким образом, Логос, мужское начало, это сущность сознательная, в то время как Эрос, женское начало, осознанно в гораздо меньшей степени.¹⁰

В серии лекций о «Мистериях Диониса», Линда Фирс-Дэвид показала это различие очень явно.¹¹

Она основала свое изложение на фресках в Вилле мистерий в Помпеях и показала, что процесс инициирования мужчины отличается от женского. Предписание начинается одинаково для обоих, но после предписание для мужчин и женщин разделяется. Мужчина остается в верхней палате, где он иницируется мужскими фигурами, в то время как женщина должна пройти через подземный ход, чтобы найти темную тайну Диониса в качестве фаллический бог. Затем, по возвращении в верхнюю комнату, она быть очищена наказанием от всякого собственничества в отношении тайны, в которой она участвовала. Таким образом, она приходит к своей истинной женственности. Это переживание не дает сознательного разумного понимания, как и у мужчины, так и у женщины.

В нашей повседневной жизни мы хорошо понимаем, что мышление и все те процессы, связанные с мужской сферой

¹⁰ См. Harding, «Woman's Mysteries: Ancient and Modern», pp. 33f., 38.

¹¹ См. «Women's Dionysian Initiation: The Villa of Mysteries in Pompeii» — Ред.

Отца, которая более склонна к осознанию, чем к эмоциям, относящимся к сфере Матери. И дионисийская инициация показывает, что эта сфера должна рассматриваться не с помощью сознательного планирования и силы воли, а благодаря религиозным практикам и жертвоприношениям.

В периоде, описанном в нашей мифе, вероятно тысяча лет до н. э., проблему эмоций невозможно было решить — на самом деле, эта проблема актуальна до сих пор. Однако, в мифе угадывается путь к решению — «материнский сын» должен быть принесен в жертву затем, чтобы мужчина мог бы быть создан — создан с единственной целью — служить богам. Это, безусловно, является тусклым предзнаменованием христианского таинства искупления, и религиозной функции человечества.

Этот миф, как и многие другие, относится к двум уровням человеческого восприятия, внешнему и внутреннему. Первый уровень затрагивает фактическое освобождение молодого человека от детской связи с родителями и борьбу, необходимую для того, чтобы стать независимым от взрослых. Второй уровень затрагивает субъективное переживание внутреннего развития — достижение психологической зрелости, с помощью которой зависимость от внешнего авторитета заменяется новой, отдельной связью с глубинной Матерью бессознательного и духовными ценностями Бога-Отца. Этого нельзя создать в одиночку сознательными усилиями. Оно возникает из опыта мистических переживаний, соответствующих тайне посвящения, пришедших из древности.

В Книге Бытия, мужчина и женщина предприняли добровольные действия, будучи соблазненные змеем. В итоге, они нарушили тоталитарный закон, который так успешно управлял садом. В этот момент новая модель вступает в игру. Книга Бытия продолжает описывать, что произошло в результате этой травмы — травмы не только единого устройства сада, но и единой системы человечества.

Первоначальное единство было нарушено с приходом нового принципа, а именно сознания. Но в Книге Бытия ничего не говорится о том, что случилось с Эдемским садом после того, как его единство было грубо нарушено. Однако, существует еврейская легенда, которая рассказывает, как Бог переместил райский сад с земли в будущую жизнь, где в него могут попасть только те, чьи грехи будут искуплены и кто восстановит утраченную невинность. Таким образом, образ Рая будет восстановлен после травмы. Эта картина соответствует «Новому Иерусалиму», описанному Иоанном Богословом. (Откровение 21: 2)¹², но данное описание не точно соответствует оригинальному Саду, ибо он рассказывает о городе, а не о Саде. То есть, Рай больше не совершенно естественное произведение; как город он должен быть построен с человеческими усилиями и изобретательностью, города созданы для людей, но они не встречаются в природе. Но снова, чудотворное дерево растет рядом с рекой, и это дерево исцелит народ.

Человечество тоже изменилось. И хотя нам можно было бы простить нашу гордыню в краже плода — конечно, при условии, что будет сделана приемлемая жертва — но все же мы не можем вернуть нашу утраченную невинность. Мы могли бы стать чистыми перед законом, но теперь мы познали добро и зло, и поэтому никогда больше мы не сможем иметь чистоту и безупречность — как при жизни до грехопадения или у новорожденного младенца. Неизбежно, каждый из нас «имеющий знание», разбит на противоположности. Если мы желаем когда-нибудь снова стать едиными, это должно произойти на новом уровне.

И поэтому, восстановление после травмы не произведет возврата к статусу-кво. Отныне, целостность неизбежно

¹² Библейские упоминания соответствуют версии короля Джеймса — ред.: в переводе используется Синодальный перевод Библии — прим. рус. ред.

будет совершенно иного порядка. Образ Рая был раздроблен и Сад перестал быть домом; он остался в воспоминаниях о счастье, блаженном состоянии, которое теперь нам недопустимо, что-то глубоко желанное, но навечно закрытое для нас. Без этого мы чувствуем себя обделенными, отчужденными от Бога и нашей изначальной сути. Эта сторона архетипа показана во многих мифах о сотворении мира, кроме одного иудейского, и во всех них присутствует тема травмы. Она включает в себя то, что можно было бы назвать обычной травмой архетипического образа, потому что без нее развитие невозможно. Это соответствует пробуждению человека к самосознанию. Существуют различные вероятные исходы ситуации, производимые с приходом сознания и правом выбора. Упор в соответствующей мифологии выпадает на разные аспекты ситуации. Изгнанные из рая, мы либо по-прежнему остаемся опустошенными, постоянно оплакиваем потерянное счастье, невинное состояние свободы от тревог и от необходимости личной инициативы в отеческо-материнском мире, либо мы берем украденную свободу выбора и приступаем к строительству мира нашим личным трудом и изобретательностью.

Если человек, отделенный от родительского райского мира восстанием, или актом неповиновения, соответствующим краже плода в Эдеме, не способен принять все необходимые дальнейшие меры для получения собственной независимости, он навсегда остается в пустыне. Это как если бы архетипический образ связи сына и родителей получил патологическую травму, такую, что мифологема больше не может продолжаться в своем обычном порядке. Сын пребывает в положении борца, вместо того, чтобы иметь возможность стать героем.¹³

¹³ См. Erich Neumann, «The Great Mother», p. 66; а также Neumann, «Origins», p. 88.

Эта неспособность достичь личной свободы дает очень печальное психологическое состояние, и, к сожалению, это не редкость. Это приводит к инертности, отчаянию или к насильственной враждебности.

Когда Адам и Ева похитили райское яблоко, они страдали не только от чувства вины, но больше от немедленной потери покровительства и незаслуженной поддержки, предоставляемой садом, поэтому они стали бесконечно одиноки. Изгнание от Бога, и исключение из укромного места, где они прожили всю жизнь — они столкнулись с великим неизведанным миром. Несмотря на то, что их не только были изгнали из Сада, они были прокляты — Еву обременили деторождением, а Адам был проклят возделывать почву, вместо того чтобы оставаться собирателем пищи. Они получили возможность создания собственного индивидуального сознания и образа жизни, хотя это дорого обошлось.

Но Всевышний тоже пострадал, он потерял часть всей величины его абсолютной власти, которое пошло на создание человеческого сознания и свободной воли. И при этом он потерял свое последнее и величайшее творение. Человек больше не принадлежал Богу. Он принадлежал сам себе! Бог стал равен человеку. Ведь если человек может делать выбор, Бог больше не всемогущ, отныне он не бесспорный монарх. Такое развитие можно считать травмой для Бога. Или мы должны говорить Божественный образ? После кражи с Древа Познания, Бог был вынужден измениться, также, как ему пришлось измениться во время встречи с Иовою, что проиллюстрировал Юнг.¹⁴ Дальнейшие перемены произошли после того, как воплотился Сын Его, и произошло очередное

¹⁴ См. «Answer to Job», «Psychology and Religion. West and East», CW 11; а также Edward F. Edinger, «Transformation of the God-Image: The Elucidation of Jung's Answer to Job», и «Encounter with the Self: A Jungian Commentary on William Blake's Illustrations of the Book of Job». — Ред.

урезание его абсолютности, было объявлено в Католической Церкви о догматичном обнародовании Успения Пресвятой Девы Марии. Это имеет непосредственное отношение к проблеме женского начала, что является серьезной задачей для материала, который мы обсуждаем здесь.

Постепенное изменение и эволюция архетипического образа божества, возникшее за счет увеличения человеческого сознания, влечет за собой травму первичного архетипического образа. Это тоже выражается в дальнейшем развитии мифологемы. Это травма, которая должна, возникнуть в психических переживаниях каждого отдельного человека, который стремится быть современным, который хочет находиться в авангарде цивилизации и двигаться в будущее.

ГЛАВА 2

БАВИЛОНСКИЙ МИФ О ВОЗНИКНОВЕНИИ СОЗНАНИЯ

Эта легенда о победе над родительским контролем и травме, которая за этим последовала, пришла к нам из далекого прошлого — это вавилонский миф о сотворении мира, известный как «Энума Элиш». Общие очертания этой легенды довольно широко известны, но кроме специалистов мало кто знаком с тем подробным описанием, который дает в своем переводе Сидни Смит, бывший ассириолог Британского музея¹, и еще меньше людей знают о психологической значимости этого поучительного материала.

В интерпретации мифа я буду полагаться, главным образом, на перевод Смит, но также дополнительный материал будет использоваться из перевода Роджерса и Лэнгдона.²

Легенда была записана в вавилонское время, на глиняных табличках, и, частично, несколько версий сохранилось. Первые фрагменты были найдены во дворце и библиотеке Ассурбанипалы, Ниневия, в 1848 году, а другие части этого предания были найдены после. Эти существующие таблички были созданы около 668–632 г. до н.э. (примерная дата разрушительного пожара, уничтожившего дворец Ассурбанипал),

¹ Smith, «The Babylonian Legends of the Creation and the Fight between Bel and the Dragon as Told by Assyrian Tablets from Nineveh».

² Robert Williams Rodgers, «The Religion of Babylonia and Assyria»; Stephen Herbert Langdon, «Semitic».

но предания были записаны гораздо раньше. Вероятно, они датируются примерно 2000 г. до н.э. Когда обнаружили таблички, их доставили в Британский музей, но так как не было ни одного способа расшифровать клинописное письмо, которым они были написаны, они остались лежать в музейных подвалах и были переведены гораздо позже. Перевод Сидни Смит сохраняет драматическую форму повествования. Он рассказывает нам, что используемая версия, вероятно, написана на реальных табличках из Британского музея, где-то после 800 г. до н.э., но надпись датируется 1580 г. до н.э., и это дает доказательство того, что история Мардука была известна в то время. Таким образом, материал, с которым мы имеем дело, действительно очень древний, и удивительно, что он понятен для нас сейчас, это показывает, насколько мало мы изменились за эти века.

Существует семь табличек с Вавилонским мифом, которые описывают сотворение мира и человека. Они являются частью легендарной истории о богах и их подвигах, которая была записана для того, чтобы подчеркнуть славу Бога-героя, который спас других богов от многих опасностей, и, наконец, создал человечество, чтобы оно служило богам. Этот Бог-герой был известен под другими именами в каждом из великих мегаполисов Шумера, Ассирии Вавилонии.

Смит использует версию, в которой Мардук — герой, чьи подвиги стали возможным приходом человечества на космическую сцену. Мардук был божественным городом Вавилона. В других городах те же подвиги приписывают любимому богу этой местности. Так, например, в городе Сур, в местных легендах, одноименный бог имел такую же должность, какую Мардук занимал в Вавилоне, в то время как Энлиль занимал аналогичный пост в Ниппуре, и так далее. Около 2000 до н.э., Мардук начал приобретать все большую важность, пока, наконец, не стал главенствующим богом пантеона. Миф был написан в форме поэмы, и, видимо, использовался

в качестве основного Новогоднего ритуала, который проводили во время весеннего равноденствия.³

Во время одиннадцатидневного праздника, легенда читалась в полном объеме. Тот факт, что Новый год празднуется в день *весеннего равноденствия*, кажется для нас странным, ведь мы отмечали его во время зимнего солнцестояния, но до 1582 года мы тоже отмечали Новый год примерно 25 марта. Вавилоняне отметили особую точку на небе, где Солнце восходит в день весеннего равноденствия, когда день и ночь делятся одинаково, и рассчитали год с этой точки с отсылкой к зодиакальным знакам, которым они впервые дали названия и нанесли на карту. В этой легенде мы описали, как это было сделано. В западной культуре знаки зодиака по-прежнему известны под названиями, которые дали вавилоняне.

Вавилонская легенда о первотворении описала присвоение каждому богу конкретной позиции на небе. Один из «коварных планов», разработанных Мардуком, в том, чтобы установить для богов собственные пространства в этих обителях, на месте тех, которые существовали ранее, когда воцарился первобытный хаос. Эпоха, когда эта легенда была написана, соответствует переходу точки весеннего равноденствия с Тельца, Быка, на Овна, Барана, или часто его называют Агнец.

На шумерской печати 25 в. до н.э., Бог, возможно Адад, который соответствует Мардуку, изображен переступающим через быка, в то время как Шамаш, солнце, поднимается на своем орле. Иштар, в качестве утренней звезды, предшествует ему.⁴ На алтаре Пальмира, датирующийся примерно началом христианской эры, Мардук показан как голый

³ См D. Stephenson Bond, «The Archetypes of Renewal: Psychological Reflections on the Aging, Death and Rebirth of the King», гл. 2.

⁴ См. Langdon «Semitic», стр. 60.

мальчик, возникающий из кипарисового дерева с бараном на плечах. Таким образом, Мардук здесь изображен тем, кто переносит знак Овна в виде барана в новую эпоху, в то время как в более раннем представлении, Мардук переступает через знак Тельца, изображенного как Бык, представитель эпохи, которая как раз проходила, что символизирует переход от Тельца к Овну, который состоялся около 2000 г. до н.э.⁵

Здесь мы, преимущественно, заинтересованы в психологической интерпретации материала, и особенно в том, чтобы бросить свет этих историй на архетипический фон психики. Наблюдая, как эти архетипы влияют на современных людей, мы должны смотреть на образы, которыми они были представлены, и их современные аналоги.

Миф рассказывает, что вначале не существовало ничего, кроме Апсу, Бездны Сладких (то есть, пресных) вод, вместе с его женским двойником, Тиамат, Бездной Горьких (соленых) вод. Эти легенды пришли от древних народов, живших в дельте, на основных землях Персидского залива, где и Тигр и Евфрат впадают в море. Это место являлось не четкой дельтой, а огромным болотом с множеством рек, разбивающих потоками плоскую землю, которая в результате часто затоплялась. Таким образом, Апсу олицетворяет Великую Реку и воды, которые льются с небес, то есть дождь, в то время как Тиамат олицетворяет океан.

Интересно заметить, что бездна или хаос представлена здесь двумя принципами или формами, и они обе имеют водную природу, в то время как в других мифах они представлены в виде воды и земли, либо неба и земли. Во многих мифах, бездна или пустота вообще не дифференцируется,

В начале христианской эры, солнце перешло в знак Рыб, знак Христа, и Агнец пал. Двойной знак Рыб символизирует Христа и его противоположность, Антихриста, на данный момент этот знак почти пройден, мы уже находимся под влиянием Водолея, который также показан на многих вавилонских барельефах после Рыб.

ни как мужская, ни как женская. Разделение на эти первые противоположности понимается как первый акт творения. И в нашем мифе, также, времена до сотворения характеризуются тем, что воды смешаны, но не разделены на Апсу и Тиамат. В поэме утверждается, что процесс созидаение начался тогда, когда небеса еще были безымянными, и эти воды смешались, возможно, в той болотистой области, где Тигр образовал большую дельту. Но таблички рассказывают нам, что тогда же был изобретен и способ строительства — делались плетеные циновки, которые размещали на болоте, а затем на них укладывали грязь, где она быстро запекалась в своего рода саманный кирпич. Текст гласит:

Все земли были покрыты морем.

...

Мардук в спешке связал циновки на поверхности воды,
Он взял грязь и сложил ее на циновку.⁶

Здесь мы видим, как люди сталкиваются с затруднениями, попытавшись описать времена до появления человечества. Они были вынуждены внести прообраз человека, или, как здесь, бога-героя, однако они заявили, что он еще не был создан. Мы имеем такую же проблему в попытках представить, как все было до рассвета нашего личного сознания. Словно, если нет никого, кто имел бы об этом представление — то ничего не существует, следовательно, если что-то существует, то должен быть и тот, кто знает об этом. (Это, разумеется, соответствует современному философскому вопросу: существует ли мир, если никто не осознает его существование.)

Таким образом поэма утверждает, что изначально не было ничего, кроме бездны вод, но действие тут же переходит

⁶ Smith «Babylonian Legends», стр. 8.

к сотворению героя, который приводит все в порядок. Эгоистическое сознание дает разные отчеты обо всем, что может существовать. В Вавилонском мифе о первотворении сказано, что ежегодно, во время церемоний в честь празднования Нового Года, люди могли почитать богов. Мы до сих пор делаем это, когда пересказываем священные истории нашей религии в соответствующие праздники. Верующие соучаствуют в событиях, о которых они слушают, и в какой-то мере усваивают ценности, дошедшие до них от богов и героев древности. Таким образом, психологическое воздействие производится с помощью идентификации с предками.

Говоря о тайнах дионисийского посвящения, изображенного на настенных росписях Виллы мистерий в Помпеях, Линда Фирс-Дэвид пишет:

До тех пор, пока старые мифы живы для человечества, участие в мистериальных культах является подлинным переживанием для человека, то есть, благодаря им участник может напрямую прикоснуться к архетипическим образам, может быть глубоко потрясен ими и тем самым спасен от животной коллективной психики, которая является всего лишь сумбуром.⁷

Мэттью Арнольд сделал аналогичное наблюдение при рассмотрении ситуации афинских театралов, присутствовавших на представлении «Орестея», цикле драм, излагающих миф об Оресте и его судьбе. Арнольд пишет:

Ужасающая, старая мифическая история, на которой была основана драма, прежде чем она вошла в театр, прослеживается голыми контурами в разуме

⁷ «Women's Dionysian Initiation», стр. 73.

зрителя; она находилась в его памяти, как группа статуй, едва заметных, в конце длинной и темной аллеи: затем пришел Поэт, воплощая эти контуры, развивая события, не пустые слова, не чувства, капризно брошенные: удар за ударом, драма продолжалась: свет все четче проявлял статуи; все больше и больше они показывали себя прикованному взгляду зрителя: пока, наконец, последние слова не были сказаны, и перед ним оказывался, залитый ясным солнечным светом, образец бессмертной красоты.⁸

Зритель покидал театр глубоко впечатленным, изменившимся, по крайней мере, в определенной степени, ведь переживания, в которых он принимал участие, и, как говорит Фирс-Дэвид «напрямую дотронулся до архетипических образов», которые были возрождены искусством поэтов и актеров. Пересказ христианских легенд или любой другой религии может дать такой же эффект, и это одна из причин, почему они составляют основную часть религиозного воспитания. Если рассказчик тронут архетипическими образами в рассказе, аудитория также будет захвачена ими. Это демонстрируется ежегодно, на примере волнующего действия пьес цикла Обераммергау в Германии, и подобное испытали многие религиозные люди на Причастии и еврейском Седер, но можно перечислить лишь эти два архетипически значимых ритуала, проходящих на Западе.

Миф, который мы рассматриваем здесь, намного старше Дионисийских мистерий или Орестей. Однако, это тоже пересказанный миф о положении вещей, и, возможно, часть его также проигрывалась на соответствующих празднованиях. В очередной раз архетипические события проживались

⁸ В предисловии к изданию «Поэмы» 1853 г.

участниками, и они тоже менялись благодаря пережитому. В комнате посвящения на Вилле мистерий в Помпеях, первая сцена изображает служителя, который читает что-то из свитка, вероятно, мифы Диониса и Ариадны на Наксосе, в то время как послушник внимательно слушает. Но в последующих сценах, кандидат на инициацию принимает непосредственное участие в священном ритуале, так что влияние архетипических событий было огромным.

В христианских ритуалах священная история об искуплении разворачивается перед нами, и посвященные участвуют в ней через крещение и причащение. Но на сегодняшний день, обряды церкви утратили свою ману.⁹ Для тех, кто по-прежнему выражает нужды своего бессознательного, эти ритуалы действительно могут исцелить, но для большинства это не так. Они должны выискивать личную связь с бессознательным, с помощью которой они могут прожить искупительный обряд самостоятельно. И, по крайней мере для некоторых, поиск истины внутри себя приводит к столкновению с архетипическими образами, которые пробуждают в бессознательном картины древней истории возрождения и пути к индивидуализации. В самом деле, очень важно, чтобы дети и взрослые подвергались воздействию мифа и ритуала, потому что полезные архетипические образы таким образом активируются в бессознательном.

Вступительные строчки Вавилонской поэмы призваны дать возможность участникам новогодней церемонии понять, каков был мир до создания, так что они могли не только восхищаться работой, которую проделали боги и

⁹ Мана — меланезийское слово с отсылкой на завораживающие и сверхъестественные качества богов и священных предметов. «Личная Мана» воплощает магическую силу. См The Mana - Personality, «Two essays on Analytical Psychology», CW 7. — ред.

герои древности, но также и самостоятельно воодушевиться на совершение подобных подвигов.

В начале ничего не было.

Ни священных храмов, ни храмов богов на святых местах еще не было построено.

Тростник еще не взошел, деревья не выросли...

Не было построено ни одного дома. Не было построено ни одного города.¹⁰

Далее перечислены названия городов, которые еще не были построены. Это очень древние города, расположенные на юге страны, недалеко от Вавилона, где жили люди, которые написали этот рассказ. Это похоже на то, как если бы мы, пытаясь заставить людей осознать древность событий, сказали бы: «Все это произошло задолго до того, как Рим был построен. Троя еще не возникла. Доисторические пещеры Родезии не были заселены. Времена до всего этого были бездной мрака.»

Миф гласит, что до того времени, когда существовали эти древние, почти забытые города, была Бездна горьких вод, именуемая Тиамат. Она была матерью всего творения и зародилась в том месте, где океан был преобладающим фактором для существования, в болотах на берегу Персидского залива. Но пришло время, когда жители этих изначальных городов на болотах стали двигаться на север и постепенно это место стали называть Землей двух рек — то есть, Ассирией — которая лежала между Тигром и Евфратом. В то время Апсу, Бездна пресных вод, занял преобладающее место в их понятиях. Ко времени появления табличек с надписями, Тиамат и Апсу занимают равную позицию создателей. В сознании людей, живущих на берегу залива, Мать занимала первое

¹⁰ Smith «Babylonian Legends» стр.8.

место, но позже, на определенном этапе развития, пришел Отец, и сменил ее.

Это сходится с изначальной матриархальной структурой первобытных племен. Патриархат, возможно, начал развиваться только тогда, когда собственность стала индивидуальной, новшество, связанное с основанием более или менее постоянных деревень, искусством одомашнивания животных и возделыванием земли. И, конечно, это также соответствует ранним переживаниям каждого ребенка. Мать это первоначальная действительность, источник жизни, тепла и пропитания, а Отец появляется на сцене позже.

В сохранившихся вавилонских мифах, не только эти воды являются источником жизни этой жаркой пустынной страны — не менее важны также рассказы о потопе. Эти легенды, возможно, были основаны на истории реальных паводков рек или морских наводнений, которые в далеком прошлом были пережиты на Персидском заливе, наводнения, которые привели к катастрофам и смерти. Поэтому и Апус, Великая Река, и Тиамат, океан, имеют как милосердный, так и зловещий вид. Каждый из них может в любой момент разрушить границы, установленные богами, и вызвать наводнение, которое истребит народ.

Именно Боги устанавливают границы по этому счету. Бог в Ветхом Завете также определяет границы. Ведь когда Яхве рассказывал о своих достижениях Иове, он спросил его: «Кто затворил море воротами, когда оно исторглось?... и поставил запоры и ворота, и сказал «доселе дойдешь и не перейдешь и здесь предел надменным волнам твоим»? (Иов 38:8—11) Конечно, предполагаемым ответом, является то, что сам Яхве сделал это. Это говорит о том, что «воды» предшествовали его появлению, и что до него они были совершенно безграничны. И действительно, изначальная пара в Вавилонском мифе не знала пределов своей изобретательности. Это соответствует тому, что в персональных историях каждого человека, родители имеют неограниченную власть,

как Апсу и Тиамат, а также им свойственны соответствующие двойственные качества.

Если мать и отец руководствуются исключительно материнскими и отцовскими инстинктами и сами не ставят никаких границ своей собственной власти в отношении ребенка — они попросту ведут себя так, как диктуют инстинкты. Это правда, что без их дара воспитания, жизнь, которую они дали ребенку, скоро будет угасать; но если кто-то из них оказывает избыток воздействия, то есть, если есть излишек родительского попечения, развивающееся сознание ребенка может быть поглощено или даже затоплено, так же, как оно может быть раздроблено, когда инстинктивные родительские обязанности отрицательны и родители, жестокие или пренебрежительные. Так что, как правило, необычно благостный родной дом, со снисходительными и все позволяющими родителями, действительно может привести к уничтожению ребенка, его развитие останавливается, и все усилия по достижению независимости засыпаются, тонут в добре.

Ради своего собственного психологического развития, родители должны проводить различия внутри себя между архетипическими материнскими и отцовскими ролями, которые они воспроизводят, и их собственной гуманностью, в качестве сознательных людей. Таким образом, они устанавливают границы над неограниченной властью и требованиями инстинкта; то есть, они направляют внутрь все, касательное инстинктивных желаний, как это сделали боги по отношению к Тиамат и Апсу (об этом мы еще узнаем). И также, они могут установить ограничения по отношению к своим детям, потому что, как человеческие индивиды, они должны надлежащим образом следить за своими личными потребностями, помимо родительской функции.

Они также должны понимать, что в отношении своих детей они играют двойную роль; делая так, они

дают детям возможность осознать этот факт. Потому что они несут функцию первоначальных богов, зачинателей жизни, а также второстепенных богов человеческой судьбы и чувств, которые должны устанавливать ограничения, в противном случае инстинкт будет безграничен. Иными словами, мужчина или женщина, становясь родителем, имеет архетипическую роль, но она должна быть ограничена человеческим сознанием и личностным развитием. Это напоминает ситуацию в психологическом анализе, где Аналитик также играет двойную роль. Из-за проекции, аналитик становится носителем архетипического символа, которого вызывает у анализанта чувство нуминозности, связанное с высшей ценностью; и при этом, аналитик является индивидуальностью, человеческим существом, с которым анализируемый должен развивать отношения взаимопонимания.

Утверждение в мифе о том, что Боги установили границы для безграничной власти Тиамат и Апсу, имеет и иное, очень важное значение. Когда человек вступает в контакт с коллективным бессознательным, не редко случается так, что мечты и образы ослепительной и пленительной силы начинают затоплять сознание, порою довольно рискованным путем. Для того, чтобы не стать поглощенным, необходимо найти какой-то способ установить границы для изобильных изливаний сокровищ от сознания, а это, согласно мифу, могут сделать только Боги. Боги олицетворяют ту величественную силу, которая уже вырвана из сознания, она не поддается ни потоку разума, ни интеллектуальному пониманию, и, конечно же, не покорна воле власти. Если человек все еще имеет достаточно много сдержанных и дисциплинированных инстинктивных преследований, то он рискует быть заваленным, затопленным, или, возможно, стать излишне напыщенным от изобилия богатств бессознательного. Когда такое происходит, человек оказывается бессильным и уязвимым. Таким образом, когда

активируется бессознательное, когда воды начинают подниматься, мы должны строить дамбы и защищать нашу человеческую ничтожность. Юнг, говоря о потребности людей иметь связь с вечным, предостерегает:

Ощущение вечного... можно достичь, только если мы ограничены до предела. Наибольшее ограничение для человека — «я»: оно проявляется в переживании: «Я только это!» Лишь осознание нашего ограниченного заключения на себе формирует ссылку на неограниченность сознания... И познание себя для того, чтобы быть уникальным в нашей личной комбинации, в конечном счете ограничивается тем, какой способностью мы обладаем к познанию бесконечности. Но лишь тогда!¹¹

В противном случае, воды потопа могут сокрушить нас. Когда вавилоняне обыгрывали этот миф на Новый год, они напоминали людям о необходимости ограничений и контроля, как это было сделано с Тиамат и Апсу. Это вызывало в них желание поступать так, как поступал древний герой, и, таким образом, получить свою свободу. И аналогично, тогда, когда бессознательное угрожает сокрушить нас, мифы и легенды, особенно о наших собственных религиозных корнях, могут дать полезные символы, благодаря которым можно установить границы от вторгающихся наводнений.

Действительно, воды бессознательного могут угрожать затопить нас, но мы не отваживаемся узнать, как в целом это проверить, потому что без их питающих потоков, жизнь станет сухой и мы погибнем. Вавилоняне использовали древний гимн, даже в свои собственные праздники, как молитву реке, которую здесь славил, как богиню.

¹¹ 27 «Воспоминания, сновидения, размышления», стр. 325.

О Река, величие всего сущего,
 Когда боги создали тебя, на твоих берегах они разме-
 стили милосердие;
 На твоих берегах, Эйя, царь Апсу, построили свои
 обители.
 Они дали тебе бесподобный поток.
 Огонь, ярость, великолепия и течение,
 Эйя и Мардук дали тебе.
 Ты судья решений человеческих.
 О, великая, сыскавшая известность Река, Река
 святилищ.
 Воды твои высвободились: получи от меня мою
 молитву.¹²

В этой молитве река — божество, мощь потопа, гнева, величия и ужаса. Затем в поэме сказано, что река оценивает человечество. Конечно, это действительно так. Мы строим наши дамбы, и река оценивает их, демонстрируя, хорошо ли они построены или это низкопробная работа. Кроме того, мы строим наши психологические дамбы и сознательные убежища для эго, которые затем проверяются рекой бессознательного. Река показывает, является ли эта конструкция способной противостоять натиску разъяренного Апсу. Подобно тому, как разрушаются традиционные способы развития общества, можно ли остаться твердым в самом себе, защищенным от разрушения? Это испытание на берегу реки; проверка реальности на прочность всегда является частью испытания. Это тест, который многие люди вынуждены были пройти, не только в концентрационных лагерях и разрушенных войной городах, но и там, где моральные обычаи и условности проходят более или менее резкие перемены.

¹² La.ngdon «Semitic», стр. 105

Однако, гимн продолжает: «О, великая река, воды твои высвободились», и заканчивается просьбой, «получи от меня мою молитву». Очевидно, что даже в те далекие времена, эта современная проблема уже присутствовала. Наш дом стал тюрьмой, так как наше сознание стало чересчур рациональным, и нам необходимо освобождение, которое могут дать только воды великой реки. После этого вступления и отвращающей беду молитвы, поэма переходит к повествованию первичных событий. Сначала, в соответствии с Беросом в его «Истории Вавилонии», «не существовало ничего, кроме тьмы и бездны вод»¹³. В одной из шумерских поэм, большинство из которых было утеряно, описано, что произошло потом:

В тот давний день, они создали небо и землю,
В ту давнюю ночь, они создали небо и землю.¹⁴

Первые строки нашего текста пытаются передать нам схожую сцену небытия, из которого был создан мир: «Когда небеса еще были безмянными» — это подразумевает, что ничего не существовало до того времени, когда боги осознали свое положение и дали имена. Тогда Апсу, подземное пресное море, изначальное порождение всех вещей, объединился с Тиамат, соленым морем, «носителем всего».

Интересно, что вавилоняне описали все, что было до первого высшего существа, от которого возникла пара, но большинство мировых религий утверждают, что в природе всегда существовала противоположность мужчины и женщины. Апсу, пресная вода, был мужским началом и являл собой воды жизни, которые необходимы всем живым

¹³ Цитата из книги Sidney Smith «Babylonian Legends», стр. 11. Бероз был жрецом Бель-Мардука, то есть Господа Мардука, в Вавилоне, около 280 г. до н.э.

¹⁴ Langdon «Semitic», стр. 289.

существам. Он, как правило, представлен в вавилонском искусстве переполненной чашей, спускающейся с небес, часто в руках ангела. Но Тиамат, соленая вода, была создателем жизни, соленость которой аналогична сокам всех живых существ. Их кровь и слезы, воды утробы, высвободившиеся во время родов — все соленое и происходит из Тиамат, матери всех богов и демонов, всей жизни.

Хотя эти два изначальных существа имели разные функции, они были похожи, потому что оба имели водянистую природу — каждый являлся хаотическим и темным, каждый ненавидел, когда его беспокоили, а в особенности новые принципы, которые могли навести порядок и таким образом ограничить их бескрайнюю свободу.

Тиамат, вероятно, представляла изначальное состояние, описанное в Книге Бытия, являясь свободной и бесформенной. В гораздо более поздних Халдейских Мистериях это первичное состояние называют Бездной, или Глубинами. Тиамат представляется в виде дракона (рис. 1), или чудовищного рогатого змея. Апсу не персонифицировался в вавилонском искусстве, но представлен в виде вазы, переполненной водой (рис. 2), как указано выше.

В последствии, Апсу и Тиамат стали изначальным водным хаосом, который сегодня называется коллективным бессознательным, являющимся источником и началом всей психической жизни. Также, помимо этих изначальных, был еще один, Мумму, их камергер или посланник. У вавилонян, *мумму* означало «слово» или «высказывание», а Лэнгдон переводит его как «разум» или «умение».¹⁵ Так Мумму приблизительно соответствует Логосу.

Еще, вероятно, в 2000 г. до н.э., пустота, которая соответствует понятию «коллективное бессознательное», задумывалась разделенной на две части, на противоположности,

¹⁵ Ibid., стр. 290.

два существа или потенции, одержимых, в некотором роде, сознанием, которое появилось, возможно, просто потому, что пустота уже была поделена на противоположности. По крайней мере, нам говорят, что они сопровождалась интеллектом, словом, названным Мумму. Данная ситуация напоминает нам о том, на что Юнг, в своей книге «Ответ Иову» неоднократно указывает — Яхве имел разум, характеризовался как индивидуальная персона в божестве, но он систематически консультировался с этим интеллектом,

Рисунок 1. Тиамат, изображенная в виде дракона (Smith. «The Babylonian Legends of the Creation»).

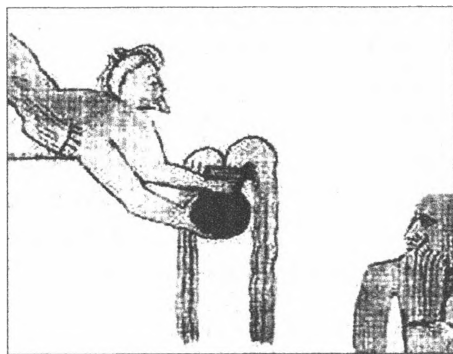

Рисунок 2. Апсу, представленный как ваза, переполненная водой (Langdon. «Semitic»).

который мог информировать его о некоторых вещах, упущенных им из виду.¹⁶

В случае с Тиамат и Апсу, этот интеллект функционировал как указание, возникающее из глубин неведомой и непостижимой бездны, вещающее о том, как все должно быть. Это было творческое изречение бога, который является причиной всего возникающего в бытие. Миф о творении в книге Бытия начинается таким же образом, только с произнесенного указания: «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет». (Быт 1:3)

Интересно обнаружить эту концепцию Разума в хаотической бездне. Она соответствует утверждению Юнга, что сны имеют значение и показывают своего рода сознание в бессознательном. словно яркие искры в темноте. Эти так называемые рыбы глаза, сияющие в океане, Юнг приравнивает к архетипическим образам в сновидениях. Он цитирует Ипполитов, которые утверждают, что тьма состоит из «яркости и искры света, заточенных в плен» и это «очень маленькая искра», тонко смешанная с темными водами.¹⁷

Мумму что-то вроде бессознательного сознания. Он, кажется, более непосредственным образом связан с Апсу, чем с Тиамат. Для Апсу это мужской принцип, включающий в себя сознание и мышление. Он является активной частью первичного хаоса, в то время как Тиамат, его супруга, является носителем жизни, но без этой искры света она является ужасающей тьмой и инстинктивной эмоциональностью. Тем не менее, именно она обладает табличками Судеб. То есть, «судьба» находится в руках эмоциональных факторов, которые считаются примитивными: они не находятся под контролем и руководством рациональных и разумных сил. Это понимание прошло сквозь

¹⁶ «Psychology and Religion», CW 11, pars. 560ff.

¹⁷ «Aion», CW 9ii, par. 344.

века. За Судьбы, которые кружатся и сплетают запутанную паутину жизни, всегда отвечают женщины. В нордической мифологии это Норны, Женщина-прядильщица в мифологии Навахо, и многие другие.

В Вавилоне, таблички Судьбы была задуманы как своего рода амулеты, который носили на шее. На нем были начертаны судьбы всех живых существ, в том числе богов. Кроме того, там были прописаны руны всех событий. Изначально она принадлежала Тиамат, матери-потенции, но в ходе нашей истории она перешла в другие руки, с роковыми последствиями для человечества, ведь сила определять судьбы принадлежала тому, кто носил таблички. Этот человек стал, в некотором смысле, абсолютным тираном, с гораздо большей властью, чем любой другой земной правитель.

Эти таблички играют значительную роль в истории борьбы героя с целью получения свободы от абсолютной власти Апсу и Тиамат, и более поздних богов. Вся проблематика судьбы и свободной воли связана с борьбой за право обладать табличками, борьба, которая была в конечном счете урегулирована с помощью религии, в Вавилоне. Когда Апсу был убит, его власть была разделена между младшими богами. Его положение было присвоено храмам и святилищам Эйя, Владыки вод, и Апсу, как божество, исчез со сцены. Но от Тиамат было не так легко избавиться. Разрешение проблем эмоциональной части психики, которую она представляет, нуждается в религиозности и обрядах, которые, как и в нашем мифе, сопровождаются жертвоприношениями, как, впрочем, обычно и происходит. В Вавилонском мифе есть объяснение, почему так происходит. Человеческая судьба находится во владении табличек Судьбы. Мы не можем иметь никакого мнения о нашей судьбе, никакого контроля путем свободной воли над нашей судьбой — если мы не будем уделять должное внимание той силе, которая все еще обладает табличками. В практическом смысле, пока мы не имеем религиозности в отношении страстных эмоций, которые

присутствуют в нас, мы передаем нашу судьбу слепой власти, которую вавилоняне назвали Тиамат.

Борьба против Апсу и Тиамат, чудовищ хаоса, была предпринята для того, чтобы освободить мир от произвола бессознательного и создать новый порядок. Эту борьбу начали первые богов, дети изначальной пары, и она перешла на плечи более молодых богов. И, в конце концов, героям, предшественникам всего героического потенциала, пришлось взять на себя ответственность за завершение задач, которые были начаты богами. То есть, борьба против произвола судьбы впервые была осуществлена только инстинктивными реакциями, возникающими из бессознательного, и эти инстинкты символизируют богов. Но когда этот инстинктивный порядок сталкивается с эмоциональной сферой, только герой — героический элемент в самом человеке, имеющий сознание и способность планировать свои действия, может иметь какой-то шанс на успех.

Эта мифологема соответствует развитию сознания в человеческом существе. На самых ранних стадиях развития сознания, ребенок находится под контролем изначальных сил, представленных могущественными родителями. На этом этапе индивидуум все еще не осознает того, что он или она делает и почему, комплекс Эго еще не возник в сознании и реакции являются чисто инстинктивными. И только намного позже, когда самосознание возникает как «Я», это можно принять за борьбу героя, который выпирает свою челюсть и сжимает кулаки, говоря: «Я не это!» — пожалуй, в некоторой степени, даже сейчас это принято в качестве неизменной позиции.

Это восстание продолжается на протяжении всего детства и юности, но с увеличением осознания и силы адаптации, когда наступает около двадцати или двадцати пяти лет, молодой человек становится взрослым, готовым взять на себя взрослые обязанности и ответственность. Но эта внешняя победа над собственными родителями вовсе не обязательна,

хотя, как правило, она влечет освобождение от архетипических родителей. И потому, если была достигнута подлинная свобода, необходимо дальнейшее развитие.

Вот почему некоторые люди берут на себя ответственность за внутреннюю, субъективную задачу героя, а именно — освобождение сознания от господства бессознательных сил. В ходе борьбы, как сказано в Вавилонском мифе, таблички, всегда являющиеся главным призом победы, передаются от одного человека к другому. Когда один из демонов завладел ими, все судьбы оказались под его властью, человечество понесло злой рок, и из-за бессознательных сил все были вынуждены делать зло, хотя в сознании они желали творить добро. И так же, когда все хотят мира, злой рок подталкивает их к войне. С другой стороны, когда бог-герой завоевал таблички, он, в свою очередь, определил ход событий.

К тому времени, когда была написана эта поэма, таблички стали частью священной сокровищницы храма, и каждый год все боги пантеона собирались на торжественном тайном совещании, чтобы определить судьбу на ближайший год, то есть, судьба мира был определена парламентом человеческих богов, и мнения людей, разумеется, никто не учитывал! Были сделаны судьбы известны через литья гороскопов, так как боги были связаны с созвездиями и звездами, где они, как считалось, имеют свои обители. По сей день, планеты и созвездия называются по именам богов и героев. Судьбы становились известны при создании гороскопов, так как боги были связаны с созвездиями и звездами, где, как считалось, они имеют свои обители. И по сей день, планеты и созвездия имеют названия богов и героев. На табличке, содержание которой касалось этого вопроса, было сказано: «Только звезды бесконечно неизменны; они определяют день и ночь и точно показывают очередность праздников»¹⁸. Однако —

¹⁸ Langdon «Semitic», стр. 314.

и это один из редких моментов в клинописной литературе, где есть намек на свободу воли человека — было постановлено, что мужчины должны иметь право реализовывать свои личные планы: «Умелый для умелого, дурак для дурака»¹⁹.

Аналогичные наставления и одобрения человеческой свободы и самостоятельности в условиях неизменных законов судьбы присутствуют в И-Цзин, китайском тексте, датируемом примерно тем же периодом, что и наш миф. В комментариях к пророческим высказываниям, основанным на вековых китайских учениях о мудрости, и в Гексаграмме 15 (Смирение), мы читаем:

Судьбы людей подчинены незыблемым законам, которые необходимо соблюдать. Но человек имеет силу самостоятельно сформировать свою судьбу, следовательно, какие-либо его поступки подвергают его влияниям добродетельных или деструктивных сил.²⁰

Это соответствует наставлению вавилонского мифа о том, что человечеству необходимо изучить положения и диспозиции богов и скрупулезно соблюдать их указания. Ибо только за счет предельной внимательности мы можем узнать, как адаптироваться к тому, чтобы сотрудничать с божественными силами и избежать катастрофы. В древнем Вавилоне религиозное отливание гороскопов проводилось для того, чтобы определить позиции и диспозиции богов. В настоящее время мы также должны тщательно соблюдать указания, приходящие из бессознательного. Таблички Судеб влияют на нас также, как на древних, путем невидимых сил и полномочий — факторов, исполнителей — которые стоят за кулисами и определяют наши судьбы без нашего ведома.

¹⁹ Ibid.

²⁰ The I Ching or Book of Changes, стр. 64.

Если мы обратим внимание на намеки бессознательного, мы сможем узнать, как приспособиться к психической ситуации, которая разворачивается в бессознательном, предвещая грядущие события.

Что касается человека, сны могут также дать представление о бессознательных тенденциях, в то время как в широком масштабе мифологемы они указывают на шаблоны, по которым события разворачивались в прошлом. И потому, когда архетипический шаблон образует созвездие и становится активным либо в индивидууме, либо в народе, связь с мифом может дать представление о том, каким образом будут развиваться события.

Эти мифологемы представляют собой архетипические модели, которые лежат в основе развития истории, но они также лежат в основе развития человеческого сознания в своей особой форме для каждой личности. Наш основной интерес к древним историям и космогоническим мифам связан с тем, что хоть они и дают легендарные отчеты о начале мира, они также являются отчетами о постепенной эволюции сознания человека. В них содержится, как бы, история человеческого опыта по отношению к самой жизни, со всеми ее проблемами, а также ее свершения, внутренние или внешние. Вековой опыт человечества оставил отпечаток в возможностях личности — врожденные модели поведения, которые мы называем инстинктами. Кроме всего прочего, существуют шаблоны работы психики, которые выражают себя в образах и, записанных во многих формах, историях.

Эти врожденные модели, или архетипы, являются, конечно, недоступными для сознания, но их образы легко увидеть, и, по сути, они лежат в основе наших снов, наших фантазий, нашего понимания других людей, а также самой жизни. Мотивы легенд, мифов и сказок также соответствуют архетипическим шаблонам, так что, изучая миф, например, мы могли одновременно есть и наблюдать, как человечество рассматривает бессознательное состояние, в котором мы были

изначально находились, и как, благодаря смелости, растущему пониманию и инициативе, мы завоевали свободу, чтобы стать индивидуальностью с нашими собственными правилами.

Во вступлении вавилонского мифа сказано, что хаос изначально уже был разделен на противоположности и имел форму двух потенциалов, Апсу и Тиамат. В психологическом плане эти два изначальных существа являются основными архетипическими образы коллективного бессознательного. Когда стартовала наша история, они были единственной существующей жизнью. Поэтому кажется, что Апсу и Тиамат изначально были отделены друг от друга, и только потом смешали свои воды. Это смешение послужило началом изменений; в некотором смысле, это стало началом истории. Смешение их вод подобно браку изначальных противоположностей, что приводит к рождению нового порядка, и это можно, пожалуй, приравнять к гностической легенде о браке между Нусом и Физис, духом и материей.

Поэма описывает этот первый шаг творения следующим образом:

Когда небеса еще были безымянными,
А дом под ними не называли по имени,
Апсу, прародитель, старейший из существ,
Мумму, и Тиамат, породившая всех и каждого,
Смешали свои воды воедино.
Не было построено устойчивых террас, еще
не было болот,
Когда еще ни один из богов не воплотился в бытие,
Имена еще не были записаны, судьбы не были
назначены,
Тогда внутри них боги появились в бытие,
... и получили имена.²¹

²¹ Smith «Babylonian Legends», стр. 34.

Апсу, как сказано, был старейшим существом, прародителем богов, в то время как Тиамат была женщиной, матерью, которая породила их. Но, еще ничего не было названо — даже небеса. Затем боги пришли в бытие, во времена первых родителей, и получили имена.

Такой акцент на присвоении имен важен, в первобытном мышлении именем объекта является сам объект, его призрак или его дух. Полагали даже, что ничто не может существовать отдельно от своего имени, в то время как знание имени дает магическую силу влияния на объект. Многие древние папирусы состоят из списков имен, знание которых придает силу — силу вызывать божество и распоряжаться его содействием. Кроме того, маг имеет власть над джинном только зная его имя. Именно поэтому, имя человека, данное при рождении — то есть, его настоящее, индивидуальное имя — часто держится в секрете, потому как есть опасение, что некто, имеющий злой умысел, может использовать его, чтобы вынудить повиноваться себе или причинить вред. В некотором смысле, имя это личность. Это очень примитивное представление соответствует психологической истине и согласуется с такой философской теорией, что объект или действие существует для человека только тогда, когда он может назвать его, то есть, если он осознает его природу. Это также объясняет то, что мы испытываем разочарование, когда не можем вспомнить название чего-либо. Словно мы потеряли связь с ним, и, следовательно, бессильны перед ним. Таким образом, первым шагом в осознании и обретении власти в мире является именование вещей.

Возможно вы помните: первое, что сделали Адам и Ева — дали имена животным, поступок, на который сами животные не были способны. При развитии детей, изучение имен является очевидным первым шагом на пути к сознанию и чувству компетентности. И став взрослыми, если мы не будем давать вещам имена, мы не сможем их помнить или сравнивать

с другими, уже известными объектами. Это также справедливо в отношении любого нового наблюдения. Например, парапсихологические и синхронистические феномены, вероятно, происходили всегда, но, с научной точки зрения, они не заслуживали внимания и были отклонены как фантазии, или возможно даже как обман. И только когда Рейн, а затем Юнг дали им названия, ученые стали проявлять желание исследовать их.

Таким образом, поэма негласно подразумевает, что хаос или бессознательное имели полный контроль над Вселенной, до возникновения силы именованья. В Вавилонском предании, это было делом рук Мумму, разумного Слова, являющимся на самом деле Логосом. Он упоминается здесь, но его деятельность умалчивается. Его имя просто возникает между Апсу и Тиамат.

До этого момента в мифе утверждается, что первые существа являлись бездной вод, но теперь они имеют названия, словно с учетом их собственных имен. Сразу после того, как мы рассказали историю их деяний, будто это их биография — они становятся персонифицированными. Это именно то, что происходит в активном воображении, когда мы рассказываем о своем настроении или о любой другой бессознательной части психики. Мы персонифицируем его, даем ему имя, или, что более вероятно, оно рассказывает нам свое имя; затем мифическая история может начать разворачиваться, в результате чего сознание расширяется, включая ранее неизвестную часть психики.

В мифе, процесс творения продолжался несчетные века, в течение которых изначальная пара породила богов. Наконец, явились три бога: Ану, Энлиль и Эйя, великая триада ассирийского и вавилонского пантеонов. Ану был богом высших небес. Хлеб и воды вечной жизни и порядок рождения или бессмертия были под его учетом. Средний мир был обителью Энлиля, бога земли. Он являлся господином Ветров, и находился в пещере. Нижний мир — водное

пространство, был сферой Эйя, водного божества. Позже он одолел Апсу, бездну пресной воды, и построил храм для себя, заместив Апсу. Эйя создатель человеческой формы. Как только эти три бога были рождены, а также другие, чьи имена не упомянуты, пришли в бытие, они образовали содружество богов света и стали разрабатывать свои планы. Иными словами, они начали создавать порядок из хаоса. Поскольку боги были также связаны со звездами, их «планы» также были представлены процессом движения планет по небу, а сферы, которыми они управляли, были, несомненно, задуманы как реальные места на небе, что соответствует небесам, земле и водному подземному миру. Но постепенно, божественные пути стали также иметь духовное или психологическое значения. А тем временем, мы подходим к халдейским оракулам или Мистериям, где сферы богов означали многое из того, что мы теперь понимаем как планеты и зодиакальные дома в астрологических понятиях; то есть, они представляют собой психологические силы, имеющие судьбоносное влияние.

Это упорядочивание деятельности богов продолжалось в течение некоторого времени. Было немало дискуссий, возможно даже раздоров, в том числе и по определению границ их путей. Они имели трудности при постановлении нового порядка в областях, которые ранее принадлежали хаосу Апсу и Тиамат. И это понятно; мы также знаем, что может возникнуть конфликт и путаница, и есть риск, что глубоко в бессознательном произойдет потрясение, когда, посредством постепенного увеличения сознания, мы стремимся навести порядок в этой великой и неизведанной области коллективного бессознательного. Для вавилонян, это пространство также является неизведанной, непознанной бездной вод, огромной, как само небо, и неукротимой, как глубины под ним.

История продолжается:

Было создано братство богов.
 Это обеспокоило Тиамат...
 В самом деле, они расстроили живот Тиамат,
 Песней в божественной обители.²²

Видимо, они стремились создать пением порядок в бытие. Может быть, они использовали песню с целью контроля сознания и демонов беспорядка, так же как Давид изгонял безумие Саула музыкой. (1 Цар. 16:17–23) Музыка и ритм создают порядок; так, например, барабанный бой является инстинктивным актом упорядочивания времени, как ограничитель бесконечности и хаоса самого существования. Но Тиамат, воплощение страстных эмоций, не желает быть взятой под контроль порядка. Песни богов вызвали недомогание в ее животе, как сказано в мифе. Но боги продолжали петь, и, в то время как эта песня была приятна для их собственных ушей, она производила очень разное впечатление на непокорную пару:

Апсу (бездна вод) не может погасить их гнев,
 И Тиамат молчит...
 Их поступки неприятны ей...
 Их действия не были хороши...

То есть, их действия не были хорошими в глазах Тиамат, так как совершенно очевидно, что когда боги установят новый порядок, ей и Апсу придется уменьшить свою сферу действий настолько, насколько это будет установлено богами при новом власти и они пострадают.

В то время Апсу, прародитель великих богов,
 Кричал, взывая Мумму, управителя его дома,
 и сказал:

²² Этот и последующие отрывки из «Babylonian Legends», стр. 36ff.

«...Ну, Тиамат, мы хотим поговорить»

Они подошли и легли внизу (на кушетку) рядом с Тиамат.

Они обсудили богов (их детей).

Апсу стал говорить,

«Тиамат, священная...

Их «путь» досаден для меня.

Днем я не нахожу мира, по ночам у меня нет спокойствия.

Воистину, я истреблю их. У меня будет свой «путь».

Да установится тишина; и будем мы отдыхать.»

Тиамат, услышав это,

Разгневалась и стала кричать на мужа,

[потому, что он предложил убить богов, ее детей]

Она мучительно рыдала, она свирепствовала в полном одиночестве,

Ее чувства были оскорблены.

«Что? Должны ли мы уничтожить то, что сотворили?»

Пусть их «путь» неприятен, но давайте действовать по-доброму.»

Здесь мы видим восхитительную отсылку к женским «путям»: мы помешаем им, но сделаем это с добротой! Но, видимо, Апсу разочаровался в этом женском намерении, потому он посоветовался о своем собственном, маскулинном «методе» с Мумму:

Мумму ответил и дал совет Апсу.

Совет был... неблагоприятным (по отношению к богам).

Он говорит об их радикальном, беспокойном пути. Но теперь это уже не беспокойный путь; таким образом, изощренная мужская логика дискредитирует противника,

ибо, если путь проблемный, очевидно, он должен быть отменен.

Мумму продолжает:

«Отец, уничтожь проблемный «путь».

Тогда, воистину, днем ты найдешь мир, (и) ночью будешь иметь покой.»

Апсу услышал его, его лицо запылало,

Оттого, что он планирует зло против богов, собственных детей.

Мумму обнял его за шею,

Сел на его колени и поцеловал его.

Очевидно, Апсу был очень доволен собой. Он посоветовался с Мумму и нашел беспристрастное оправдание того, что он хотел сделать — последовать «пути сражения». Между тем, он относился к Мумму как к близкому духу. Апсу посоветовался с ним, обнял его, усадил на свое колено и поцеловал его. Подобный эпизод, когда бог сближается со своим духа, довольно распространен; это напоминает одну английскую фразу, «сидеть со своими чучелами», или «жить со своими чучелами». [Эти фразы схожи с нашим крылатым выражением «жить со своими тараканами» — прим. перев.] Чучело здесь значит марионетку или куклу, а фраза означает быть вместе с вашей невидимой марионеткой, вашим альтер-эго, и, размышляя над ситуацией, имея незначительные идеи, советоваться со своим интеллектом.

На самом деле, этот близкий дух является частью психики, но, поскольку это еще не осознано, он действует автономно. Таким образом, Апсу советовался с Мумму, своим интеллектом, ибо, в архаические времена, обдумывание еще не являлось сознательной функцией, и вместо этого оно олицетворялось как автономная часть личности. В активном воображении мы пытаемся общаться именно с такими, отщепленными частями наших душ, таким образом,

доводя их до сознания. Ведь если они остаются в бессознательном и мы не несем никакой ответственности за них, наши решения будут односторонними — они лишатся равновесия и не будут иметь необходимой твердости, сталкиваясь с трудностями, которые дает реальность.

Далее сказано о проблемах, которые возникли после совещания Апсу и Мумму, новости о котором распространились,

Все, что они планировали на собрании,
Рассказали богам их старшие сыновья.
Боги, когда услышали, стали бродить вокруг...
Они молчали, и были почти неподвижны.

Боги, очевидно, были очень обеспокоены планом Апсу, который намеревался уничтожить их, и сказано, что Эйя, владыка подземных вод, являющийся благоразумным богом, которому создатель дал понимание, стал искать слабости Апсу и Мумму, и приступил к созданию «формы», или образа, и установил ее. Затем, в тексте сказано:

Он создал для него крайне священное заклинание.
Повторил его и поставил ее (форму) в воду,
Напустил сон на него: он заснул.

Это довольно распространенная магическая практика. Эйя сделал чучело Апсу и Мумму, и это магическое действие было даже сильнее, чем использование их имен. Затем он произнес заклинание, и те, кого он изобразил — Апсу и Мумму — заснули и стали абсолютно беспомощными. Аналогичным образом, колдун вуду создает образ врага из воска, затем воск тает, и враг изгоняется прочь. В психологической практике, создание образов дает довольно четкое представление о силе или внутреннем влиянии, которое противостоит осознанию, например, с помощью медитации, размышлений или рисования. Все эти способы являются именованьем того аспекта бессознательного, который

тревожит личное психическое здоровье. Он становится реальным, почти конкретным, так что можно точно узнать, что вызывает к вниманию.

Интеллект Эйя отображен в изобретении этой части магии, и в его способности сотворить достаточно священное или нуминозное заклинание, которое зачаровало самого изначального великого бога. Какие бы трудности не заключались в этой задаче, она была явно успешно решена, и далее, текст продолжается:

(Итак) он приказал Апсу лечь, и напустил на него сон.

Апсу вел себя именно так, как и его образ (форма). Мужественная часть Мумму отделилась в водовороте.

[Вероятно, речь идет о вихре воды, водовороте.]

Первым действием Эйя покалечил разум бога и сделал его импотентом.

Он (Эйя) ослабил его (Мумму) суставы, снял его шапку,

Забрал свет и оставил его нищим.

Он преодолел его и убил Апсу,

Он связал Мумму и разбил его череп.

Стоит отметить, что хотя битва была против Апсу и он, действительно, был убит в бою, но, фактически, это было нападение на Мумму.

Он кастрирован и теряет свою силу, его влияние ослаблено, и, возможно, что идеи Апсу были плохо сформулированными и непоследовательными. Затем было сорвано то, что покрывало его голову, символ достоинства и самообладания был оторван от него, и его «свет» стал исчезать, вероятно, это означает, что глаза его были помещены так, что разум омрачился. Таким образом, он был полностью одолен. Видимо, это покорение Мумму сделало Апсу полностью беспомощным,

потому что здесь говорится, что Эйя убил Апсу в тот момент, без борьбы. Мумму, однако, не был убит. Он был связан и его череп был разбит, что, наверняка, могло завершить его существование, но Мумму выжил и попал в рабство Эйя.

История к настоящему времени пояснила, как, благодаря бесконечным эонам, боги пришли в бытие и начали наводить порядок в хаосе. Но новый порядок, который они стремились создать, беспокоил древних богов. В частности, их возмущение беспокоило Апсу. Если перевести это в психологические термины, означало бы, что естественное состояние, бессознательное функционирование жизни, было нарушено появлением сознания, с необходимостью упорядочивать вещи в связи с эго, ясной точкой в сумбуре вод. Или, выражаясь несколько иначе, названные богами, персонификации человекоподобного бога, способного к сознанию, который пытается упорядочить хаос. Но они были неспособны это сделать, потому что те, кто до сих пор определяли судьбы, были слишком сильны.

Соответственно, человечество пытается упорядочить хаос мира снаружи и хаотическое бессознательное внутри, сознательными действиями, забывая, что силы бессознательного определяют нашу судьбу, до тех пор, пока драконы бессознательного не будут преодолены по-настоящему героической борьбой.

Но, когда боги стали из-за всех сил наводить порядок, хаос (бессознательное) очень встревожился, особенно его возмутили речи богов, которые учредили собрания, законы и соглашения. Ведь, если молодые боги смогли научиться работать вместе, полномочия старых хаотичных богов оказались в большой опасности.

Сила гармоничной речи — то есть, взаимопонимания, играет важную роль в библейской истории о создании Вавилонской башни, где сказано, что «на всей земле был один язык и одно наречие». (Быт 11:1) Так было после потопа, когда потомки Ноя начали размножаться.

Двинувшись с востока, они нашли в земле Сеннаар равнину и поселились там.

И сказали друг другу: наделаем кирпичей и обожжем огнем. И стали у них кирпичи вместо камней, а земляная смола вместо извести.

И сказали они: построим себе город и башню, высоту до небес, и сделаем себе имя, прежде нежели рассеемся по лицу всей земли.

И сошел Господь посмотреть город и башню, которые строили сыны человеческие.

И сказал Господь: вот, один народ, и один у всех язык; и вот что начали они делать, и не отстанут они от того, что задумали делать;

сойдем же и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речи другого.

И рассеял их Господь оттуда по всей земле; и они перестали строить город [и башню]. (Быт 11:2–8)

Одним из последствий появления Святого Духа в день Пятидесятницы было то, что многоязычная толпа собралась в Иерусалиме и «каждый слышал их говорящих его наречием» (Деяния 2:6). Кажется, что когда Дух пребывает в каждом человеке, прекращаются разногласия о природе Яхве. Прежде чем воплощение и пребывание Святого Духа станет возможным, задачей Бога Ветхого Завета является поддержание человечества слабым и разобщенным, из страха, что они могут захватить прерогативы Бога. После миссии Христа задача изменилась, и теперь каждого отдельного человека необходимо было объединить со всеми остальными: «и будет одно стадо и один пастырь».

Анализируя конфликты в психике, самое главное, чтобы человек был в состоянии понять, что пытается донести каждая деталь. При серьезном конфликте значительно облегчит работу, если пациент ясно выразит конфликтующие безотлагательности, которые угрожают раздроблением.

Анализант должен попытаться найти язык, который может понять аналитик.

Общий язык помогает создать глубокую связь, и если человек достаточно хорошо уравновешен типологически²³, и в состоянии установить некоторое понимание между конфликтующими внутренними элементами, есть большая надежда на то, что угрозы со стороны бессознательного будут нейтрализованы. В случае, если человек обладает только одной хорошей функцией, к примеру, поддается сознательной воле, шансы на успех очень малы: с двумя хорошими функциями шансы выше; и с тремя — на которые можно надеяться, пока окончательная борьба не выиграна — можно действительно добиться успеха. Обладателем первого места будет взаимодействие с четырьмя функциями.

В мифе, Апсу, который попытался остановить действия богов, сыновей своих, был одолен в их первом походе, а из его тела были созданы священные места. Это означает, что бессознательное, в своей мужской форме, было, в каком-то роде, поймано и помещено в понятия и символы религии. Миф продолжает описывать, как это было достигнуто. Эйя поселился в храме, который он построил на покоренном теле Апсу, и назвал храм «Апсу». Там, в священном колодце, родился его сын, Мардук. Нам говорят, что когда

... его отец, который породил его, смотрел на него,
И сердце его радовалось, и был он рад, был
наполнен радостью.

Он дал ему двойную божественную форму
Так что он был высок, превышая всех их.

Этот момент в поэме, по-видимому, используемый в ритуале и предназначенный, возможно, для хора, где

²³ См. Psychological Types, CW 6, стр. 899f., 983ff.

кто-то произносит с восклицанием: «Чей сын? Чей сын?» и звучит ответ: «Сын бога солнца, сын богов, облаченный в яркую славу, он (освещает) храм богов».

И так родился герой, которому суждено было продолжать эволюцию сознания. Его рождение было признано всеми богами, названными и безымянными, как будто было предчувствие того, что он должен сыграть важную роль.

Рис. 3. Бой Мардука и Тиамат (Ассирийская печать на цилиндре)

СУДЬБА МАТЕРИ ХАОСА, ЕЕ МУЖА И СЫНА

До рождения Мардука не было никаких упоминаний о женской силе, кроме самой Тиамат. Каждое поколение богов состояло только из мужчин. Тем не менее, кажется, что участие женской части было необходимо для создания героя, которому суждено стать предшественником человеческого сознания. И поэтому мы сказали, что Мардук был рожден в колодце, который имеет женское значение. Оно подобно утробе матери. Однако это также хорошо представлено бездной Апсу, так что Мардук, будучи ребенком Эйя, также, в некотором смысле, сын Апсу.

Это двойное отцовство соответствует состоянию нашей человеческой психики. Такой мотив часто встречается в мифах и сказках, где герой является не только ребенком обычных людей, но и дитем бога. Христианские догматы основаны на том же архетипе, потому что Иисус был сыном Иосифа-плотника и Сыном Божьим. В сказках герой может быть крестьянским чадом, или, возможно, воспитан ими, в то время как его настоящие родители, зачастую, имеют королевский статус. Многие дети имеют фантазии, соответствующие этому мифу — они воображают себя подкидышами, в то время как их настоящие родители являются королем и королевой. Причем во взрослых фантазиях о реинкарнации, в «воспоминаниях» о прежних жизнях, люди почти всегда утверждают, что были очень важными персонами.

Двойное отцовство, как отмечает Юнг¹, воспроизводится в

¹ См. например «Об архетипах, с особой отсылкой на концепцию Анимы»,

наши дни путем назначения крестного отца и крестной матери для каждого ребенка при крещении в христианской церкви. Крестные родители являются представителями божества, и их обязанностью является повествовать ребенку о божественном наследии. Ведь, в то время как мы являемся детьми наших человеческих родителей, мы также являемся детьми Бога. На психологическом языке, мы бы сказали, что эго есть дитя человека, или сознания, часть психики, в то время как Самость ребенка является не личной, но трансцендентной. Самость как имманентна, так и трансцендентна. С одной стороны, это связано с эго, а с другой, с безличностным аспектом психики неизвестного размера и могущества.

Вернемся к нашей истории, Эйя был рад иметь сына, и потому он дал ему исключительные права, гораздо более весомые, чем у любого другого бога. Но, видимо, боги совсем не радовались тому, что Мардук превосходил их, и стали ревновать. Если мы представим Мардука, формирующего человеческое сознание, это будет означать, что новорожденным психическим факторам сознания угрожает безудержная деятельность богов, которые, конечно, представляют инстинктивные побуждения психики. Это обстоятельство весьма заметно у греческих богов, где Арес представляет собой боевой дух, Афродита выступает как чувственность, Эрос — любовь, и так далее.

Когда начинает развиваться чувство собственного достоинства и разграничение «Я» и «не-я», это захватывает часть божественной власти. Эго угрожает их беспрепятственному влиянию. Эго получает некоторую возможность выбора, или, говоря иначе, эго может задать свои цели и обладает силой воли, чтобы следовать ей, и все это без богов.

Иллюстрация может показать более наглядно ситуацию, сопоставимую с борьбой между Мардуком и богами, которая

может возникнуть, когда эго вступает в конфликт с бессознательными психическими элементами. К примеру, как общеизвестно, подросток позволяет себе еще долго дремать после того, как наступает утро. Это бессознательное желание сна, в лице дракона «лености», не будет уступать долгу чести, который несет материнский голос, и, пока этот дракон не преодолен, он будет продолжать потворствовать своим желаниям. Он просто не встает с постели. Но тогда мать создает конфликт, который объясняется двумя причинами: раздражение, что ребенок не встанет в это время и завтрак остынет, и беспокойство, что он может опоздать в школу. Ребенок попросту позволяет ей нести ответственность за его адаптацию к реальности. Это очень трудная задача. Если она пытается привлечь его внимание, в то время как он настойчиво продолжает оставаться под одеялом, в конечном счете, она будет пытаться заставить его повиноваться и они оба будут злиться друг на друга, но если она позволит ему спать дальше и самому нести ответственность за опоздание в школу, рано или поздно школа обвинит ее в этом!

Конечно, подростковый возраст является слишком поздним для столкновения с этой проблемой. Необходимо проиграть ее неоднократно в детстве, но не раньше, чем когда молодой человек начинает понимать, что обязанность осуществить эту задачу является его собственной и начинает испытывать упрямство и конфликт внутри себя. Тогда он начинает бороться со своей ленью и делает определенный шаг в преодолении своей зависимости от матери. Но это действие может вызвать беспорядки в его бессознательном. Бессознательное может просто отказаться от сотрудничества, как боги стали враждебно настроены к Мардуку из-за его превосходства над ними.

Ану, дед Мардука, пришел на помощь своему внуку. Он «породил четыре ветра», которые разгоняли вражеских богов. Но это действие имело непредвиденные последствия, так как оно возбудило Тиамат. То есть, женский аспект

бессознательного пришел в ярость. На психологическом языке, был возбужден наиболее архаичный аспект анимы и породил волнения.

Такая ситуация окажет эффект на реальную жизнь: если молодые люди пытаются взять на себя ответственность самостоятельно добраться до школы, или, позже, до работы, он обнаруживает, что окружен доводами анимы и страдает от этого — как старая женщина, которая не хочет сознательно быть ответственной. Эти доводы выражаются в рационализации, к примеру, она не станет причинять какой-либо ущерб, если ребенок скажет: «еще пять минут». Он пытается справиться с этим регрессивным импульсом по той причине, что, наверное, так нужно для его престижа, силы воли или страха наказания; то есть, пытается по-мужски защитить своего внутреннего героя от порывов свой аутоэротической лени. Но когда это выглядит так, словно этот сознательный подход эго может увенчаться успехом, и он действительно становится холодным, это, как правило, возбуждает эмоциональную реакцию. Что-то внутри не будет взаимодействовать. Возможно, ребенок начинает злиться на соблюдение обязательства, угрюмый и обиженный оттого, что он должен вставать сейчас, когда какой-то другой человек может оставаться в постели.

В конце концов, он встает, но к этому времени он находится в таком бешенстве, что жаждет разорвать свою одежду, и он приходит на завтрак с опозданием и в мерзком настроении. Это то, что происходит, когда пробуждается Тиамат. И это очень незначительный пример такой проблемы. В более крупных вопросах проблем может быть гораздо больше.

«Тиамат гневалась... И днем и ночью» — здесь есть разрыв в тексте, но, предположительно, она наделала много шума. В прошлый раз, когда она была расстроена действиями богов, она кричала, и мы можем предположить, что и сейчас она была не менее безудержна. В тексте сказано, что боги вызвали в ней суматоху и чувство страдания, оттого что

они не смогли больше терпеть, и «в их животах появилось зло». Мысли их были не в голове, а в животе, месте бессознательной страсти. И сей день многие первобытные народы не умеют удерживать мысли в голове. Некоторые направляют их в живот, другие в грудь. Это замедляет развитие мыслительных процессов. Даже в нынешние времена нам следует тщательно изучать наше эмоциональное состояние, к примеру, если мы говорим какие-то горячие слова, даже если мы не хотели это сказать, это может спровоцировать проблемы с желудком.

С этого момента Тиамат не принимает участия в борьбе с Эйя, хотя это произошло в большей степени из-за ее возмущения тем, что Апсу вмешался в новые «пути», которые боги хотели установить. И вот, безымянные темные боги, слуги первых великих энергий, приходят к Тиамат и упрекают ее за позицию, говоря:

Когда они убили Апсу, твоего супруга,
Ты была не на его стороне, но сейчас сидишь
и рыдаешь.

Эти слова так взбудоражили Тиамат, что она решила начать войну с богами света, которые вошли в состав дружины Ану, и ветры которого разрушают ее мир.

Когда Апсу, мужская потенция, был обеспокоен путем богов, он не предпринял реальные действия против них, а довольствовался разговорами и планами. И когда эти планы богам стали надоедать, они приняли меры и убили Апсу прежде, чем он сделал какой-либо шаг против них, по-прежнему советуясь с Мумму, своим интеллектом.

Тиамат, будучи женщиной, не теряла времени на слова. Она стала действовать сразу. Сначала она решила создать некоторых демонов, чтобы укрепить свою собственную свиту темных богов, и тогда она призвала свою сводную сестру, чтобы та помогла ей. Это отнюдь не является необычным

для богини — иметь сводную сестру, которая представляет собой темный или подземный аспект женского начала, связанный с символикой Луны и ее фазами, иногда светлыми, а иногда темными. Темная часть-сестра, как правило, живет в подземном мире. Иногда она враждебна, у других она обладает знанием магии и целительства. Так, например, Инанна-Иштар, шумерская богиня Неба и Земли, имеет темную сестру, Эрешкигаль, которая является королевой подземного мира.² Изида в египетской мифологии иногда изображается белой или иногда черной, а в некоторых христианских церквях есть святыня Черной Мадонны, которая имеет власть над болезнями, безумием, голодом и прочее.

Сводная сестра Тиамат, как было сказано, была призвана, чтобы создать все это. Она должна была представлять тот аспект бессознательного, который приносит всевозможные формы ужасных фантомов из кошмаров и фантазий ума, жуткие ужасы темноты, поэтому мы сказали, что «она породила огромных, мрачных и чудовищных змей, облаченных в ужас», и другие кошмары. Затем, не удовлетворенная только тем, что создал этих ужасных существ, она приступила к маскированию их под существ светла.

Этот прием всем нам знаком из личных встреч с бессознательным. Кто не замечал того, как во время серьезного конфликта кажется вполне хорошим то, что может оказать злое воздействие, или что какой-то поступок или отношение, которое мы обычно полностью осуждаем, начинает проявляться как единственно верный путь? Бессознательное может вызвать путаницу между тем, что правильно и что несет несчастье, и это может быть легко введено в заблуждение. Дилеммы имеют такой характер,

² Более детальный психологический комментарий об Инанне-Иштар и Эрешкигаль, см. Sylvia Brinton Perera «Descent to the Goddess: A Way of Initiation for women» — ред.

что нет никакого четко обозначенного верного решения, которое является только положительным, если судить по обычным канонам добра и зла. Таким образом, это не принять решение на основании какого-то общего стандарта. Только суждение, основанное на индивидуальном пути, в котором принимает участие самостоятельность, а также эго-сознание, может разрешить такой неразрешимый конфликт. Но во времена нашего мифа это было еще не возможно: боги были слишком сильны.

Как только ее сводная сестра закончила все приготовления, Тиамат создала одиннадцать созвездий зодиака. (Двенадцатое созвездие было добавлено гораздо позже.) Одного из них, Кингу, родного сына Тиамат, она сделала своим супругом. Она доверила руководство над демонами ему и именовала его своим единственным супругом. Очевидно, что она совершенно забыла Апсу и их связь. Примитивные богини-матери всегда обладают некоторого рода распушенностью. Они живут в соответствии с эмоциями на данный момент — ничего иного для них не существует. Пока они эмоционально вовлечены — они сохраняют верность, но когда страсть ослабевает, они полностью забывают объект своей преданности и интересуются следующим объектом, который привлекает их внимание. Это вполне характерно для образа, в котором также действует бессознательная эмоциональность. Глубина момента представляет собой наивысшую ценность. Личность, оказавшаяся в такой эмоциональной буре или покоряющаяся инстинктивным стремлениям из бессознательного — это именно то, что дает Тиамат — или привлекает все сознательные ресурсы, чтобы не быть уничтоженной. Это связано с борьбой, однако, только герой может надеяться в ней выжить.

Я думаю, что большая часть беспорядочного поведения в современное время связана с отсутствием понимания соответствующих ценностей. В викторианскую эпоху инстинкты были настолько репрессированы, а эго и интеллект так

высоко ценился, что энергии бессознательного, подобно Тиамат, восстали. Теперь нам нужен новый спаситель, герой, который, сможет выиграть битву против этих энергий и получить энергию для жизненных целей. Конечно, возвращение к старым моральным установкам, например, к сексу или филиальной покорности, не решит проблему. Новое вино надо наливать в новые бутылки, и нет сомнения в том, что восстание против старых правил брожения нового вина, которое явно опьяняет.

Сын Тиамат, Кингу, вероятно, более ранняя форма Таммуза, который, как Кингу, также сын и супруг своей матери, Иштар. Это архетипическая тема, которую Фрейд сделал понятной каждому со своим акцентом на Эдипов комплекс. Однако здесь делается акцент на стремлении сына вернуться в матку и упор на потребность матери удерживать ее сына рядом с ней, чтобы удовлетворять свои эмоциональные потребности, а также для помощи в своей борьбе с изменениями.

Эта двойственная связь между богиней-матерью и партнером-мужчиной, который является одновременно сыном и супругом, характерна для рассказов об умирающих и возрождающийся богах. Кингу играет эту роль в данном мифе, а далее он осуществляет еще один элемент мифологии, ибо он был принесен в жертву для того, чтобы был создан человек. Мы вновь видим аналогию с христианскими догмами, в котором говорится, что когда Мария попала на небеса, она сразу вошла в «брачную комнату». Это, конечно, не означает, что Мария это Тиамат, или, что Христос и Кингу идентичны. Но это значит, что архетипический образ повторил себя многократно на многих уровнях. Закон, регулирующий раскрытие самой примитивной концепции божества, это закон, который работает, когда мы подходим к более духовному пониманию божественных факторов, управляющих внутренней жизнью. Поэтому, когда мы читаем этот древний миф, мы можем найти в нем понимание

вечных сил, которые работают и в современном мире, как это было в древнем Вавилоне.

Кингу, является одним из умирающих богов, которые принадлежат к преисподней. Кроме того, верны такие мифологемы, что он воскрешен Тиамат, чтобы стать Луной. Это также характерно для подобных богов. Осирис, в египетской мифологии, был супругом своей сестры-матери Изиды, а после его смерти стал господином и судьей загробного мира, но он также разделил со своей матерью сферу Луны. Тиамат дала табличку судьбы, принадлежащую ей, в помощь Кингу. Эту отсылку на установление власти судьбы часто приписывают Луне. Этим поступком Тиамат передала часть своей деспотической власти Кингу. Для того чтобы быть способной бороться в одиночку против путей высших богов было важно, чтобы она сама подчинялась определенным порядкам. Она должна была отказаться от своей власти и своих прихотей, как от единственных факторов, определяющих судьбу вселенной. Необузданные эмоции больше не могли управлять. Итак, мы видим, что боги света приобрели уступки со стороны женского царства.

Тиамат передала способность определять судьбы Кингу, который представлял Луну, а затем дала ему место на небесах. Действительно, Луна не подчиняется тем же законам, что и другие небесные тела, а бродит по небесам, как казалось, возможно, древним, произвольным образом. Но, несмотря на это, путь Кингу был намного более понятным, чем путь Тиамат. Таким образом, в борьбе с новыми божественными порядками, Тиамат уже в некоторой степени поддалась их влиянию. Она установила собственный порядок, по-женски.

Стоит отметить, что это явление можно наблюдать в наших собственных психологических сражениях против подавляющей власти бессознательного. Как только мы начинаем обращать на это внимание, хаос в бессознательном начинает регулироваться. Этот хаос все еще может оставаться мощным и угрожающим, но мечты и фантазии,

вытекающие из него, как правило, становятся более упорядоченными и понятными.

Текст переходит к описанию полномочий, которые Тиамат дала Кингу для грядущей борьбы. «Она передала ему табличку Судеб» (которая изначально принадлежала ей — то есть, женскому бессознательному). После, она отправила его на уничтожение богов и стал устанавливать порядок.

Здесь первая табличка заканчивается, и Роджерс говорит нам: «в хаосе, диких угрозах, человеческих страстях, странных монстрах и могущественных силах беспорядка.»³ Мужской аспект дикого водного хаоса был усмирен богами и превращен в их священную обитель, Апсу, и боги — небесные боги — стали заниматься установлением собственного «пути». Но сейчас женский аспект изначального хаоса, темная область эмоций, начала борьбу против порядка. Тиамат была абсолютно разгневана и создала, казалось бы, непобедимую армию, чтобы разгромить богов.

И так начинается вторая табличка — Тиамат и ее слуги готовы к бою. Она бросила богам вызов, что на этот раз она уничтожит их. С этого момента форма текста предполагает, что вместо чтения производился ритуал.⁴

Когда Аншар [отец Ану и дедушка Эйя] узнал,
 что Тиамат сильно разгневана,
 ... он кусал свои губы
 ... в его уме не осталось покоя.
 Он обратился к Эйю и сказал:
 «Ты убил Мумму и Апсу, но Тиамат создала
 Кингу — где находится тот, кто может пойти к ней
 навстречу?»

³ Rogers, The Religion of Babylonia and Assyria, стр. 118.

⁴ Smith, Babylonian Legends, pp. 44ff.

Здесь имеется длинный пробел в тексте, и затем продолжение:

Аншар изрек слово сыну своему (Ану):
«... Это препятствие, мой воин...
Иди и встань перед Тиамат,
Ее дух (успокоится), ее сердце смягчится.
Но она не должна внимать слову Твоему,
Скажи ты наше (заклинание) ей так, чтобы она
утихла.»

Использование слова «утихла» отсылает к природе Тиамат, в качестве океана Хаоса. Затем текст продолжает рассказывать, как Ану отправился к Тиамат, но не смог одолеть ее. Он в ужасе вернулся к отцу, Аншару. При этом:

Аншар огорчился и посмотрел вниз, в землю,
Он молчал; к Эйе он поднял голову.

Но, очевидно, Эйя не желал принимать на себя эту задачу, и Боги сказали:

«Нигде нет бога, который сможет атаковать
Тиамат.

Он сможет вырваться из лап Тиамат только ценой
своей жизни «.

Господь Аншар, Отец богов, величественно,

Он посмотрел в свое сердце и обратился к богам
(говоря)

«Тот, чья (сила) могущественна (должен)
отомстить за (нас)
... это Мардук.»

Тогда они вызвали Мардука и спросили его, возьмет ли он на себя эту задачу. Приготовления Тиамат были просто

ужасающими для богов света, и, по-видимому, не менее ужасающими для вавилонян, описывающих это, потому что есть четыре различных описания этого процесса на первых трех табличках.

Тем не менее, Мардук не был потрясен, узнав о силе Тиамат, и далее последовало:

Господь (Мардук) обрадовался словам своего отца,

Он подошел и занял место перед Аншаром.

Аншар посмотрел на него и сердце его было наполнено радостью.

Он (то есть, Аншар) поцеловал его (Мардука) в губы, и его (Аншар) страх исчез. (И сказал Мардук)...

«Я пойду и осуществляю все, что происходит в сердце твоём.»

Аншар наметил план действий для Мардука, который радовался тому, что ему поручили эту миссию, но поставил определенные условия. Он сказал:

«О, Владыка богов, Судьба великих богов,

Если я хочу быть вашим мстителем

Чтобы убить Тиамат и даровать жизнь для вас,

Созови заседание, провозгласи и восхвали мое положение...

Позволь мне определять судьбы... Также, как это делаешь ты.»

И так Мардук, который является героем, потому что он сын богов, находящийся гораздо более близко к человеческому сознанию, чем старые боги, сделал очень хорошую для себя сделку. Если он преодолет Тиамат, то будет соответствовать величайшим богам, или даже превосходить их.

Это, несомненно, предвещает следующий этап сознания, когда человек, со своим развитым сознательным эго, становится подобен Богу, сокращает силы природы и заставляет ее служить своим целям, по крайней мере, в течение сезона.

История продолжается, рассказывая, как Аншар созвал всех богов вместе, чтобы даровать полномочия Мардуку, ибо даже самый величайший Бог не мог даровать эти полномочия своей властью, поскольку не было еще никакого представления о верховном божестве, как мы его знаем. Когда прибыли боги, Аншар устроил им большой праздник и наполнил их так, что они согласились на его пожелания.

Они ели хлеб и смешивали (вино),
Вкус сладкого напитка затмил их заботы.
Они пили крепкий ликер так, что их тела были
наполнены им до отказа,
Играли много веселой музыки,
И дали статус мстителя для Мардука.

Они дали ему все, чего он просил и даже больше. И здесь следует очень странный эпизод, описывающий часть подражательной магии. Видимо, боги не были абсолютно уверены, что полномочий, возлагаемых на Мардука, достаточно, чтобы обеспечить победу в этой эпической борьбе, ведь Ану и Эйя уже пытались противостоять всемогущей матери, и каждый отступил в смущении и был посрамлен из-за их страха перед Тиамат. И поэтому они устроили испытание:

У них была мантия, созданная ими,
Они обратились к богу Мардуку, своему первенцу
(говоря):
«Ты, Владыка, будешь находиться первым среди
богов.

Постановляем, чтобы ты отправился вниз и начал
созидать, да будет так.

Говори, но так, чтобы слово заставило мантию исчезнуть,
Говори второй раз и мантия должна вновь появиться».

Одежды, что боги создали, представляя свод неба, и изгиб морей внизу, задумывались как один круг. Эта фигура неразорванного круга первобытного хаоса соответствует Уробору до того, как появилось понятие противоположностей. Воды небесного свода еще не были разделены от нижних вод. Такова была мать Тиамат. В египетском искусстве, соответствующая фигура, Нуит, представляется в виде овала яйцевидной формы, усыпанная звездами. Эти звезды соответствуют демонам, которых сотворила Тиамат и поместила в созвездия. В грядущей борьбе Мардук был разделен на части: нижнюю половину овала из его верхней части унес ветер в живот Тиамат — то есть, он создал воздух, который, согласно Книге Бытия, отделил верхние воды от нижних. И в конце концов, Мардук создал новых богов для управления небесами.

Но сначала он должен был доказать свою компетентность. Если он заколдует одежды так, что сможет разбить на две части, а затем восстановит их с помощью магии, значит он будет в состоянии справиться с Тиамат. Действительно, в мире магии Тиамат была бы уже побеждена с помощью зачарованных одежд. Для этого есть способ магической мысли. В предыдущем примере такого рода магии в нашем мифе, Эйя создал образ Апсу с Мумму и поместил его в сон, в результате чего бог и его интеллект тоже заснули, находясь под гипнозом магии Эйя. И сейчас должны быть сделаны похожие магические действия, но испытания продолжаются, так как боги требуют демонстрации. Мардук должен показать всю свою власть, заставляя мантию исчезать, а затем вновь появляться.

Для нас это кажется фантастической нереальной историей, но в действительности это не так. Это мифическое

выражение психологической правды. Если, к примеру, человек сталкивается с какой-то задачей, некоторыми испытаниями, которые кажутся невероятно трудными, он может отказаться от выполнения, понимая, что это потребует невероятного мужества, мудрости и силы. Или можно уйти на покой и столкнуться с проблемой в одиночестве, призвать великие силы за помощью, возможно, посредством молитв и медитаций, или сосредоточения, что не так уж сильно отличается. В любом случае, если он находится на службе у этих высших сил, он может решиться на опасный поступок. Именно благодаря отказу от личной воли эго, герой действительно побеждает — это борьба не только над самим собой, но и во внешнем мире. Ведь если мы находимся в позиции, в которой видим, является ли вещь такой, как хотелось бы, или нет, мы не искажены умышленным вмешательством. Классическим примером такого рода внутренней «магии» мы можем наблюдать в связи между Г'ефсиманией, Г'олгофой и пустой гробницей.

И так Мардуку был брошен вызов докажет ли он свою компетентность. Напряжение и беспокойство среди богов при ожидании результатов говорит об их радости и облегчении при успешном исходе:

Мардук сказал слово, заставив исчезнуть мантию
Он сказал его второй раз и мантия появилась.

Когда боги и отцы его увидели, как произносят
слова его уста

Они обрадовались и поклонились (ему, говоря):
«Мардук, король ...

Иди, забери жизнь Тиамат.

Пусть ветер унесет ее кровь глубоко (под землю)».

Затем следует рассказ о битве героя с разъяренной первоматерью и всей ее разрушительной силой, которую она собрала, чтобы уничтожить своего наглого противника.

Мардук сразу же принялся за работу, вооружив себя:

Боги, отцы его, издали указ о боге Беле. [Бел означает Господин.]

Они поставили его на дороге, ведущей к делам мира и послушания.

Сначала они взяли молнию и установите ее около его лица. Это был подарок бабушки, Ану. Она дает способность проникать в темноту хтонической бездну силой света, то есть понимания. Затем он призвал ветры четырех сторон, чтобы они окружили его колесницу. Они были его стражами и стали подарком Энлиля, бога земли, который также был Господином Ветров. Кроме того, он призвал еще три ветра, «ветер ужаса», «шторм» и «знойный ветер». Это ветра пустыни, где царит все еще непокоренный хаос. Таким образом, возможно, первым результатом его магического акта было то, что Мардук стал управлять полномочиями свободных от управления областей и обратить это против хаоса матери Тиамат. И, наконец, он создал большую сеть, которая должна была охватить ее так, чтобы та не смогла убежать, потому что он понял, что с одной из самых больших трудностей он столкнется при попытке преодолеть этот хаос огромного масштаба, и его нужно было схватить. Та же самая задача стоит перед нами, когда мы пытаемся бороться с коллективным бессознательным. Оно всегда ускользает от нас и находится вне досягаемости.

После совершенных приготовлений указывается, что сделал Мардук:

Он пошел напрямик, спеша на своем пути.
И лицо его было направлено к Тиамат.

Уверенное положение Мардука очень отличается от тревоги и неуверенности Ану и Эйя, и это говорит о том,

что они не смогли надлежаще подготовиться для этой масштабной борьбы. Мардук избежал этой ошибки, потому что помимо тщательной подготовки, он попросил и получил поддержку со стороны богов:

Затем боги переносили его вперед,
Боги, отцы его, переносили его, боги переносили
его все вместе.

Повтор того, что боги перенесли колесницу и использование настоящего времени предполагает, что эта часть ритуала в поэме в самом деле была проведена. Текст продолжается:

Господь подошел и взглянул на Тиамат.

Сидни Смит отмечает, что в последующей табличке Мардук, как говорят, «вошел в центр Тиамат», где Кингу занял свою позицию.⁵ «Центром» может быть живот или матка, ссылаясь на изображение египетской богини Нуит, которая соответствует Тиамат, она изображена в виде живота в котором находится бог, изогнутый в эмбриональном положении. Поэтому Кингу словно эмбрион в чреве Тиамат.

Переходим дальше к истории:

Он ищет слабости Кингу, ее супруга.

Мардук наблюдает, как бродит Кингу. [Его... «взгляд» наполнен магической силой и сравним с дурным взглядом.]

Его воля (Кингу) была уничтожена, его движения были парализованы.

И боги, его помощники, которые шли рядом с ним Видели своего руководителя и взгляд их было тревожен.

⁵ Ibid., стр.23.

Тиамат (закричала, но) не повернула голову.
Ее губы были наполнены (непокорными словами)
которыми она поддерживала свое упрямство,
(Говоря): «... Ты пришел как Господь богов,
(якобы),
И они собрались вместе, выйдя из своих селений,
в твоём месте.»

Господь (т.е. Мардук) пробудил бурю, свое могущественное оружие,

(Против) Тиамат, которая пришла в ярость, он направил ее, (говоря):

«(Ты сотворила Себя) могучей, ты возгордилась собой,

Твое сердце (которое разрушило все), чтобы вызвать сражение...

Пусть теперь войска твои подготовятся, позволь им взять свое оружие.

Восстань! Ты и я, в бой!»

Услышав эти слова, Тиамат

Стала словно сумасшедшая, ее чувства обезумели.

Тиамат сделала пронзительный яростный крик,

Ее конечности задрожали в ритме,

Она вспомнила заклинание и произнесла его.

Так Тиамат использовала свою магию против Мардука. Это был роковой момент, чреватый страшными последствиями. И наша собственная борьба с поглощающей властью бессознательного столь же судьбоносна. Ибо, как только мы бросаем вызов превосходству бессознательного, оно восстает и начинает угрожать; его хаотический характер становится более заметным, как в поэме Тиамат «стала словно сумасшедшая». Тогда бессознательное начинает околдовывать нас: либо мы очаровываемся страшными зрелищами, которые разворачиваются в наших мечтах и фантазиях, и даже мир вокруг нас может показаться околдованным, либо

мы переполнены сонливостью, словно, как сказано в тексте, заклинание глубокого сна «было направлено на нас»; или, возможно, мы настолько сбиваемся с толку и теряемся, что мы не можем понять, кто мы и что мы делаем.

К примеру, в ходе анализа женщине под сорок приснилось, что она идет по широкому песчаному пляжу в солнечный день:

Внизу у воды, на некотором расстоянии от нее, находилась группа детей, играющих у кромки воды. За песчаным берегом она увидела лужу, оставленную после прилива, и когда она шла через нее, она увидела кусок гагата. Она остановилась и подняла его, чувствуя, что это сокровище в состоянии нигредо, как говорят алхимики. Но тотчас подул холодный ветер. Дети, оставив свои игры, поспешили укрыться за водорослями, облака заполнили небо. Она тоже приготовилась к тому, чтобы уйти, но обнаружила себя в зыбучих песках, а ветер стал усиливаться, поднялся шторм, в то время как начался дождь и град. Она потеряла способность ориентироваться и испугалась, что она будет засыпана, но она продолжала настойчиво сражаться, крепко держа свой драгоценный черный камень. Когда закончился сон, она нашла укрытие у морского укрепления.

Сокровище, которое она с таким риском отвоевала, было символом Я, и потому, что архетипическому образу родителей не был нанесен серьезный или патологический ущерб, как в ее случае, она была в состоянии найти безопасное место, не отказываясь от него. Но если родители не представляют удовлетворительный родительский образ, показывая ребенку картину эгоизма и раздора, архетипическому образу будет нанесен серьезный ущерб. Даже в тех случаях, когда о ребенке заботились с материальной стороны, но никаких

духовных ценностей не было дано, то задача спасения сокровища от бессознательного для такого ребенка может быть гораздо более сложной, чем для тех, кто в детстве узнал эти ценности. Такой человек может видеть сны о сокровище, как делала эта женщина, но когда мечтатель попытается получить его, вся картина может оказаться недоброжелательной. И сновидец может попасть в ночной кошмар из непроницаемой тьмы и темных вод. В некоторых случаях, перед тем, как финал настигает мечтателя, некоторые религиозные символы начинают проявляться. Это может быть только подсказка, но она дает последний шанс принять правильное решение. Если образ спасительного архетипа был серьезно поврежден, искупительный антракт вряд ли может привлечь внимание. Только тогда, когда сон будет проанализирован, сновидцу станет ясно, что спасение было доступно.

В случае женщины, которая нашла кусок гагата, ее действие было равносильно краже сокровища. Власть глубин под угрозой, о чем свидетельствует реакция воды и ветра, когда их изначальное обладание было отнято. Аналогичная ситуация показана в краже Золота Рейна, что привело, в конечном счете, к Гибели богов. Черный драгоценный камень является символом «Я» в своем первоначальном состоянии нигредо. Гагат — это окаменевший углерод. Он очень старинный и это значит, что сокровище «Я» лежало скрытым в глубинах психики с незапамятных времен. Действие этой женщины соответствует краже Прометея божественного огня, и власть бессознательного была повреждена ее успехом. Это обычное явление в героической борьбе и неизбежно наносится травма в соответствии с Законами героя, который фигурирует во многих версиях этой мифологемы.

Если сновидец не может выдержать это испытание и завладеть сокровищем, то появляется гораздо более серьезная проблема. Травма архетипического образа имеет другую природу, и эта травма была неизбежно нанесена героической борьбой. Например, если реальные родители оставили

негативные переживания, сознательное отношение индивида будет характеризоваться отрицательными эмоциями и сопротивлением по отношению к ним. Но это состояние будет компенсироваться бессознательным, особенно влияет существующая тесная связь, которая может быть представлена в сновидениях такими явлениями, как призрак умершего родителя, или сон о погребении в могиле родителей.

Кроме того, родители могут появляться во снах в образе пожирающего монстра. В сказке о Красной Шапочке, волк съел добрую бабушку и появился в облике страшной бабушки, которая сожрала и ребенка. В подобных ситуациях, если бы не было никакого духовного образования, ситуация становилась бы все более разрушительной, даже если на сознательном уровне родители были бы добрыми. Если религия говорила о суровом и мстительном Боге, ребенок не сможет воспользоваться символами искупления, хотя они могут быть представлены о снах. Жертва Христа, к примеру, будет казаться пародией на правосудие, включая наказание сына ужасающе жестоким отцом; он никогда не будет символизировать любовь и преданность спасителя.

В подобных случаях, как и в детстве, если бы сад Эдема, с его райским подтекстом, был в пустыне, в результате этого ребенок был бы отделен непроходимой пропастью от земли обетованной, где может быть обнаружен символ самости. Обычно, если ребенок сталкивается с приемлемой родительской заменой, этот пробел может быть преодолен во внешней жизни. Переживание ощущения родительской заботы и наставничества, которое дают те, кто замещает родителя, может позволить перерасти свою зависимость, которая, несомненно, будет значительной, потому что она опирается на бессознательную компенсацию переживания чувств от реальных родителей, которые оказались неудовлетворительными.

У взрослого человека похожее восстановление поврежденного образа может произойти в аналитической ситуации,

где перенос родительского образа на аналитика обеспечивает средство, с помощью которого разрыв можно соединить. Обычно это происходит с помощью религиозных символов, возникающих во снах, которые замещают личность аналитика и таким образом приводят либидо во внутреннюю или субъективную область, где человек может обрести безопасность. Юнг дает отчет именно о таком развитии в случае женщины, которую он исследовал, и его собственная личность была заменена во сне образом античного бога, который попал в руки пациентке и дал ей возможность участвовать в извечном ритуале природного обновления.⁶ Но там, где архетипический образ был серьезно поврежден и религиозные символы так исказились, что больше не могут служить потребностям индивида, возникает вопрос — может ли образ восстановиться настолько, что будет нормально функционировать.

Наш эпос описывает не такой патологический случай; скорее он представляет собой путь человечества на протяжении веков; то есть, это обычное приключение — те, кто был слаб, чтобы пройти испытания, погибли по пути, и их поражение не оставило никакого следа в данной мифологеме.

Важнейший вопрос на данном этапе битвы Мардука: окажется ли его магия достаточно мощной, чтобы преодолеть Тиамат, ведь если нет, то Мардуку будет дан отпор, как его отцу и деду. Они отступили от Тиамат, прежде чем заняться непосредственно ей, но Мардук не мог этого сделать. Он зашел так далеко, что в решающей схватке пришлось идти на риск. Поэтому он распределил свое оружие среди богов, его помощников, и затем, как говорится дальше:

Тиамат и Мардук, посланник богов, бросились друг на друга.

⁶ Two Essays on Analytical psychology, CW 7, стр. 211ff.

Так что, даже в пылу драки, представляется, будто Мардук вспомнил, что он борется не только своими собственными силами, и не только для собственной выгоды. Он является посланником богов. Подобным образом, в нашей борьбе против сил бессознательного мы обязаны сопротивляться их мрачной и магической силе, и это правильная позиция для нас. Как Мардук, мы также боремся не в одиночку, и мы не ждем победы нашего личного эго. Стремление к сознанию, как это ни странно, возникает из бессознательного, и в нашей борьбе пока еще неизвестно, что «Я», хочет стать сознательным, и оно на нашей стороне. Далее сказано:

Они [Тиамат и Мардук] собрались в непосредственном конфликте, они были связаны борьбой.

Это была не борьба теорий или идеологий, а ближний бой рука об руку.

Господь бросил свою сеть, чтобы поймать ее.

Мардук не был намерен позволить ей использовать ее главное преимущество, возможность побега вне зоны досягаемости. Это общая черта боевых тактик сознания, ведь еще нерожденное «Я» хочет стать осознанным, а бессознательное сопротивляется сознанию. Если один элемент угрожает переполнить нас дурной силой, может показаться, что он победит в первой атаке, но в действительности это всего лишь уловка для того, чтобы заставить нас врасплох, или чтобы снова успокоить наше бессознательное. Если мы не устоим перед злом, то оно вновь восстанет, сильное, как никогда, хотя может и перевоплощенное в новой и необычной форме.

Это тема встречи Геракла с Нереем, когда Геракл узнал, что бог хранит какую-то тайну и попытался сразиться с ним, но бог изменил форму и сбежал, для того, чтобы являться в разных формах. Герой устоял и, наконец, захватил бога,

получив награду от него. Американские индейцы называют это обличие «оборотнем». Он является проявлением Меркурия, который у алхимиков являлся первым металлом и отцом всех металлов, или первой планетой и отцом всех планет, свойством которого является то, что он может исчезнуть и преобразовать себя снова, как ртуть может сублимироваться от тепла и восстановиться снова в стеклянной таре.

Мардук не хочет быть одураченным таким образом:

[Он] бросил свою сеть, чтобы заключить ее,
Зловещий ветер, что был за ним, он пустил ей в лицо.

Как можно интерпретировать сеть, которую создал Мардук? Что это означает психологически? В нашей собственной борьбе с бессознательным, и особенно с материнским архетипом, это будет означать плетение неразрывного полотна сознания вокруг ситуации, чтобы ни одно сообщение от бессознательного не осталось без нашего внимания.

Например, чтобы вернуться к ситуации с подростком, который борется за то, чтобы получить свободу от родителей — возможно, он отвоевал право пригласить девушку в родительский автомобиль. Несмотря на некоторую тревогу за то, есть ли у него достаточное количество карманных денег для того, чтобы платить за дополнительный газ, он все равно идет вперед, и затем, когда оказывается, что бак пуст, он вежливо просит девушку заплатить за газ, словно она должна взять на себя роль родителя, который всегда заботится о таких вещах. Такой парень, очевидно, не по-настоящему отвоевал свою свободу у родителей. Его сеть имеет дыры, а приступ тревоги мог предостеречь его.

Таким образом, чтобы создать сеть необходимо убедиться, что не осталось никаких дыр, куда Тиамат, материнский комплекс, символ нашего собственного детского сознания, может сбежать.

А что же за зловеющий ветер, что Мардук пустил в лицо Тиамат? Неужели негативное влияние на сына слишком долго было заключено в материнском мире? Конечно, это путь Фрейдисты приняли бы. Агрессивные и негативные чувства ребенка по отношению к матери поощряются ими, а также позволительны все деструктивные выражения. Зловеющий ветер выдувается в лицо фактически собственной матери. Сейчас, когда в жизни многих людей может быть необходим некоторый опыт негативного отношения к своей матери, и либо проживать это непосредственно либо, что более благоприятно, отрабатывая в негативной фазе переноса с аналитиком, и он должен иметь в виду, что в первую очередь бунт происходит не против личной матери, а против архетипа матери. Даже в тех случаях, когда собственная мать требовательна и является собственницей, свобода может быть достигнута только через внутреннюю борьбу против «Тиамат», и никогда не через восстание против реальной матери.

Действительно, борьба против собственничества матери никогда не закончится, если Тиамат, воплощение бессознательных инстинктов и эмоциональности, не будет проработана. Даже если реальная мать умерла, молодому человеку все равно придется бороться против нее в своей собственной душе, в то время как все оставшееся время будет зависеть от ее хаотического настроения. Переходя к нашей истории, Мардук бросил свою сеть на Тиамат и схватил ее. Затем он призвал зловеющий ветер и пустил его ей в лицо.

Тиамат открыла свои уста насколько это возможно,

Мардук впустил зловеющий ветер в нее настолько, что ее губы не смогли открыться.

Бушующие ветра заполнили ее живот,

Ее сердце сжалось, она раскрыла свой широкий рот (задыхаясь)

Мардук выпустил стрелу и она разорвала ее живот,
Он продолжал вскрывать ее нутро и пронзил (ее)
сердце,
Он свел ее на нет и разрушил ее жизнь.
Он бросил ее тело, и встал на него.

Так Тиамат была побеждена этим зловещим ветром, после того как была поймана в сеть. Разумеется это означает, что после того как мы схватили бессознательные инстинкты, которые являются причиной наших внутренних проблем, нашей собственной негативной реакции в отношении этой силы нет, и, пожалуйста, обратите внимание, что наша агрессия и отрицательная реакция против человеческого существа, на которого проецируется сила Тиамат, но наша реакция на внутреннее рабство — это и есть «ветра», несмотря на то, что они обозначены как зло, они могут быть использованы для того, чтобы разорвать живот Тиамат. Это означает разделить или проанализировать свою внутреннюю потребность в противоположности. Одна половина Тиамат сформировала купол неба, а другая половина стала опорой мира, и одна часть была духовной, а другая хтонической.

Интересно отметить, что при борьбе с Апсу, это Мумму, его интеллект, должен был сразиться и умереть, в то время как здесь основная борьба происходит с самой Матерью Тиамат. Кингу, ее супруг и заместитель, выбыл с некоторыми неприятностями на долгое время. Это наводит на мысль, что, когда бессознательное захватывает область мыслей, это можно разрешить более безлично, несколько менее интимно, чем в том случае, когда проблема находится в области эмоций. Тогда интеллект или ум не может помочь; разум сердца это то, что необходимо.

История продолжается:

После того, как Мардук убил Тиамат,
руководителя,

Ее свита рассыпалась, ее помощники были изгнаны,
И боги [или демоны], ее союзники, воевавшие на ее стороне,
Содрогнувшись от ужаса, убежали,
Обернулись в бегство, чтобы спасти свою жизнь.
Но они оказались окруженными. Они не смогли сбежать.

Затем Мардук заключил их «в темном месте», которое соответствует тем условиям, которые имеют демоны в аду; или в аналитических терминах мы могли бы сказать, что Мардук заключил их в бессознательном состоянии. Так что борьба еще не окончена! Далее Мардук обратил свое внимание на Кингу и уничтожил его, потому что считал его ничтожеством, словно он был мертвым богом. И еще:

Мардук взял его табличку Судеб, которая не должна была достаться ему,
Он скрепил ее печатью на своей груди.

Таким образом, Мардук взял на себя ответственность за судьбу мира, и, как мы увидим позже, он совершил надлежащие меры для защиты этой драгоценной таблички. Когда вавилоняне слышали эти слова ритуальной поэмы, они, возможно, понимали, что они несут личную ответственность за свою судьбу. Может быть, что более осознанные из них решили не позволить табличке Судеб снова попасть в руки Хаоса и ее сына-мужа.

Здесь мы видим те самые зачатки личной свободы, чувство ответственности и начало демократии. Тирания начинается тогда, когда один человек становится одержим демонами Хаоса (Кингу или Тиамат), и идентифицирует себя, сознательно или бессознательно, с ролью тирана. Этот человек как

бы захватывает табличку Судеб, и получает власть определять судьбу большинства, что мы видели в коммунистических и фашистских странах. Но если герой побеждает, то мы получаем силу реализовывать наши собственные планы и выбирать свою судьбу.⁷ Но, к сожалению, обязательства сознания были забыты много раз с того дня, и с тех пор Хаос воцарился.

Это второй раз в нашей поэме, когда мы видим, как вавилоняне признаются в том, что человечество может сыграть свою роль в судьбе мира, а не оставаться марионетками, полностью зависящими от прихотей богов. Первый признак того, что мы можем иметь некоторую свободу воли, присутствуют на табличке, описывающей функцию звезд определять судьбы. Там сказано, что люди могут создавать свои собственные планы по принципу «умелому для умелого, и дураку для дурака». Но для того, чтобы отвоевать даже небольшое количество свободы в настоящее время, каждый человек должен столкнуться лицом к лицу с силами бессознательного. Те, кто завоюет свою свободу, но только при том условии, что они также найдут способ наладить мир с внутренними силами через положение, подобное религиозной преданности вавилонян, затем должны согласиться с результатами их собственного выбора. Если человек опытный, то есть мудрый, то результат будет благоприятный, но дурак всегда будет делать глупые решения. Тем не менее, даже глупый человек может формировать свою собственную судьбу, и поэтому не может переложить всю вину или все заслуги на богов.

Поэма продолжается:

После того как он разгромил и убил своих врагов...
Доблестный Мардук наложил строгие ограничения на богов, которых взял в плен.

⁷ См. Langdon, Semitic, стр. 314/

Он взглянул на Тиамат, которую победил.
Господь (Мардук) раздавил крестец Тиамат,
Своей беспощадной дубиной он расколол ее череп.
Он вскрыл ее вены.
Он призвал северный ветер унести все прочь под
землю.

Таким образом, был исполнен указ богов.
Его отцы [т.е. боги] смотрели и радовались, они
были довольны.
Они принесли ему подношения, триумф и мир.

Но Мардук не забывал о своей, еще незавершенной,
задаче:

Господь (Мардук) остановился и осмотрел тело
Тиамат,
Он отделил плод.

Плод Тиамат считался живым ростком, из которого
была сотворена Вселенная, и, если посмотреть с другой
позиции, Кингу представлял этот росток. Таким образом,
мы видим, что, даже когда мы добились победы над силами
сознания, наша задача еще не завершена. Первое, что
нужно сделать, это «осмотреть тело»; то есть, чтобы пройти
этот беспокойный эпизод, и перейти в некоторое затишье,
которое следует после такой эмоциональной борьбы, нужно
попытаться обнаружить элементы, которые так разозлили
Тиамат. Это совсем не просто сделать, при таком пересмотре
все способно разбудить ее снова, и это говорит о том, что она
совсем даже не мертва после всего этого. И вот мы видим,
что Мардук отстранился от всех триумфальных подношений
богов и продолжил свою работу:

Он разделил Тиамат, словно моллюска, на две
части, [так же, как они были в мантии]

Одну половину он воскресил и создал небеса, как тень для них.

Вытащив затвор, он поставил стража,

И приказал ему не позволять ее водам сбежать.

[То есть, водам, которые над твердью. Это также было гарантией того, что не случится потопа.]

Он пересек небо, обдумывая его области.

Затем, осмотрев весь новый мир, который находился в области Тиамат, он установил священную обитель, или храм, трем названным богам по точной копии трех царств — неба, земли и подземного мира. И вот, едва только Мардук закончил борьбу и получил победный приз, он сразу стал намереваться упорядочить хаос и начать контролировать судьбы. Это говорит о том, что он уже в какой-то мере освободился от древних сил. Было бы естественно если бы он отдохнул и отпраздновал после такой победы, но он понимал, что хаос не покорен, если не будет установлен порядок.

Это урок, который западные страны в какой-то степени поняли с опытом Первой мировой войны. Когда был подписан Версальский мирный договор, захватчики оставил завоеванные народы самим разбираться с хаосом, оставшимся после их поражения. Но те были абсолютно не в состоянии этого сделать, до тех пор, пока они не переделали себя под деспота, а затем злые силы экспансионизма и агрессии воцарились снова. После Второй мировой войны, союзники стали более мудрыми, и, по крайней мере, попытались навести порядок и благополучие в завоеванных странах. Это истина, которая применима и к личным отношениям, и к международным.

Так Мардук начал делить территории и полномочия между богами света. То есть, мужской порядок был установлен и старый женский путь был изгнан. На протяжении всего семитского мира мужское начало действительно было высшим. Яхве один управлял на небесах и требовал верной

службы от людей. Древняя Сирия была опозорена, а ее святилища разрушены. Однако, было неоднократно продемонстрировано, что она сохранила некоторую силу, потому как при любом серьезном кризисе избранный народ Яхве обращался к ней снова и снова за помощью. На земле мужчин, которых Яхве создал по подобию своему, дал землю и сотворил законы, женщина стала почти рабом мужчин. Но по ходу истории, то, что было презираемо и отвергнуто мужчинами стало набирать высоту. Сын матери, чьим прототипом был Кингу или Таммуз, имея необычную внешность и прожив свою судьбу экстраординарно, умирая, показывал, что человек может жить, как это произошло с Кингу.

Мардук приступил к принятию во владение царства, которое он завоевал. Сначала он создал места для богов, и, так как они всегда были склонны к ссорам, он разместил их далеко друг от друга, дав каждому созвездие в качестве обители. Он поручил им наметить месяцы, а луна появлялась по ночам «чтобы определять день», а в качестве измерителя дня были его рога и корона. Так что дни, вернее, ночи, месяца были связаны с фазами луны, как, впрочем, это было вплоть до времен Римской империи. Пережиток этого остается и сейчас, потому как в английском языке слово для определения половины месяца связано не с четырнадцатью днями, а с четырнадцатью ночами (fortnight).

Днем мужское начало, интеллект и правила создают порядок, а ночью мы попадаем в царство бессознательного, в котором господствует женское начало, ибо в мифологии Луна является Матерью Богинь или своих сыновей. И для человека в это время суток правит анима, его женская часть, хозяйка бессознательного.

Остальной части этой таблички не хватает, но, видимо, там содержится отчет о недовольстве богов. Когда им были учреждены места на небе, они стали уставать от своей изоляции и, возможно, своего превосходства, но бесполезной власти, а также от отсутствия подчиненных — и они начали

жаловаться, что их существование было бесплодно. Не было ни прихожан на их святынях, и никто не приносил им подношения — они стали очень бедными.

Для того, вот справиться с этой внезапной задачей и удовлетворить богов, Мардук разработал еще один «хитрый план», указание на то, что человеческий герой должен быть умным и творческим, а также смелым. Он объявил о своем намерении предоставить прихожан. Он сказал, что создаст человека из крови и костей:

Я заморожу кровь, я сформирую кости.

Я создам человека, «Человек» (да будет) его имя.

Я создам «Человека».

Служба богам будет обеспечена, и они успокоятся.

Я сделаю вдвое больше дорог для богов, и украшу (их).

Они (сейчас) соберутся вместе в одном месте, но нужно разделить их на две части.

Человек, пишется с большой буквы Ч, означает саму суть человека, Антропоса, как позже было названо, и это символ Самости. Текст на сланцах, который был создан человеком с единственной целью — служить богам, и боги могут быть в покое, и это значит, что силы бессознательного в нас могут быть удовлетворены, приручены, если каждый человек будет совершать ритуальные жертвы и иметь религиозный настрой. И далее указывается, как эта служба должна быть проведена Человеком, снова с большой буквы, и она не должна быть просто небрежно исполнена зазубренными ритуалами, которые сознательно делает эго, это должны быть настоящее принесение в жертву с наибольшим количеством людей — такое отношение выражается в молитве посвящения «мы предлагаем Тебе и настоящего себя, наши души и тела...» Это древний христианский ритуал, «ощущение Бога, быть может, мы можем найти его», снова и снова мы не можем, но можно удивиться ясности видения и искренности древних людей.

В нашем тексте есть указание на то, что до этого времени боги, политика бессознательного, были недифференцированными, но теперь, с приходом сознания человечества, они должны быть разделены на противоположности. До сих пор боги не были хорошими-плохими, благоприятными-неблагоприятными — то есть, они были всего лишь силами, как ветер или погода, однако сейчас благодетельные боги должны быть отделены от губительных богов.

Это было первым результатом бунта в Эдеме. Адам и Ева, съев плод с дерева, называемого Древом Познания Добра и Зла, начали принимать моральные решения, основанные на своей собственной способности различения противоположностей. Они получили право выбора. И вот, задача человечества, единственная цель человеческого творения, в соответствии с этой мыслью, это уметь быть пронизательным по отношению к богам и приносить им жертвы, подходящие каждой индивидуальной натуре. Таким образом, мы также должны узнать, что за обслуживание или подарки, то есть пожертвования, необходимы для удовлетворения бессознательной божественной или демонической потенции в нас. Но чтобы создания были способны к сознанию, была необходима кровь, и боги, будучи в то время единственным живым творением, были единственными, кто мог предоставить ее. Некоторые из них были убиты, но ни один из них не был добровольцем. Таким образом, очевидно Эйя, бог мудрости, отец Мардука, консультировался, поскольку мы знаем:

Эйя ответил ему [т. е., Мардуку],

Для утешения богов он повторял ему слова защитника (говоря):

«Пусть тот, кто создал раздор, будет принесен (в жертву),

Я сделаю так, чтобы он нес свою вину, но вы должны оставаться в покое.»

При этом боги, видимо, вдруг увидели, что надвигается опасность, и зарыдали:

«(Это был) Кингу, он создал раздор,
которого сотворила Тиамат для восстания, чтобы
вступить в бой (с тобой).»

Это, очевидно, не соответствовало действительности. Кингу был просто создан Тиамат в то время, когда она готовилась к бою с Мардуком. Причина восстания Тиамат появилась задолго до рождения Кингу. Таким образом, он явно был козлом отпущения.

Весь этот эпизод напоминает картину другого суда и самопожертвования, которая произошла около двух тысяч лет назад, когда еще один невинный сын был осужден представителями мужского божества, и его кровь также пролилась для того, чтобы человечество могло переродиться и обновиться.

Затем Эйя сотворил человечество из крови Кингу, и, как мы сказали, был сотворен Человек для служения богам, а боги были освобождены. Отметив этот момент, повествование продолжается:

После того Эйя вылепил человека, которому он наказал служить богам

Ему были даны человеческое мышление, сделанное благодаря хитрости Мардука и мудрости Эйя.

Через это древнее упоминание мы воспринимаем глубокую истину того, что люди были созданы с единственной целью — служить богам, из крови которых была образована наша жизнь. На психологическом плане это означает, что физическое тело формируется из жизненной силы психики и что единственной целью нашего сотворения является то, насколько эго-сознание может служить Самости.

Для вавилонян было само собой разумеющимся, что дух или душа может являться чем угодно, но и эпифеноменом физического лица. И наоборот, каждый из нас является душой, что пребывает в физическом теле.

Затем Мардук призвал богов построить свои собственные святилища на земле. Они в точности соответствуют «движению» богов на небесах. Эти святилища подробно описаны с точки зрения астрологии. Храмы, называемые зиккуратами, строили в несколько ярусов, представляющих собой орбиты или сферы планет. До 2000 г. до н. э., были признаны только пять планет, а потому зиккураты имели пять ярусов, но позже появилось семь уровней, соответствующих семи планетам и семи ночам лунного квартала. В центре двора был Апсу, вместилище вод жизни, названный именем первого бога, «Бездна пресных вод», из которых было сформировано вещество. В большом зале-ассамблее находились святилища богов, каждый в своем собственном созвездии. Здесь, из года в год, проводились фестивали на восходе солнца в день весеннего равноденствия, и разыгрывалась история создания и борьбы между богом-героем и изначальными силами, драконами хаоса.

Описания ритуалов, которые выполнялись в первые одиннадцать дней нового года частично сохранились на другой серии табличек, а также до нас дошли некоторые из гимнов, используемых в богослужении. На второй день следующий гимн зачитывали перед святыней Мардука, к которому обращались просто как Бел, что значит Господин:

Бел, который восстановил мир для великих богов,
Бел, который, бросив свой могущественный
взгляд,

Широкие небеса объединил своим умом.

Бел, своими глазами ты видишь все.

Ты контролируешь законы по законам Своим.

Ты даешь указы одним только взглядом.

Утверждение, что небеса объединены Божьим умом является поразительным психологическим заявлением, и замечание, что человеческий закон подлежит божественному закону истинно, на что в нынешнем мире не мешало бы обратить внимание.

Гимн продолжает описывать, как Мардук бросает в огонь драконов и змей, которых создала сводная сестра Тиамат. Существовала также традиция, аналогичная тому, как он поступил с Кингу. На другой день мастера делали статуи Человека-Скорпиона и Человека-Змея, двух монстров, созданных сестрой Тиамат. На следующий день их обезглавливали и бросали в огонь.

На пятый день, царь приходил в храм. Он мыл руки и вставал на колени перед богом. Верховный жрец принимал скипетр царя и другие знаки отличия сана и помещал их перед Мардуком в его часовне, ибо они принадлежали Богу и один раз в год царь должен был возвращать их обратно. В тот момент царь становился простолудином, и верховный жрец, представитель Бога Всевышнего, бил его по щекам. Затем он должен был вести его до Мардука, поэтому он тянул царя за уши и заставлял его встать на колени и дать рассказать о своей службе.

Обычно, исповедь была полностью негативной. Это был не моральный отчет, а изложение запретов, которые были у него либо еще не рассматривались. Так же, как и десять заповедей были сформулированы в основном с точки зрения запрещенных действий, так же старые обязанности вавилонян были задуманы богами как потребность воздержания от определенных действий. Добродетель для них еще не требовала позитивной морали и сознательной ответственности за свои мотивы и действия. Но если бы такой ритуал для властей проводился сегодня, даже такая степень сознательной ответственности для службы могла бы избавить мир от множества страданий.

И вот, в древнем Вавилоне царь был обязан исповедоваться:

Не согрешил я, Господь земель, я не был беспечен
к твоему божеству.

Вавилон я не разрушил...

Я не бил по щекам моих подданных... ни причинял
им унижения.

Верховный жрец отвечал на эту исповедь, выступая от имени Мардука, и говорил «Не бойся». Царь, обращая внимание на свое правление, в очередной раз получал обратно свои знаки отличия. Но закон государства предполагал, что верховный жрец имел священное право отказать в короне любому монарху, который злоупотреблял своей властью. Таким образом, тирания абсолютной монархии была подвержена божественному закону. Для того, чтобы проверить, был ли полностью честен в своей исповеди царь, жрец снова бил его по щекам. Если царь плакал, то становилось ясно, что Мардук доволен им. Но если он не плакал, то Мардук был им недоволен, приходили противники и убивали его.

Вскоре после захода солнца на пятый день, жрец делал огонь из тростника и приносил в жертву огню быка. Жрец и царь пели гимн «божественного быка». Эта жертва напоминает эпос об убийстве Небесного Быка Гильгамешем и Энкиду, его сводным братом. Бык представляет знак зодиака Телец, Платонов месяц, предшествующий эпохе нашего мифа. Вавилонские и ассирийские империи соответствуют платонову месяцу Овна, Барана, который представлял Мардук, будучи ребенком, несущий барана на своих плечах и это ознаменовывало убийство Быка Тельца, предшествующего знака зодиака.

Христианская эпоха, которая последовала после, аналогичным образом ввела ритуальное убийство Агнца. Гильгамеш был быком, которого он сам убил, а Христос, герой следующего пересечения — Овна и Рыб, был Agnus Dei, Агнцом Божьим, и Агнец был убит. В греческой церкви, вместе со своей противоположностью, Антихристом, он известен как

Рыбы, правитель знака зодиака и Платонова месяца Рыб. В настоящее время земля почти прошла знак Рыб и стоит на пороге знака Водолея, Носителя воды. В вавилонском искусстве эта фигура представляется Апсу, который чьи божественные воды льются из чаши неба (см. рис).

Эти воды сам Апсу, побежденный и прирученный Эйя, который льет его на землю для того, чтобы человеческая жизнь не могла быть уничтожена тогда, когда ударит огненное дыхание пустынных драконов.

И так мы узнаем из этой древней сказки многократно позабытый секрет, который гласит, что хотя бурная и хаотичная сила бессознательного может угрожать самому существованию нашей тонкой и хрупкой сознательной цели, но из него также исходит вода жизни, чья божественная благодать оживила нас и обновило нашу храбрость для того, чтобы продолжать вековую борьбу за сознание.

В последний день фестиваля пели финальный гимн:

О, Господь, на входе в твой дом, ты можешь радоваться дому своему.

Верни на свои места богов неба и земли.

Позволь теперь кричать тебе: «О, Господи, мир!»

Наш миф описывает то, что можно назвать «нормальным» курсом героической борьбы, которая велась на протяжении веков, и нужно продолжать бороться снова и снова каждому ребенку, чтобы освободиться от родительской зависимости.

Для этого героического света индивидуальные успехи становятся свободными, но архетипический образ родительской формы повреждается. Действительно, наш миф раздроблен, и в том месте, Тиамат — одиночка, матриархальный Уроборос установленного общества богов. Они больше не самодостаточны, тем не менее, Мать Тиамат имеет свое место, но это зависит от заслуг и поддержки Человека. Это аспект героической борьбы и достижений, на которых, как

правило, недостаточно акцентируют внимание. Ибо это не сам архетип, который разрушается в героическом бое, а его образ, его символическое проявление. Небольшая часть безмерной энергии была оторвана от него и ей овладело человечество, которое будет использовать эту энергию для сознания.

И тогда герой наступает по-новому, забывая о том, что архетип, несомненно, возродится в новой форме, представленной в нашем мифе как общество богов, которые имеют определенные обязанности и обязательства, в то время как сам непознаваемый архетип отступает вглубь сознания.

Таким образом, мы видим, что герой что-то приобрел в своей успешной борьбе, но архетипический образ был поражен и должен быть реконструирован. Это нормальный и необходимый процесс. Высокомерие героя, восстание против сил бессознательного, является *felix culpa*, счастливой виной.

К сожалению, однако, не каждый ребенок является героем, и не каждый имеет храбрость проводить борьбу за свободу добровольно. Кроме того, проблема может быть осложнена необычными нарушениями в образе Отца, или, что еще более пагубно, в образе Матери, которые произошли в начале жизни.

Рис. 4. Ансу льет свои божественные воды из чаши небес (Langdon, Semitic)

РАЗВИТИЕ СОЗНАНИЯ

В мифе, Мардук, герой, совершенно восторжествовал над родительскими богами. Он вконец уничтожил их и сделал себя хозяином своих полномочий. Но он был в состоянии лишь управлять своими новыми порабощенными территориями с помощью меньших, безымянных богов. И, как мы видели, он поделил все между ними на области. Он мог это сделать, потому что он сам был одним из названных богов, прямым потомком Апсу и Тиамат. Названные боги, похоже, имели искру сознания, в то время как безымянные боги представляли собой полностью бессознательные энергии — инстинкты, эмоции и другие навязчивые факторы, что похоже на *ангелов* в Ветхом Завете и христианстве, а Юнг помечает, что это бездушные существа, лишь представляющие мысли и желания создателя.¹

Вполне естественно, что Мардук имел власть над неназванными богами. Он был особо оснащен для выполнения своей задачи всеми другими богами, названных и неназванных, которые внесли вклад в его успех. Но после того, как бой был выигран, меньшие боги, получив дополнительные полномочия, которые они не сами заслужили, стали ссориться между собой. Так Мардук взял на себя дополнительную задачу по созданию Человека, который должен служить богам и поддерживать их существование. Эти соперничающие и мятежные боги представляют собой инстинктивные энергии

¹ Воспоминания, сновидения, размышления, стр. 327.

сознания, и для того, чтобы они работали гармонично вместе, был создан человек; то есть, человек должен был эволюционировать, по крайней мере, с небольшим количеством сознания. Но для этого один из богов должен был принесен в жертву, и был выбран Кингу, сын Матери. Он был принесен должным образом в жертву и Человек был сотворен из его крови. И так, в человеке содержится кровь, или дух, бога. Мы должны остановиться и рассмотреть, что означала бы в психологическом плане война богов друг против друга, и почему первым действием Мардука в попытке создать гармонию было размещение их подалеже друг от друга.

Разумеется боги — это психические элементы, инстинктивные энергии. В детстве и во взрослой жизни, пока не разработано некоторое самосознание, эти энергии не являются частью сознательной личности. Они выражают себя в виде навязчивой эмоциональной агрессии, гнева, любви, желаний, appetитов всех видов, лени, алчности и так далее. В ситуации с человеком, ребенок начинает жизнь в родительском мире, инстинктивно под контролем родителей и учителей. Это та ситуация, в которой человек не чувствует ответственности за свои эмоции. Когда ребенок начинает отделяться от родительских уставов и пытается вести самостоятельную жизнь, рано или поздно возникают различные препятствия или бедствия. Тогда «боги» вступают в игру. Человек злится на события или обстоятельства, и, когда ситуация не меняется по одному требованию, он чувствует оскорбление, утопает в жалости или начинает обвинять других, используя страстные упреки и агрессивные действия. Хаос примитивных эмоций захватывает человека; то есть, он снова попадает под влияние Тиамат, и вся работа должна быть проведена заново.

Но если, несмотря на препятствия, личность спокойно сортирует свои реакции, пожалуй, он сможет расположить богов на расстоянии друг от друга так, как это сделал Мардук. В нас существует даже импульс, почти инстинкт,

для того, чтобы сделать это. Юнг назвал это позывом к размышлениям.² Это, пожалуй, наиболее важный цивилизованный элемент в нашем психологическом гриме, уступающий только любви.

К примеру, человек приходит домой с работы, но, усталый и голодный, он обнаруживает, что ужин не готов, а его жена хочет пойти куда-нибудь, в то время как он желает остаться дома. Он показывает свое раздражение, и она пытается успокоить его мягкими словами. При этом он приходит в ярость, заявив, что она похожа на его мать, и он не будет подчиняться — и начинает дуться. Она бросается на кухню и через несколько минут зовет его ужинать, но он не идет, так что она, разумеется, очень раздражается. Когда они, наконец, сядут вместе за стол, никто не станет есть: вместо этого они начнут выносить все свои старые нерешенные вопросы, вытеснялись на протяжении всего их брака. Однако, несмотря на все эти эмоции, человек действительно желает быть понятым; то есть, он жаждет матери. Но жена жаждет отца и не признает это, либо просто обижается на неадекватность мужа и его неспособность исполнить родительскую роль.

И снова, если бы только они могли спокойно сесть и проанализировать свои реакции, таким образом выделяя их для того, чтобы заняться ими на своих условиях, может был бы шанс решить проблему, действительно связанную друг с другом. Но это требует жертв. То есть, придется пожертвовать свое желание быть ребенком, о котором заботятся снисходительные родители, и посмотреть в лицо жизни, как она есть. Если бы они смогли выдержать это, то они бы не только сделали бы важный шаг к большему самосознанию, но также они были бы освобождены, чтобы стать по-настоящему взрослыми.

² «Психологические факторы в поведении человека», Структура и динамика психики, CW 8, pars. 241ff.

В нашем мифе Мардук достиг полной победы над родительскими богами, Апсу и Тиамат, но в процессе организации нового порядка, Человека — т.е. сознание — пришлось создавать по определенным меркам, которые являются жертвоприношением, похожим на жертву детских ожиданий. В следующем этапе мифологемы, история и судьба Человека замещает борьбу среди богов.

История богов, по-видимому, происходила в вечном течении времен. Там нет упоминания о конкретном историческом времени. Мы сказали, что некоторое событие или последовательность событий состоялось «в тот день, когда...» — также в книге Бытия мы читаем, что создание Вселенной состоялось за семь «дней». Но когда человек, сознание, появляется на месте происшествия, сразу же сильно обостряется чувство времени и последовательности. Время начинает измеряться по отношению к человеческой жизни. В Раю, до того, как сознание было похищено вместе с плодами Древа Познания, человечество, подобно Богу, жило в одном вечном дне и не знало возраста. Но когда возникло сознание, время начало двигаться; жизнь больше не заключалась в вечном моменте «сейчас».

Та же последовательность событий происходит у ребенка. В раннем детстве он живет в безвременном статусе. Даже в младшем школьном возрасте летний день кажется бесконечно длинным. Часы и дни следуют друг за другом в бесконечном повторении. Это состояние сохраняется до некоторого события, которое происходит либо вовне, либо внутри, и пробуждает человека проснуться; тогда время начинает двигаться, события сменяют друг друга в узнаваемой непрерывности — создается память и личная история, а с ними и появляется чувство ответственности за свои действия.

Как говорят буддисты, для людей, обладающих небольшим интеллектом (или осознанием) необходимо изучать закон причин и следствия. Данный опыт пришел к первым библейским родителям, когда, съев плод, они

впервые взяли на себя ответственность за свои действия. Они были изгнаны из сада, изгнаны от присутствия Бога в пустыню, где должны были начать новый образ жизни, зависящий от их собственных усилий, вместо предусмотренной милости сада.

История Бытия соответствует истории развития цивилизации, а также развития индивидуального сознания. Первые люди занимались собирательством, как, вероятно, делали и Адам с Евой. Затем они стали ловить мелких животных, а позже они начали охотиться на крупных. В течение долгого времени, люди научились приручать и пасти некоторых животных, на которых раньше охотились, делая продовольственные ресурсы гораздо более стабильными.

Между тем женщины узнали, что они могли бы выращивать корни и ягоды, которые они собирают, разделяя землю палками для копания. Мы знаем, что Каин, старший сын Адама и Евы, стал земледельцем — то есть, человеком, который взял на вооружение изобретение женщины и расширил его границы до постоянных полей. Это действие было связано с грехом Адама: во-первых, это было изобретением, являющимся результатом «знания», а во-вторых, необходимость в почве была формой божественного проклятия.

Интересно отметить, что на каждом из этих этапов культурного развития, люди чувствовали необходимость обращаться за помощью к Богу или богам. Еще даже в каменном веке для человека, расписавшего пещеры на юге Франции и Родезии, охота на животных была задачей религии. Боги в образе антилопы или оленя задабривали церемониями перед охотой, что похоже на то, как американские индейцы танцевали танец медведя или оленя танец перед началом, чтобы поймать и убить животное. Когда охота шла успешно, лучшие куски мяса сжигали для того, чтобы дым накормил их духа-отца, а кожа животного использовалась для ритуальных одежд жреца.

В Эдемском саду преобладали райские условия, соответствующие раннему детству. Адам и Ева жили на первой стадии, где продовольствие доступно без работы. Мы знаем, что Бог сказал: «Вот, Я дал вам всякую траву, сеющую семя, какая есть на всей земле, и всякое дерево, у которого плод древесный, сеющий семя, — вам сие будет в пищу». (Бытие 1:29) Но когда они были изгнаны из сада и стали оторваны от Бога, им пришлось взять на себя ответственность за собственное существование. Адаму было сказано, что он должен трудиться, добывая пищу, в то время как наказание Евы было в том, что она должна рожать детей в боли. Это тут же произошло, и они называли ее первого новорожденного сына Каином. Каин вырос и стал земледельцем в соответствии с проклятием, которое Бог наложил на Адама. Таким образом, в некотором смысле Каин взял на себя проклятие отца, и это первый записанный случай, когда грехи родителей переходят на детей.

Второй сын, Авель, был пастухом. Видимо, было приемлемо для Бога убивать животных для пищи и в жертву Себе. Но плод исполненного проклятия не был приемлем для Бога. Каин, уже отвергнутый как тот, кто разделяет проклятия отца, стал жестоким, потому что его жертва была дважды отклонена. Это закономерное последствие чувства отчуждения от Бога. Эго, которое понемногу появляется из исходной идентификации с «Я», в библейском повествовании соответствует опыту наших прародителей. Поначалу они были заключены в Эдемском саду, один на один с создателем. Они были Его детьми, созданными по образу и подобию его, и они отождествляли себя с ним, как дети всегда отождествляют себя со своими родителями.

Книга Бытия — это миф о развитии эго в качестве центра сознания, отдельно от родителей, там, где человек признает самого себя. С помощью акта непослушания была получена независимость, и это заметный шаг к сознанию-эго. Это ощущается как подъем, и это действительно так. Но каждый

положительный прирост имеет и негативную тень-напарника, и это ощущается как отрыв от родительской целостности. Адам и Ева, а также после них Каин, чувствовали себя оторванными от Бога, предметом его недовольства и его проклятия. В психологическом плане так происходит тогда, когда эго отделяется от целостности сознания, в образе родительского дома, и также чувствует себя отчужденным. Как один старый духовный человек сказал: «Иногда я чувствую, что остался без матери, на долгом пути вдали от дома.»

В таком оплакивании личность отрезана от источника и возникновения бытия, она тоскует, как ребенок о возвращении в пристанище, чтобы прижаться к груди матери. Некоторые из них, конечно, являются более устойчивыми. Они чувствуют свою свободу в душе и гордятся этим. Тем не менее, они не свободны от негативной обратной стороны опыта, который является необратимым спутником. Их отчуждение дает не только ощущение одиночества и безнадежного уныния. Вероятнее всего, они реагируют на него с гневом и негодуют против родителей, а также с агрессией и враждебностью относятся к своим сверстникам. Этот гнев, вполне вероятно, будет выпускаться на тех, кто никогда не покидал родительский дом, или, покинув его, долго, по-детски желает возвратиться к своему уюту и безопасности.

Мы ничего о состоянии ума Адама и Евы после их изгнания из сада, а Каин, их старший сын, очевидно, обладал экстренной необходимостью быть принятым Богом. Он сделал утешающий презент и, когда он был отклонен, этот отказ вызвал в нем неконтролируемые эмоции — унижение, разочарование и гнев. Дети, которые чувствуют себя отвергнутыми своими родителями, могут страдать от похожих эмоций. На субъективном уровне, отрыв от источника бытия, то есть, от Бога, создает ощущение бессилия, в некоторых случаях с последующим коллапсом; в других это приносит необоснованную и высокомерную гордость, что неизбежно приводит к враждебности по отношению ко всем.

Существует еще одна причина отчуждения. Всякий раз, когда человечество позволяет себе сделать или познать что-то, принадлежащее ранее богам, мы чувствуем, что мы как Бог, в состоянии отменить законы природы. Когда Прометей похитил огонь с неба, он вторгся в сферу богов и нарушил их исключительные права. В результате он был изгнан ими и навсегда наказан. Адам совершил подобный грех, сорвав плод с Древа Познания и приобретя возможность познать добро и зло. Высокомерие Каина состояло в получении власти делать то, что до этого времени мог делать только Бог, а именно, увеличить урожай земли земледелием.

С точки зрения людей, живущих в дикой природе, их пропитание зависит от дикорастущих плодов и корней сад, Каина, где еда имела бы в достатке, должен был стать настоящим раем. Бог изгнал человечество в пустыню, а теперь он решил создать новый рай на земле. Каину казалось, что он словно бог; неудивительно, что он страдал от высокомерия. До этого дня мы чувствуем, что он не делает ничего опасного, и все слишком хорошо, или ожидаем чересчур благоприятный исход. Но мы пробудили завистливый гнев «богов» — мы не скажем Богу, но мы прикоснулись к дереву и запустили свои пальцы в вековой защитный знак против несчастий.

Когда жертва Авеля была принята, а его отклонена, Каин сильно разгневался и убил своего брата. Этим актом он призвал Божий гнев на себя и Бог проклял его и вынудил бежать в пустыню, где он не мог пожинать плоды своих трудов, что существенно пополнило его обиду и чувство несправедливости. Однако Бог на нем такую метку, что он не может быть убитым, и это выглядит так, словно Бог чувствовал себя каким-то образом ответственным за этого человека, который, возможно, принял участие в его собственной природе так, как не сделал этого Абель.

Каин был наказан за свое высокомерие, будучи изгнанным от Бога. Он стал врагом народа Божьего, избегающим его как убийца. Эта история может быть воспринята в качестве псевдо-истории, или, если мы смотрим на нее как миф, мы можем увидеть в столкновении между Каином и Авелем пример мифологемы «враждебных братьев», которую можно найти во многих легендах, как мирских, так и религиозных. С психологической точки зрения, это рассказ о связи человека со своим внутренним братом, его тенью, той частью себя, которую он не любит и подавляет. Если размышлять таким образом, то история гласит, что сознательное эго в лице Каина, старшего брата, подавляет другую сторону, Авеля, самым жестоким образом, так как оно чувствует себя оторванным от Бога по причине своего успешного фермерского хозяйства, инициативы, не придерживающейся традиционного образа жизни, а являющейся новшеством. Для богов, которые всегда консервативны, все должно быть подано в традиционной манере, в соответствии с ритуалами, установленными отцами. Инновации являются табу в религии; это пахнет ересью. И так, когда Каин убил Авеля, за этот поступок он стал еще более оторванным от Бога и человека.

Это вписывается в психологическую тему развития сознания в современной личности. Изгнание из Рая это первый опыт бытия личности, «я», накопленный, в частности, несанкционированными действиями против родителей. И почти всегда это болезненный опыт. Молодой человек, который взбунтовался и поступил из собственной инициативы, чувствует себя изолированным чувством вины. Он обязан в одиночестве проделать свой собственный путь, сначала закончив школу, а затем попав в большой мир. Человек, являющийся успешным, это тот, кто женился, завел семью и начал ощущать себя большим человеком. Он говорит: «Человек является хозяином в собственном доме», «Там, где есть желание, есть

и путь», и так далее. Но в настоящее время, когда он ощущает, что его силы слабы, его высокомерие, вероятно, будет сопровождаться депрессией. Кажется, что ничего не имеет того чувства важности. Соломон в старости говорил: «Суета сует, все суета». Он обнаруживает себя в пустыне, где Кьеркегор говорит ему, что он страдает от смертельной болезни.

Это то, что можно было бы назвать нормальной травмой архетипического образа Рая, отцовского и материнского царства, символом не только Эдемского сада, но и мирового змея, Уробороса, который ест свой собственный хвост. Кьеркегор утверждает, что это вселенское состояние, осознает это индивид или нет, и каждый неизбежно должен быть разделен, отделен от первичных начал, для того, чтобы приобрести индивидуальное сознание.

В некоторых случаях, однако, этот нормальный аспект родительского мира может быть серьезно искажен, и, следовательно, детский внутренний образ родителя получает патологическое повреждение. Например, когда настоящий отец и мать, воплощающие роль первичных родителей, родительского архетипа, не исполняют свою роль в позитивном ключе, а делают это, возможно, пренебрежительно или даже жестоко, они оставят отпечаток в психике ребенка в виде разрушенного родительского образа, в результате чего могут появиться серьезные психические травмы.

Для таких детей Бог не Отец Небесный, а мстительный, требовательный и карательный Господь. В результате они выброшены из внутреннего Рая и обнаруживают себя в пустыне. Это происходит не по их вине, а из-за патологического повреждения родительского образа. Опыт такого рода лежит в основе многих проблем современных мужчин и женщин. И так мы видим, что мифологическая тема отрыва от родителей имеет несколько аспектов, а именно:

ВО-ПЕРВЫХ, существует нормальный бунт ребенка, а затем герой сражается с материнским архетипом в образе

дракона или монстра, что представлено в вавилонском мифе борьбой Мардука против Тиамат. Для выхода из зависимости, ребенок должен взяться за эту битву. При успешном исходе, это приводит к нормальной травме родительского образа в психике ребенка, и к инфляции эго. В результате этой победы, молодой человек чувствует себя взрослым, и теперь он может делать то, что любит, и, похоже, не мог делать ранее с родителями. То есть, эго становится всемогущим в своих собственных глазах, и за счет этого молодые люди отделены не только от реальных родителей, но и от высшей ценности Самости. Это состояние или комплекс часто называют Божественным всемогуществом.

ВО-ВТОРЫХ, родители не в состоянии выполнять свои роли должным образом, и, следовательно, патологическое повреждение родительского изображения происходит в психике ребенка. В таком случае, чувство остракизма и отчуждения, разумеется, усиливается, и дети начинают испытывать чувство зависти и ненависти к тем, кому, как они считают, больше повезло. И это в дополнение к чувству несправедливости и обиды, которое естественно для всех подростков. Там, где эти реакции интенсивнее и глубже, следует ожидать, что человек будет впадать в отчаяние. Если дом был скверным, а родители порочными или развратными, то легко объяснить, что это даст такой результат, и родительский образ в ребенке будет серьезно травмирован, и, хотя физическое состояние может быть в порядке, тот, кто никогда не испытывал теплоту настоящей любви и чувство собственной важности, будет иметь проблему недопонимания. Такой ребенок психологически может быть травмирован, может ощущать себя чужим, так же, как ребенок, живущий в неблагополучной семье. Так что и здесь, мы должны признать, существует патологическая травма родительского образа.

В-ТРЕТЬИХ, существует человек, который обладал нормальной семейной жизнью и смог уйти без серьезного

конфликта, проложил собственный путь в мире. Он, даже достигнув значительного удовлетворения эго, примерно к середине жизни все равно чувствует себя потерянным в пустыне, где жизнь утрачивает свою силу и ничего не имеет значения. Возможно, постепенно станет ясно, что это чувство приходит из-за отрыва от источника жизни, которая течет от Бога — то есть, оно возникает из бессознательных глубин психики.

Герхард Адлер описал подобный случай в своей книге «The Living Symbol». Он рассказывает историю женщины, имеющей немалые таланты, которые помогли создать успешную карьеру, и заработавшую разрушительный невроз, в котором она испытала то, что назвала «пустотой». Она провела исследование сознания под руководством Адлера, и он рассказал, что она перенесла субъективные переживания в ходе ее анализа, переживания, которые можно охарактеризовать как возрождение всей ее личности. Переживания этой женщины, и символы, которые являлись в ее снах и фантазиях, необычным образом соответствуют с материалом, обсуждаемым в заключительной главе.

Когда мы видим сходство субъективных переживаний людей с очень различными жизнями, мы не можем не признать, что в основе опыта лежит психический паттерн, архетип, например, пустыня. Это выражается не только в истории Адама и Евы, но и во многих других хорошо известных мифологемах.

Подводя итог, нормальная травма родительского образа происходит в каждом. У всех нас есть врожденный, идеальный образ матери и отца, а также архетипическая картина ребенка, находящегося в центре заветного родительского внимания, без препятствий, наполненный надеждами и зарождающимися возможностями.³ Но бессознательное

³ См. «Психология детского архетипа», The Archetypes and the Collective

также содержит противоположные картины родителя и ребенка, «Родитель» может означать тирана, неограниченную власть и так далее, в то время как «ребенок» может значить беспомощность и ограничения. Эти негативные аспекты архетипа стали необоснованно известны во внутреннем опыте некоторых людей, условие, что я описываю как травму в архетипическом образе обоих родителей и ребенка.

В ходе развития индивидуум неизбежно должен разрывать связь с родителями и состоянием детства. Полиморфное состояние ребенка должно уступить односторонности взрослого. Это зачастую чувствуется как ограничение, против которого многие люди бунтуют. Они возмущаются своей «судьбой». Чем они должны обладать, чтобы обуздать свои естественные желания, вместо того, чтобы делать то, что они хотят?

Однако для эффективности должно быть ограничение, как и в нашем мифе, боги, создавая порядок, разграничили свои пути, ведь если нет никаких ограничений, то есть бесконечные возможности. Но человек существо не безграничное, таков только Бог, и если мы хотим иметь какое-нибудь отношение к бесконечности, которая является Богом, мы должны знать и принимать наши границы. Юнг указывает на это в своей автобиографии, где он пишет:

Ощущение вечного... можно достичь, только если мы ограничены до предела. Наибольшее ограничение для человека — «я»: оно проявляется в переживании: «Я только это!» Лишь осознание нашего ограниченного заключения на себе формирует ссылку на неограниченность сознания... И познание себя для того, чтобы быть уникальным в нашей личной комбинации,

в конечном счете ограничивается тем, какой способностью мы обладаем к познанию бесконечности. Но лишь тогда!⁴

Так вот, для внешне успешного человека может прийти время, когда ограничения, которые были когда-то созданы, станут слишком ограничивающими. Жизнь становится стерильной и все более суровой или присутствует какая-то ошибка.

Иногда это происходит в результате характерного переживания в детстве, если, например, связь между домом и родительской любовью не была адекватной. В этом случае, патологические травмы происходят в архетипических ситуациях. Их следует отличать от более обычных ситуаций, когда человек должен оторваться от оболочки и безопасности «хорошего» дома. Требуется героический поступок, чтобы восстать против доброты, и человек, который обязан сделать так будет всегда нести бремя вины. Ребенок из неблагополучной семьи избавляется от этой части испытания, но вместо этого обременяется сожалением или обидой. В ряде случаев ребенок даже становится жертвой противоположных родительских требований или желаний. В какой бы форме не был пережит опыт детства, он отрезает от своего истинного Я и от самых важных ценностей жизни. Фактически, он отрезает от Бога.

Осознание своего состояния отчуждения от самого себя и от Бога, не может начаться вплоть до середины жизни, пока основные задачи внешней жизни не будут выполнены. Иначе недовольство или депрессия, вероятно, не будет урегулирована, с помощью хобби или поиска новых впечатлений, например, в любви или путешествии. Это лишь приемы, которые успешные люди зачастую пытаются предпринять

⁴ «Воспоминания, сновидения, размышления», стр. 325.

в целях борьбы с депрессивным состоянием, распространенным в среднем возрасте. В действительности, проблема может быть решена лишь с помощью поиска более глубокого смысла жизни, то есть, с ростом сознания. Это нужно принять как задачу, которая заключена во внутреннем путешествии, которое часто оказывается настоящей «темной ночью души». В ходе этого, это должно быть принесено в жертву для того, чтобы было установлено новое отношение с внутренним «не-я», и достижение этого всегда сопровождается переживанием чувства благодати.

ПАТОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАВМА РОДИТЕЛЬСКОГО ОБРАЗА

Вавилонский миф о первотворении представляет собой архетипическую историю о том, каким образом в древних цивилизациях постепенно возникает сознание. В нем наглядно демонстрируется великая борьба за то, чтобы было принято новое сознание, с целью освобождения от возвращения в хаотическую бездну беспамятства, названную в нашем мифе именами основных богов — Апсу, бездна пресных вод, и Тиамат, бездна соленых вод.

Мы узнали, что в результате этой борьбы было создано человечество и развито отдельное эго, способное на некоторую свободу выбора. И в то время как это развитие дало нам определенную свободу, это также означало, что мы должны были взять на себя ответственность за свою собственную жизнь и судьбу. Естественно, это обращает внимание на проблему объективных решений и упорного труда, но оказалось, что есть гораздо более серьезное затруднение — это возложение проблемы морального выбора на наши плечи. При таких обстоятельствах, которые сегодня должны иметь место в каждом человеке, если он действительно является личностью, способной принимать ответственность за свои решения — родители больше не представляют собой закон и больше не отвечают за его соблюдение.

Под «законом» здесь я не имею в виду лишь уголовный кодекс, хотя часть некоторая часть ответственности свободной личности включает в себя правильное отношение к закону. Я подразумеваю законы о том, чем являются вещи, например, что огонь горит, или, что тяжелый предмет

движется пятьдесят миль в час и может убить или покалечить всех без разбора, как древний дракон. Это законы, которые все должны уважать, и они требуют морального ответственного отношения со стороны каждого взрослого.

Когда две великие первоначальные потенциальные силы удалось героически преодолеть, некоторые из их полномочий были переданы младшим богам, и Мардук приступил к задаче упорядочивания этих полномочий путем принятия законов управления поведением. В целях защиты ценностей, которые выходят за рамки индивидуальных желаний, он создал религиозные обряды и жертвы, которые выполнялись для того, чтобы успокоить богов и сделать их благосклонными для людей. Потенции, которые древние люди называли «богами», вторгаются в нас в виде инстинктивных побуждений, возникающих из бессознательного и могут нести угрозу или наполнить нас.

Вавилонский миф показывает, как каждый из нас должен вырасти в человека. Если были обнаружены некоторые препятствия в процессе развития, и некто, попадая в затруднительную ситуацию, идет за помощью к аналитику, а при анализе первой половине жизни становится очевидна мифическая форма происходящего, то целью анализа становится то, что молодой человек должен завоевать свою свободу не только от родителей, но и от господства аутоэротических и детских импульсов, ради того, чтобы должным образом адаптироваться в мире.

Человек, который совершил удачный побег от родителей, должен руководствоваться своими установками и следовать не только личным планам и способностям, но и не-личным законам и нравам общества. Кроме того, мы должны уважать трансцендентные ценности, представленные в мифе как сообщество богов, и службу им, то есть, религиозную позицию.

Этого существенного достижения явно не достаточно для каждого, потому как к середине жизни может возникнуть призыв к новому решению проблем. Различные элементы

нашей психики могут привести к большому конфликту, а неизведанные части себя будут создавать депрессию, и человек начнет терять энергию или жизненную инициативу, а внешняя жизнь перестанет быть сложной или интересной. Когда так происходит, остановить конфликт или освободить застоявшиеся энергии можно не иначе, чем применением противоборствующих элементов в психике. Этого можно достичь, только работая в направлении целостности, которая не может быть получена сознательными усилиями в одиночку: для сознательного эго это лишь одна сторона психических элементов, находящихся в оппозиции. Когда человек противостоит трудностям с пониманием того, что может принести анализ, не рациональные факторы бессознательного могут прийти на помощь и создать новый символ целостности, касающийся Самости.

Самость — это та завершенность каждого человека, которая, по словам Евангелия Истины, была скрыта Отцом и осталась под его присмотром, в то время как земная часть человечества сбилась с пути из-за Ошибки. Человек соблазнился на иллюзию сделанной ошибки и оставил Отца, теряя понимание Завершенности. Мы сказали, что нам остается только стать целостными относительно той Завершенности, которая осталась с отцом: «Это великая вещь, которой ему недостает, поскольку он не имеет того, что может его сделать Абсолютом».¹

Ранее было отмечено, что детство подобно райскому состоянию, когда человек чувствует себя целостным и отождествляет себя с целостностью сада. Символу Сада Эдема, как заботливого и кормящего отеческо-материнского мира, и в бессознательном — взрослых и детей — способствовало

¹ Kendrick Grobel, пер., «Евангелие Истины», стр. 56. Это одна из рукописей, обнаруженных в Наг-Хамати в Египте в 1945 году, а позднее опубликованная в рамках Кодекса Юнга.

положение представляемого родительского образа, и, особенно, Матери, которая, таким образом, вмещает и представляет собой значение целостности и Самости. Сад также представляет Душу, Возлюбленного — «Запертый сад — сестра моя, невеста, заключенный колодезь, запечатанный источник,» — Песнь Песней Соломона (4:12), но для ребенка, а нередко и взрослого, Возлюбленный и Мать сливаются друг с другом. В дополнение к значению Я этот образ пронизан нуминозным качеством божественности.

Отношение ребенка к реальной матери имеет огромное влияние на его развитие, потому что она действует в качестве «напоминающего» фактора материнского архетипического образа. Следовательно, аспект архетипа матери, который попадает в психику, определяется личным опытом матери. Эрих Нойманн отметил в своем эссе «The Significance of the Genetic Aspect for Analytical Psychology»:

Трансперсональная и вневременная структура архетипа укоренилась в специфической человеческой психике ребенка и готова к развитию, но сначала она должна быть освобождена и активирована личным столкновением с человеком.²

Архетип матери представляет и включает в себя целостность ребенка, и для ребенка персональная мать является воплощением архетипа. Если мать адекватно выполняет свои задачи, то ребенок развивается нормально, постепенно приобретая независимость и компетентность в мире, и происходит постепенное отделение архетипического значения от личности матери. Она заменяется другими носителями бессознательного значения учителя, возможно, какой-то

² См. Gerhard Adler, ред., «Current Trends in Analytical psychology:

The proceeding of the First International Conference for Analytical psychology», стр.41.

мудрой женщиной. Позже это значение может быть воплощено в неличностном проводнике посредством религиозного опыта. Церковь, Святая Дева или Христос может выполнять роль Доброго Пастыря для некоторых, но в личном опыте других, видения или мечты могут представлять те или иные образы как значимые символы, которые не могут быть постигнуты сознанием в любой другой форме.

К сожалению, эта модель постепенного внутреннего развития отнюдь не всегда соблюдается, и происходит обесценивание религиозных символов, что и случилось с множеством людей в наше время, и заставило их застрять в мире, где доминируют ценности эго, не имея указаний в пути к дальнейшему развитию. Это особенно распространено среди тех, чье детство было трудным и беспокойным, но это также встречается среди тех, чьи отношения с родителями были нормальными и удовлетворительными — это люди, которые были в состоянии хорошо адаптироваться во внешнем мире, но остались привязаны к ценностям семьи. Эти люди кажутся свободными, но когда возникает проблема противоречивых обязанностей, включающих в себя претензии от семьи и некоторые требования к Самости, они могут попасть в опустошительное положение. Семейные надежды заложены в недвусмысленных выражениях о том, что нужно делать. Беспрекословная жертва личных интересов во имя выполнения сыновнего долга считается обязательным.

С одной стороны это верно и разумно. У всех нас есть обязательства перед нашими родителями и семьей в знак благодарности за их помощь и защиту во время первых лет жизни. Это долг мы никогда не сможем выполнить по отношению к ним — только посредством нашего отношения к подрастающему поколению. Если взглянуть на этику ситуации с одной точки зрения, мы могли бы согласиться, что должны принести в жертву свой собственный путь, чтобы заботиться о наших родителях, когда им это потребуется. Но Самость вправе потребовать жертву другого рода. Слова

Христа: «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня» (Мф. 10:37) нельзя упускать из виду. Но решение следовать по-своему связано с более высоким видом морали, нежели послушание закону. Ведь оставаться самим собой, чтобы выяснить, является ли наш импульс идти своим путем, жить своей отдельной жизнью, эгоистичным игнорированием чужих требований, или это действительно жертва эго и его связи с семьей во имя служения Самости.

Какой бы путь мы не выбрали, вероятно, исход будет светлым, несмотря на то, будет ли выбор этически правильным или нет. И, как отмечает Юнг, мы не можем избежать последствий нашего выбора:

Моральное суждение присутствует постоянно и влечет за собой характерные психологические последствия. Я неоднократно указывал, что, как и в прошлом, так и в будущем, неверное действие, мысль или намерение отомстит нашей душе.³

Но когда собственные отец и мать больше не воплощают собой ценности и авторитет архетипического образа, личность обязана принять свое собственное решение относительно правильного направления действий для себя; и таким образом сделать шаг к открытию уникальной целостности.

Это следующий шаг в задаче героя. Если он успешно выходит из всеохватывающей и сдерживающей силы родителей, а особенно от матери, он станет свободным, это действительно так, но пока он не возьмет на себя ответственность, используя возможность конструктивно строить адаптацию в мире, это будет лишь пирровой победой. Адекватная адаптация к внешнему миру все еще оставляет другую, более серьезную проблему. Поскольку при отделении от родителей, и, в частности, от

³ «Воспоминания, сновидения, размышления», стр. 329.

родительского архетипа, человек становится свободным лицом, но теряет связь с целостностью. Это становится словно оторванным. Теперь человек свободен, но есть опасность, что эта свобода может быть лишь еще одним способом потеряться.

В прошлом, символы религии служили связующим звеном для человека с высшими ценностями, воплощенными ранее родителями. Но для многих в наши дни, религия является лишь внешней формальностью, либо у многих нет религиозного учения вообще, поэтому отсутствуют подходящие символы, через которые мы можем установить связь с целостностью, от которой происходят все вещи. Рано или поздно, нам всем будет необходимо найти новый символизм, который будет содержать неосознанные ценности родительского архетипа, если они не будут утеряны навсегда, оставив нас на произвол судьбы в чужом мире. Это как если бы архетипический образ в психике индивида был поврежден, не борьбой героя за то, чтобы быть свободным, а через переживание, которое либо разрушило внутренний образ или помешало его удовлетворительному функционированию. Как отмечает Нойманн, материнский образ активизирующийся в ребенке, может быть поврежден:

через потерю или повреждении «напоминающего» фактора собственной матери, который заключается в ее личности, или при повреждении мира, который она представляет. Такие повреждения, как голод или болезни, также являются причиной нарушения нормального развития гарантированной личности матери, и отказом матери во внешних проявлениях — прокормить, защитить и уравновесить, что приводит к дефекту в собственном воскрешении архетипа Матери, со всеми катастрофическими последствиями.⁴

⁴ См. Adler, ред., Current Trends, стр. 41.

Если произошла подобная обработка, человек внутренне будет оставаться связанным с родительским образом, но вместо положительного — в негативном смысле. Действительно, связь может быть даже более мощной, а ненависть может быть сильнее любви. Этот же человек может прятать бессознательный образ «матери» в наиболее идеальной форме, которая абсолютно не контролируема. Человек, который был поврежден таким образом, вероятно, будет найден в бесплодных восстаниях, стремлении к родительской любви и цепляниях за внутренний образ идеального родителя, без которого никто не может жить. Внешне человек борется за реальных родителей и родительский образ повсюду, проецируя их на другого человека или, возможно, на организации, став одним из тех, кого Нойманн характеризует как «борцов» — людей, которые находятся в мятеже, но которые никогда не достигают окончательной победы, либо из-за родителей, либо из-за собственной инфантильности.

Это патологическая ситуация, и я описала результат травмы внутреннего психического образа родителя, который делает архетипический родительский образ тоже «патологическим». Такое может произойти в отдельных случаях в результате травмирующих детских переживаний, но мы находим его также в целых поколениях, в результате пробоя в религии и распада социальных нравов, широкомасштабно произошедших в XX веке.

В этих случаях процесс исцеления и восстановления должен продолжаться, нежели у тех, кто имел хороший психологический старт в жизни. Ложные или поврежденные образы сначала должны быть распущены, так, чтобы архетипический образ целостности — то есть, Бог как Родитель — мог быть восстановлен в своем здоровом аспекте. Ропуск негативного образа соответствует раздроблению королевского решения, о чем говорят алхимики, и его восстановление соответствует воскрешению в чистом виде. Естественно, это происходит посредством проецирования родительского положительного

образа на человека, например на аналитика, с которым могут быть установлены доверительные отношения. Как отмечает Юнг: «Что было разрушено отцом может быть восстановлено только отцом, и так же то, что было разрушено матерью может быть восстановлено только матерью.»⁵

Только через переживание положительного отношения к родителю, по крайней мере, в виде знака, со всеми эмоциями, принадлежащими к такому «возвращению на родину», можно начать снова воспринимать животворящую силу архетипического образа. Таким образом, человек может быть освобожден от отрицательного и злопамятного духа, демона, который обладает чем-то и препятствует здоровому использованию энергий. Только после этого можно прекратить тратить время на бесплодные внешние конфликты, ведь их активный участник на самом деле внутренний, духовный или психологический враг. Это само по себе является огромной задачей, которая может занять месяцы аналитической работы, прежде чем она будет решена, но, когда это произошло, человек испытывает чувство благополучия и обновленной жизни, ощущение благодати и креативности, то, что называется *дао*.

Однако, рано или поздно, и более благоприятно живущий человек может вновь пожелать освободиться, чтобы отдохнуть в счастливых и безопасных новообретенных родительских отношениях. Если этот шаг не будет совершен, человек не сможет найти высшую ценность индивидуального переживания образа Бога, возникающего внутри его собственной психики. Он будет оставаться ребенком, высшая ценность которого принадлежит другому человеку или чей родительский символ воплощает образ целостности.

Так вот, хотя это нарушает целостность темы, я думаю, было бы лучше сначала рассмотреть следующую проблему.

⁵ *Mysterium Coniunctionis*, CW 14, стр. 232.

В последствии, когда мы увидим, как такие психологические травмы могут быть восстановлены, мы сможем продолжить нашу основную тему, а именно вопрос о природе новой формы, в которой проявляется высший архетип, если родительский Уроборос был разделен на части и человек получил независимость от него. Это действительно заставляет потенциального героя следовать таким курсом действий, пока большинство людей довольствуются состоянием детства, находясь в зависимости от общества или какой-то организации, поддерживающей их.

Даже если опыт с личными родителями был негативным, глубоко в бессознательном еще лежит образ архетипического родителя в своем благоприятном и защищающем аспекте, вместе с соответствующим желанием ребенка быть любимым и беззаботным. Когда в последующей жизни фактические родители обращаются к сыну или дочери в ожидании помощи, может показаться, что отныне, наконец, родители станут любящими, так как они нуждаются в поддержке. Теперь взрослый ребенок чувствует себя обязанным пожертвовать личными интересами и прийти на помощь, и не только потому, что этого требует чувство долга, но и из-за возможности получить их любовь.

Это одна сторона происходящего, и может произойти чудо. Но не всегда все получается именно так. Поскольку, архетипический образ отца и матери в психике ребенка был разделен на две части — на детские переживания и возвращение к семье в роли благодетеля или воспитателя, это, скорее всего, приведет к возобновлению рабства и последующей горечи. В таких случаях нет адекватного посредника между слабым эго-сознанием человеческого существа и ужасного, ужасающего и увлекательного нуминозного опыта.⁶ Апсу

⁶ В Rudolf Otto's The idea of the Holy, слово «Нуминозный» используется для описания удивительного эмоционального накала, общего для всякого религиозного

и Тиамат, хаотичные бездны вод, будут создавать эмоциональные потрясения, если семейный шаблон, разрушенный в прошлом, станет восстанавливаться без предварительной внутренней перемены, произошедшей в человеке.

Не только те, кто пережил травмирующий опыт в детстве, страдают от травм в архетипическом образе. Есть и многие другие, кто также оказываются сбитыми с толку в одиноком и ужасающем мире. Те, кто не имел никакого реального духовного учения или нуминозного опыта в молодости не имеют средств к существованию; их жизнь потеряла смысл. На протяжении веков, средства, с помощью которых человечество создавало связь между личным эго и силами жизни, доминирующими во внутреннем и внешнем мире, были предоставлены религии и религиозным практикам. Этому учит вавилонский миф, в котором сказано, что человечество было создано с единственной целью — служить богам. Мифы первотворения, однако, не просто истории; они связаны с эволюцией сознания. Они представляют собой историю сознания, как отмечает Нойманн в своей книге «History and Origins of Consciousness», которая касается развития человеческой культуры.

Этот аспект проблемы в истории действительно может быть изучен. Но это особая отрасль истории, и это не просто рассказ о последних событиях, которые, немало важно, вероятно были пережиты, и, как бы мы могли предположить, достижения этих событий стали постоянным достоянием человечества. В некотором роде это так, но лишь в ограниченном значении, для вымирающих культур, варварство дает возможность вновь заявить о себе и заново выиграть достижения предков для своих потомков. И это неизбежно, ведь каждая индивидуально выигранная гонка дает добро для нового поколения — или, вернее сказать, индивиды каждого

поколения, которые были отвоеваны у хаоса, вновь упадут в хаос, словно земля, возделанная нашими предками, снова станет пустыней, если не заботиться о ней постоянно.

Этот же закон работает в битве против бессознательного. То, что было достигнуто нашими далекими предками, чьи подвиги отправили человеческий род в долгое путешествие к культуре, должны быть снова завоеваны каждым новым поколением и каждым, кто следует пути героя. Это правда, что общество может исключить каноны культуры, созданные героическими предками, и временно сохранить, хотя бы в некоторой степени, то, что они завоевали собственными усилиями. Но общество состоит из личностей, и если большее количество людей не переживают заново борьбу против бессознательного, чтобы возникла их собственная, индивидуальная ценность, истины, открытые предками, будет вырождаться в соглашение, либо в бессмысленную догму. Когда даже этими устаревшими обрядами пренебрегают или забывают о них, и родители не имеют того, чем можно заменить их, дети растут с нехваткой существенной связи с мощными архетипами, контролирующими жизнь. А в случае тех, кто даже не находил любви у родителей, отсутствие этого является еще более катастрофическим.

Во всех таких случаях отношение ребенка к родителям архетипическим, а также к реальным родителям, серьезно разрушается, или, говоря по-другому, ребенок переживает родительские архетипы в образе неблагоприятных родителей. Результатом этого может быть серьезное увечье индивидуальности ребенка, что приведет к неврозу или еще более серьезному психическому заболеванию. Либо личность, если она является более состоявшейся, может начать борьбу за обретение свободы через решительность. Сын или дочь может отвоевать некоторую свободу и способность функционировать более или менее удовлетворительно во внешнем мире, но в конечном итоге он будет сталкиваться со многими проблемами.

Переход во взрослую жизнь особенно труден для таких детей, и обычно включает в себя сокрушительные репрессии. Обычно, этот переход осуществляется без серьезных происшествий — мы предполагаем, что, вероятно, так было тогда, когда происходило мало нарушений установленного порядка, и Бог все еще был «на небесах». Но сегодня, для большинства людей, Бог больше не находится на небесах, и его даже нет в церкви. От поколения, воспитываемого без духовных учений, вряд ли можно ожидать решения неразрешимых проблем, завещанных им их родителями.

В таких случаях психологический анализ должен исследовать то, что за проблемой детской зависимости от фактических родителей. Действительно, есть вероятность, что человек не сознательно зависит от родителей и может быть очень самодостаточным. Тем не менее, под негативными чувствами по отношению к родителям, индивид, вероятно, таит детские надежды об идеальном родителе. Поэтому первая задача в том, чтобы выявить эти иллюзии, в которые человека пеленали как младенца. Молодым людям нынешнего поколения хорошо известно об их положении, и, зачастую, они в отчаянии из-за него. Но до тех пор, пока бессознательные иллюзии не будут доведены до сознания, реконструкция поврежденного архетипического образа не сможет начаться.

Один студент хорошо учился в первый год и в начале второго, получал хорошие оценки и заводил друзей, но начал ускользать от своей работы. Он был не в состоянии сосредоточиться и понял, что находится под угрозой срыва. При опросе, я обнаружила, что все его желания и побуждения покинули его. Он больше не мог работать, не мог вспомнить, что он изучил, и довольно часто даже не мог заставить себя посещать занятия. Он также стал пренебрегать своими друзьями и другими интересами. Когда я спросила, что он делает в свое свободное время, он не смог ничего сказать. Он просто сидел, или лежал в постели целый день, а затем сидел всю ночь, ничего не делая. При дальнейшем

исследовании, он признался, что внезапно он узнал о ситуации в мире и понял, впервые, угрозу атомной бомбы. Если мир должен был быть разорван на куски в любой момент времени, он больше не видит смысла жизни. Его беспокойство отражалось в его потере энергии. Его сны были крайне хаотичными, с образами террора, бессмысленного стремления, борьбы без цели, и, как правило, завершались нерешенными. Либо он вскакивал в страхе, будучи не в состоянии вспомнить сон, разбудивший его.

Фактически, произошло то, что архетип порядка, воплощенный из прежних поколений, находился в уверенности, что мир в правлении Небесного Отца, но тот больше не влияет на мир. Выбравшись из родительского дома, он очутился лицом к лицу с пустотой, и эти переживания полностью подорвали его.

В наше время, польза архетипического образа разбита на куски для целого поколения людей. Это патологическая травма, не естественно нанесенная герою при претензии на свободу. Вопрос, с которым мы сталкиваемся: что происходит с архетипом, когда его преобладающий образ был разрушен.

Каким будет исход на мировой арене я, разумеется, не могу предсказать. Но я видела немало случаев столкновения с этой проблемой, и не некоторые из последствий мировых беспорядков усугублялись несчастливой ситуацией в доме. Ведь в особо сложных случаях родители тоже теряли свои религиозные убеждения и сами разрушались. Они не имеют никакой внутренней стабильности, которую нужно передать детям, и слишком часто их собственные проблемы выражаются в раздражительности или безразличии, которая вытекает из их глубинного сопротивления столкновению с собственными проблемами.

В таких случаях архетипический образ духовного и законотворческого Отца-создателя и животворящей и поддерживающей Матери похоже никогда не сформируется должным образом в психике ребенка; или, может быть так,

что врожденный образ пострадает от такой смертельной травмы из-за отсутствия родительской заботы, что не сможет служить в качестве посредника между человеком и хаотической бездной «до начала времен», и использовать наводящие выражения из мифов. Человек может начать ощущать себя сиротой, изгнанным из круга семьи, как наши прародители из Эдема. Это чувство отторжения может распространиться на каждый аспект жизни, оставляя человека не способным создать надежный союз с кем-либо на основе чувств. Дрейфуя во враждебном мире, человек не видит ни одного символа примирения, который мог бы восстановить чувство товарищества с другими.

Что можно сделать? Кто-то приходит за помощью в чувствах, словно аутсайдер, непременно присутствующий в каждой группе. Таким людям очень трудно заниматься чем-либо. Порой кажется, есть некоторая доля правды в их утверждениях о том, что другие недобры к ним, и, в самом деле, это, как правило, не очень приятные люди. Они с подозрением относятся ко всему, выражая требования, и, зачастую, в подхалимской манере; или они могут быть сложными, агрессивными и слегка оскорбленными. В любом случае, доброта со стороны советника, благонамеренные попытки показать им, где их отношение мешает им дружить и так далее, редко помогают. Травма слишком глубоко укоренилась. Поскольку, когда архетипический образ родителей получает серьезную травму, шаблон, с помощью которых индивид относится к другим людям, уже проявляется в отрицательной форме. Как же тогда эта травма может быть исцелена? Возможно ли реконструировать архетипический образ?

Эта проблема является распространенным явлением и в отдельных случаях, как я уже отметила, лежит в основе многих наших социальных беспорядков. В то время, как недостаточность человеческих родителей является непосредственной причиной недоразвитости ребенка, основные

последствия отсутствия связи с архетипическими родителями гораздо глубже. Распространенность этой проблемы напрямую связана с отсутствием религиозного опыта. Религиозные символы, во многом, настолько устарели, что больше не служат связующим между индивидом и энергоприносящими силами коллективного бессознательного. Следовательно, человек лишен их хлеба насущного, в то время как он все еще на милости его разрушительной силы.

Долгую дорогу придется пройти, чтобы справиться с этой проблемой. Это практически осуществимо и можно описать историю этого внутреннего путешествия. Но одна женщина, находящаяся на моем попечении, показала мне серию фотографий, иллюстрирующие ее мечты и бессознательные фантазии, и они изобразили в объективной форме путь, по которому ущерб, причиненный ее внутреннему образу архетипических родителей, исцелился. Следующая глава посвящена истории исцеления этой женщины.

ИСЦЕЛЕНИЕ ПОВРЕЖДЕННОГО РОДИТЕЛЬСКОГО ОБРАЗА

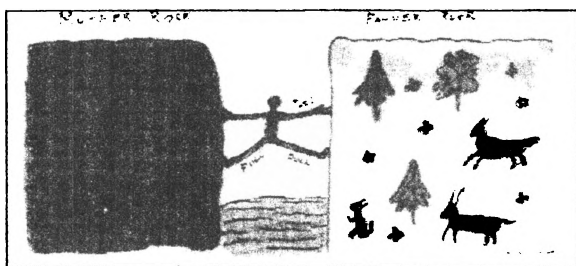
Нора была женщиной средних лет. Она была замужем и занимала видное положение в своей профессиональной деятельности. Но у нее имелся ряд серьезных проблем, основанных на убеждении, что в любой ситуации она была, в каком-то смысле, «вне круга», как она выразилась.

В ходе анализа, она рассказала мне об инциденте, который запустил ее чувство жизни «вне круга». Будучи ребенком четырех лет, она пошла на вечеринку. В какой-то момент она оказалась наедине с мальчиком ее возраста, и они по-детски предавались какой-то взаимной сексуальной игре, вероятно, не более, чем исследование друг друга для удовлетворения любопытства о том, как сделан человек другого пола. По возвращении в гостиную они обнаружили, что в круге идет игра. Девочка хотела разорвать кольцо, но один из взрослых остановил ее, без сомнений, намереваясь сказать, что она должна дождаться, пока закончится игра. Но она восприняла это так, что то, чем она занималась, было таким серьезным грехом, из-за которого она не могла присоединиться к другим детям.

А сейчас очень удивительная вещь о детских сексуальных переживаниях. В этом случае не было какого-либо совместного раздевания, никакого фактического физического контакта. Никто когда-либо не говорил ей, насколько она помнит, что такая игра является шалостью или что это «плохо» — слово, которое она всегда воспринимала с чрезмерной реакцией. Но все же воздействия взрослого было достаточно, чтобы пробудить в ней дремлющую осведомленность о запрете сексуального инстинкта.

Такой эпизод может стать разрушительным для любого чувствительного ребенка. В ее случае это было чрезвычайно травматично, потому что стало началом развития у ребенка чувства отвержения, которое, на самом деле, было раньше и имело более глубокие корни, ведь домашнее окружение, в котором она росла, не было ни счастливым, ни эмоционально уравновешенным. Отец был беспечным человеком, который все свое свободное время тратил на то, чтобы пить со своими друзьями в баре, в то время как мать оставалась дома, чтобы выполнять домашние хлопоты и ухаживать за детьми. Он потакал самому себе и был ленивым, заботясь только о собственном комфорте. Иногда он радовал и играл со своей маленькой дочерью, но сразу же после этого он хладнокровно выгонял ее. Но она любила его, потому что он был веселым и, по крайней мере иногда, сердечным.

Характер матери был полной противоположностью. Она была бедной женщиной-пуританкой, строгой и холодной, не жалеющей критики для своего супруга, даже в присутствии детей. Действительно, она сделала Нору, свою единственную дочь, доверенным лицом, жалуясь ей, что ее отец спускает все свои деньги на других женщин и прочее. Нора любила отца, потому что он был веселым и обаятельным, но в то же время она уважала и зависела от матери, которая, однако, стояла особняком и была строга к ней, очевидно, в пользу своего сына, которому она всегда потакала. Многочисленные шумные ссоры между родителями, естественно, увеличивали ее чувство незащищенности. В такие моменты оба родителя пытались переманить ее на свою сторону, так что она чувствовала себя растянутой между ними. Это положение представлено на ее первом рисунке, на котором мы видим родителей, изображенных в виде двух гор, отделенных расщелиной друг от друга, образовавшейся, по ее словам, каким-то «доисторическим катаклизмом», в то время как внизу, через ущелье, течет река.

Нора сказала: «Фигура, натянутая между гор, это я. Утес справа представляет моего отца, но не настоящего отца». Тот, что слева, представляет мать. На горе отца солнечная весна, с деревьями, цветами и животными. Гора матери в непроглядной тьме. Она бездонная и бесформенная. «Но» — сказала она — «я была рождена от обоих родителей, и они оба нужны мне. Я растянута и практически разрываюсь на части».

Говорит ли нам эта картина больше, чем Нора может рассказать об этом? Это просто попытка описать ситуацию, как она увидела ее своим сознанием, или это заслуга «бессознательного рисования»? То есть, значит ли эта картина больше, чем она сама понимает?

Первое, что мы замечаем, хотя, это очевидно — пациент гораздо озабочен деталями, рисунок, нарисованный ею, является чем-то большим, чем просто каракули. Это может означать, что ее проблемой в большей степени является ее личное беспокойство, чем поиск причины ее бед. Здесь нет данных о действительно важной религиозной позиции, и это говорит о том, что все станет яснее в продолжение истории. Настоящие отец и мать были личностями, а не двумя горными валами. Это картина архетипического родительского образа, но из-за раскола семейной ситуации, целостность, которую родители должны были представлять, сделала из дома безопасный контейнер для незрелого ребенка, который был разрушен в «доисторическом катаклизме», как выразилась Нора, и это значит, что разделение произошло еще до ее

появления на свет, то есть, раньше, чем возникло ее сознание. Родители не представляют для нее две части целого: они не связаны противоположностью и конфликтуют друг с другом.

Очевидно, что Нора, будучи ребенком, не могла восполнить эту брешь в горе, она не могла залечить разрыв между родителями. Фактически, она не только пытается удержать родителей вместе, но также исцелить травмы, нанесенные архетипически целостному образу глубоко внутри ее бессознательного. Эта травма возникла из-за раскола в доме. И так как она не получила духовного учения в детстве, под рукой не было никакого символа, который нес бы образ Бога Отца или Богини Матери, которые, в обычных случаях, ребенок соотносит с его собственными родителями. Если бы ей когда-либо был предоставлен образ или символ Бога, возможно, с самого детства и до сих пор, это могло бы послужить ей источником сил для создания собственных границ от атмосферы разочарования в семье и связью с истоками жизни в бессознательном.

Нора рассказала, что она была затаскана запросами и потребностями родителей. Но картина описывает другую историю, или, по крайней мере, предполагает иной взгляд на ситуацию. Горы не тянутся. Она единственный человек в картине и, очевидно, она тянется к ним; то есть, это она нуждается в родителях, идеальных родителях, архетипическом Великом Отце и Великой Матери, что грозят разорвать ее на куски, так как ее собственные родители не могут быть звеном в этой инстинктивной потребности.

То, что это она сама тянется к ним еще более ясно продемонстрировано в фантазии, которой она одержима время от времени, почти всю свою жизнь. В ней она была ребенком, стоящим меж двух сосен, который пытается изо всех сил согнуть их так, чтобы верхушки встретились. Здесь она снова пытается сблизить родителей, символизируя сосны. Эта задача не представляется такой невозможной, как другая, но очевидна ее сила. Также символ сосен не совсем

бесчеловечен, как гора. Гора из камня; она неживая, недвижимая, в то время как сосна живая. Она часто появляется в качестве символ Богини-Матери. Как в мифе об Аттисе, сосна, на которой повесился Аттис, представляет мать, которая не позволит сыну оставить ее. Гора Богиня, однако, не связана с людьми вообще, но, как Аннапурна, богиня Мать Гималаев, навсегда находится в своем отдаленном ледяном великолепии. Они неприкосновенна, и тот, кто приблизится к ней, погибнет.

После обсуждения этой картины последовало несколько месяцев анализа, в котором были изучены современные проблемы Нору, зачастую при помощи ее снов. Ее прогресс был прерывистым. Иногда она стремительно шла вперед, но затем регрессировала к старой позиции обиды и жалости к себе, и ее отношение к аналитику постоянно претерпевало перемены к худшему. Она становилась подозрительной, иногда даже намекала, что я настроена враждебно к ней. Но постепенно она поняла, что пытаюсь примирить своих родителей, она погрузилась в их взрослый конфликт, не относящийся к ней, и это заставило ее пренебречь миром своего собственного ребенка.

Она действительно потеряла связь с собой. Никто не может, разумеется, винить ребенка за такое отношение и за способ адаптации, но, тем не менее, это имело свои последствия. И в самом деле, эта женщина обнаружила себя играющей роль миротворца в любом конфликте, с которым она сталкивалась в дальнейшей жизни, что соответствовало ее детским попыткам удержать родителей вместе. Но она оставалась довольна своим поведением, не обращая внимания на то, что ее вмешательство зачастую казалось подругам навязчивым, которые впоследствии, естественно, и пытались держать ее «вне круга», так как для нее не было никакого места внутри него.

Когда Нору озарило то, что ей больше не нужно играть эту роль, она испытала огромное чувство облегчения, сразу

ожидая улучшение отношений с подругами. Тогда у нее был следующий сон — или, скорее, это то, что она рассказала, когда я спросила ее, спустя несколько месяцев, о том, могла бы я использовать ее фотографии для лекции:

Пришел человек и сказал мне, что он может слетать на Луну и обратно в течение трех с половиной часов, просто используя свой килт как крылья. Я сказала ему, мне кажется, что будет лучше, если он получит опору на земле.

Когда я просматривала свои старые записи, я нашла некоторое расхождение в ее более поздней версии сна. Я не думаю, что Нора специально изменила сон. Я думаю, что изменение было бессознательным и указывало на то, о чем она говорила. Это было сном, как она изначально написала:

СОН О ЧЕЛОВЕКЕ, ЛЕТЯЩЕМ НА ЛУНУ. Сцена произошла в доме, вероятно, моем. Человек, который мне очень понравился, дирижировал оркестром. Я хотела присоединиться к нему, но он сказал: «Вы не готовы». Тогда мы оба ушли в другую комнату. Он носил одежду, которая напоминала мне килт римского военного. Плиссированная юбка и современный пиджак. Он сердито сказал: «Я могу слетать на Луну и обратно, но здесь, на земле, я споткнулся на грунтовой дороге».

Я спросила его, как ему удастся летать и как долго он учился этому. Он показал мне движения ног. Это и плиссированная юбка была двигателем, который отправлял его к Луне. Ему требовалось три с половиной часа. Я почувствовала, что наряд, который он носил, был непригоден для полета, и он использовал двигатель, который был никому не известен. Время полета было слишком коротким. Тем не менее,

я действительно не сомневаюсь в правдивости его заявления.

Причиной отсутствия сомнений было в том, что он действительно вернулся на землю, и мне просто не приходило в голову в этом сомневаться. Также я просто не могла выразить свои мысли. Я чувствовала, что не моя роль.

В ее более позднем воспоминании о сне, Нора сказала, то, что она должна была сказать ему в том сновидении и различие могло возникнуть из-за желания выразить «правильную» мысль, или, вероятно, что различие действительно отражает ее внутренние перемены в отношении, которые возникли впоследствии. Есть некоторые интересные детали картины, в которой она изобразила человека из сна в полете. Она имеет гораздо большую достоверность, чем первая картина. Нора, очевидно, находилась в переживании и сделала сильный рисунок.

Человек, который дирижирует оркестром, очевидно, представляет ее анимуса. Он руководит музыкой, которая относится к чувственной функции, но он говорит ей, что она

еще не готова играть; то есть, ее экстравертированное чувство не является подлинным. Затем он показывает свой характер, как анимус, а именно то, что в бессознательном состоянии он может летать на Луну, но на земле он не может собой управлять. В тот момент Нора еще не совсем приняла то, что она должна взять на себя бремя ее собственных проблем. Она все еще бессознательно обвиняла своих родителей за трудности, предполагая, что каким-то образом жизнь должна возместить ее утрату. Она по-прежнему склонна считать, что интеллектуальное понимание может дать необходимое «лекарство». И вот, во сне, ее анимус пытается убедить ее, что он может делать то, что для нее невозможно, а именно летать без помощи прямо с земли. Очевидно, что это исполняющееся желание в сновидении. В ее последующем воспоминании о сне она сказала, что, когда ей это снилось, она знала, что это не сработает. Ее проблема не может быть решена полетом на Луну, и на самом деле анимус не предлагает взять ее с собой, так что даже если бы он смог полететь, она все равно останется внизу. Это будет означать внутренний раскол. В бессознательном состоянии она была бы свободна, но в действительности она по-прежнему страдала от своих бед.

Это означает, что можно отправиться на Луну или кричать о том, что это невозможно. Во сне Норы анимус сказал, что он действительно в состоянии сделать это. Луна представляет принцип Эроса. Это обитель Богини-Матери, которая управляет любовью и отношениями. Если анимус добьется успеха и достигнет Луны, то в реальной жизни Нора будет ощущать, что она находится высоко на Луне, откуда она может смотреть на всех этих невежественных людей, оказавшихся в трудном положении на земле и жалеть их. Проблема, появившаяся из-за отсутствия любви в детстве, будет волшебным образом решена.

Вскоре после этого Норе приснился сон, в котором она только что вышла замуж, хотя во сне не было никакого

жениха, и она вдруг поняла, что это был фальшивый брак. Тем не менее, ее мать, которая присутствовала там, заверила ее, что брак законный, потому что она «заплатила нужную сумму».

Замужество означает единение сознательного эго с бессознательным, шаг к целостности. Здесь, однако, нет жениха, представителя бессознательного анимуса. Ее мать, которой так не хватало в реальности — говорит, что такой союз может быть куплен за определенную плату. Это абсолютно неверное отношение.

Сон продолжился, и Нора оказалась на празднике, предположительно по поводу свадьбы. Но она была одна. Все, кроме нее, нашли себе партнера и ушли. Она была очень несчастна и хотела подойти к своей матери, «по крайней мере, чтобы быть с ней». Сон изменился, и вдруг она оказалась рядом со мной, ее аналитиком. «Произошло взаимное объятие. Тепло текло туда и обратно между нами. Мне показалось, что вы выглядели другой, теплой и живой». Раньше она думала обо мне, что я холодная и отстраненная. Теперь она обнаружила во сне, что это не я была холодной, а она.

На самом деле, ощущения, которые она обычно выражала не только ко мне, но и к своим друзьям и знакомым, не было подлинным по отношению к ним. Это было всего лишь умение держать себя, уловка анимуса, хитрость, направленная на получение тепла и ласки. Это было довольно хладнокровное отношение, факт, который был, разумеется, совершенно не осознан. Это холод проецировался (или отражался) и на аналитике. Но когда во сне она признала свою потребность и несчастье, и стала искать мать, «по крайней мере, чтобы быть с ней», немедленно появился аналитик и был воспринят как добрый и теплый человек.

У Норы архетипический образ Великой Матери был поврежден из-за ее детского опыта с ее личной матерью; она переняла аспект холодности, который на самом деле испытывала, и это проецировалось и на меня. Но когда

Нора изменила в свое отношение, образ матери изменился. Ее фактическая мать, разумеется, не изменилась. Это была эмоциональная связь Норы с архетипическим образом матери, который изменился настолько, что она смогла выразить свои истинные чувства по отношению к аналитику, по крайней мере, во сне.

Следующей ночью ей приснился сон, в котором она была в отеле с своим отцом и матерью. Они собирались покинуть отель. Все были готовы, кроме нее. Она не могла найти свой чемодан, чтобы собрать вещи. Она стала в панике бегать и кричать, полностью вне себя. «Преобладающим чувством» — сказала она, — «было то, что я должна была сделать что-то, что я не в состоянии сделать. Мои попытки и отчаяние просто невозможно описать».

Этот сон вызвал воспоминания об инциденте, который произошел, когда Норе было около двенадцати лет. Она пошла в горы со своими родителями на праздник, когда она внезапно случился приступ острого аппендицита. Они отправились домой, чтобы найти врача. Они долго шли к железнодорожной станции, но они пришли прежде, чем подъехал поезд и поэтому они пошли обедать в ресторан. Когда пришел поезд ее отец не еще не доел, хотя Норе было очень больно. Из-за его задержки они опоздали на поезд и им пришлось ждать еще несколько часов, чтобы сесть на следующий. Когда они, наконец, вернулись домой, Нору нужно было доставить в больницу для срочной операции. И этот сон напомнил ей ту нехватку любви, которую она испытывала в детстве, не только от своей матери, но еще больше от своего собственного ко всему снисходительного отца.

Ситуация во сне несколько отличается, потому что она изо всех сил пытается решить задачу, которая в действительности является совершенно простой и обычной, а именно, упаковать чемодан. Но во сне это кажется невозможным, и создает бурю эмоций и паники. Сновидение, представляющее

расстройство такого рода, как правило, означает, что сознательным целям противостоит очень сильный бессознательный толчок в другую сторону. Во сне Норе не удалось собрать свои вещи, и таким образом она сталкивается с дилеммой. Либо она должна остаться и продолжить собираться, и пусть родители уходят без нее, либо она должна бросить свои вещи и пойти с родителями.

Я склонна думать, что в этом случае вещи представляют собой то, что действительно относится к ней самой, в то время как выбор, который она должна сделать, заключается в том, идти ли с родителями, то есть, остаться в детстве, потеряв часть себя — или не держать их, чтобы найти то, что принадлежит самой личности.

Эта череда снов проявилась в реальности через искреннюю симпатию и доверие ко мне, и она также получила подсказку для понимания внутренних ценностей ее отношений с аналитиком. Неделю спустя ей приснился сон о самопожертвовании и принятии смерти, и во сне это сопровождалось рождением ребенка, которому она предлагала «молитву благодарности и самоотречения». Принятие смерти, естественно, не означает физическую смерть. Оно символизирует капитуляцию эго. И рождение ребенка представляет приход нового человека, возможно, даже предшественника Самости, организационного центра психики.

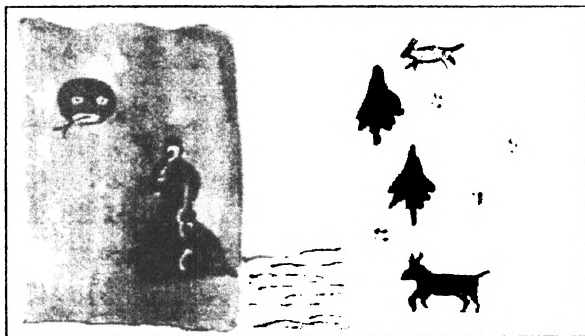
Именно в этот момент Нора дала мне искаженный вариант сна, в котором утверждала, что анимус может летать на Луну. Она рассказала, что она пыталась объяснить человеку во сне, что, по ее мнению, будет лучше, если он останется на земле. Это была часть самообмана, и я уверена, он нес печальные последствия. Действительно, почти сразу же она стала регрессировать. Весь ее старый циничный атеизм пришел снова, вместе с большим недоверием ко мне как аналитику и к аналитическому процессу в целом. Затем последовал сон, в котором она сама летала.

Через несколько дней, в сновидении, Нора увидела два горных утеса из ее ранних фантазий, и она снова оказалась растянутой между ними. Она описала это так:

Но теперь тяга к матери была сильнее. Я приблизилась к ее стороне. [Очевидно, что мимолетные переживание чувств и доверие к аналитику, продолжали действовать в бессознательном.] Я ушла от солнечного света, внутрь, в темноту. Там, в непроглядной тьме, я увидела мою маму. Она закрыла лицо руками и заплакала. Я опустилась на колени рядом с ней и сказала: «Не плачь, мама. Я собираюсь остаться с тобой».

В предыдущем сне она рассказывала, что хотела найти свою мать из-за желания быть рядом с ней. Здесь все несколько перепуталось: не ясно, кто из них нуждается в другом человеке. Сон продолжается:

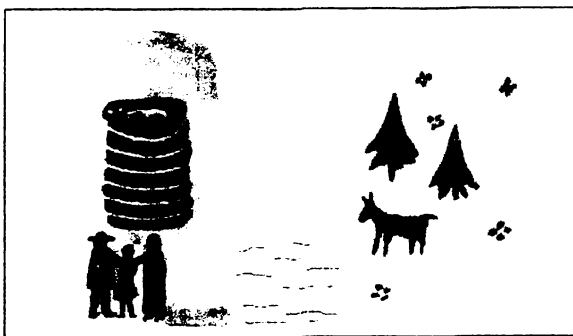
Внезапно в темноте появились большие зеленые глаза. Это была огромная змея, что вилась вокруг нас, пока мы не оказались полностью окруженные ей.

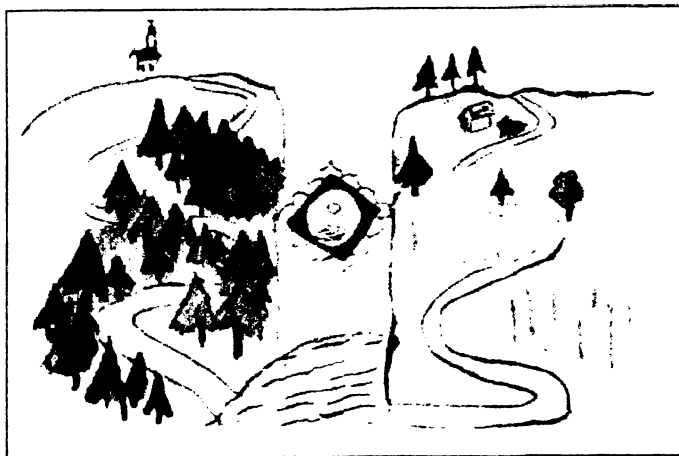
Это великий змей бессознательного в своей материнской форме, Уроборос, и мать с дочерью оказываются

заклучены в его объятъя. На вопрос о том, кто перетягивает Нору к себе, можно ответить так: между ними есть взаимное притяжение и инстинктивное опознавание. Они довольно недифференцированные и образуют единство матери и ребенка. Они являются лишь двумя аспектами вечной женственности. Такое положение означает полную потерю всей индивидуальности. Но эта женщина предприняла, по крайней мере, первые шаги к индивидуальному развитию через самоанализ. Итак, фантазия продолжается:

Я находилась перед змеем, не понимая, что нужно делать. [Выглядит так, будто она находится на одновременно и внутри Уробороса и за его пределами. Это означает, что, по крайней мере, часть нее теперь за пределами идентификации с матерью.] Вдруг доктор Н. и д-р Х. [бывший аналитик] появились рядом со мной, по одному с каждой стороны. Они положили руки на мои плечи, и мы подошли к змею.

Это похоже на то, словно с помощью двух этих людей, которые понимали проблему и предложили свою бескорыстную помощь, она в состоянии противостоять архетипической проблеме, которая была причиной невроза. Следующая фантазия вновь указывает на горы.

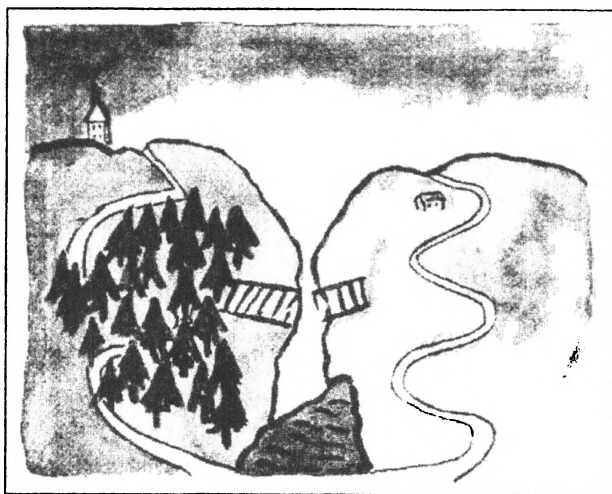
Но теперь материнская гора стала зеленой, появился сосновый лес на нижних склонах, показывая, что женская сторона жизни больше не является таинственным и непостижимым мраком; она стала по-женски красивой и уютной. На вершине горы стоит церковь, указывая, что Нора начинает понимать то, что ее проблема с матерью и тоска по материнской любви в корне несет религиозный характер и она должна быть решена посредством связи с сверхличностной ценностью.

Вместо образа нее в виде фигуры ребенка, словно распятого между горами, она увидела фигуру Будды, заключенного в круговую конструкцию. Это действительно больше похоже на конструкцию, чем на изображение человека или статуи. Она как будто плавает посреди пропасти. Возможно, сначала она подумала, что, несомненно, Будда, просветленный, сможет залечить разрыв, отделяющий горы, и это будет ответом на ее проблемы. Она примет его позицию отрешенности и все будет хорошо. Но потом она вспомнила, что на прошлой встрече она сказала мне, что позиция самоотречения и неотожествления Будды максимально возможна для достижения. На что я ответил, что это может быть и так,

но мы обязаны начать с того, где мы находимся. Мы все еще пойманы в сеть эмоциональных желаний и атак, мы не деидентифицированы и не хорошо пытаемся основывать нашу жизнь на такой иллюзорной свободе. Мы должны опираться на землю. Вы не можете построить небоскреб, начиная с пятидесятого этажа. Принятие позиции Будды было бы равносильно раннему образу полета на Луну.

Так что, когда она снова посмотрела на свои картины, она решила отказаться от призрачного Будды и фантазий о решении своих проблемы путем идентификации с ними. Тогда, в своем воображении, она построила деревенский мостик через пропасть. Но это тоже было лишь фантазийным желанием, ибо когда она пыталась пересечь пропасть на этом мосту, она чувствовала, словно горы начинают сближаться, чтобы уничтожить ее.

Затем, в ее фантазии, горные массы стали врезаться. Мост оказался раздавленным, а сама она выброшена в бездну.

К ее удивлению, она не погибла, а обнаружила, что стоит на черном квадрате под горами. Река текла через туннель, который проходил через них.

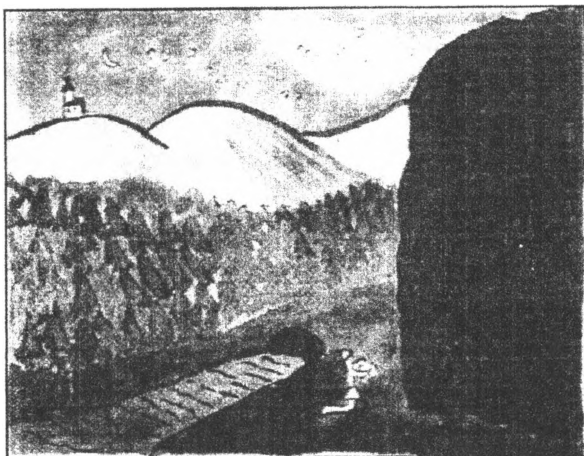

Наблюдается еще одна вещь. В настоящее время она уже не является ребенком. Место, где она оказалась, было черным, и она все еще чувствовала сокрушительную мощь горного движения, и, хотя пики соединились, казалось, будто их сила будет переполняться и уничтожит ее. Таким образом, в ее фантазии она попала на один из путей, который открылся ей только сейчас. Она спряталась за сосну, зацепившись за его ствол для поддержки. Затем горы с треском соединились, произведя вспышку огня, похожего на молнию, который зажегся и утих.

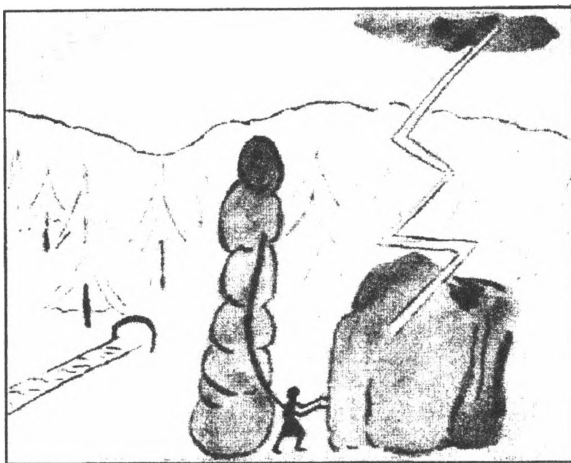

Она вернулась на прежнее место, чтобы посмотреть, как, почти отчаявшись, она смогла пройти этот горный барьер. Затем ей пришло в голову, что, если она прошла одним из путей, она будет в состоянии подняться над массив и продолжить свое путешествие. Она решила выбрать «материнский» путь. Таким образом, в первый раз в своей жизни, Нора приняла тот факт, что на самом деле она женщина и имеет право на собственные женские инстинкты.

Надо ли говорить, что это было самым важным и освобождающим опытом, но это не решает основную проблему ощущения себя аутсайдером. Для этого необходим дальнейший опыт, и через некоторое время, сны и фантазии появились снова. Она снова увидела черную область у подножия гор. Была ночь, и она находилась на другой стороне реки. Ей придется пересечь ее, если она хочет подняться на «материнскую» гору. Но не было никакой возможности, с помощью которой она могла бы это сделать. Затем она увидела рыцаря в сияющих доспехах, который пришел, чтобы преклонить колени перед «отеческой» горой.

Рыцарь исчез, и она очутилась перед скалой, толкая его. Пытаясь проложить свой путь благодаря чистой физической силе, она, конечно, была совершенно бессильна это сделать.

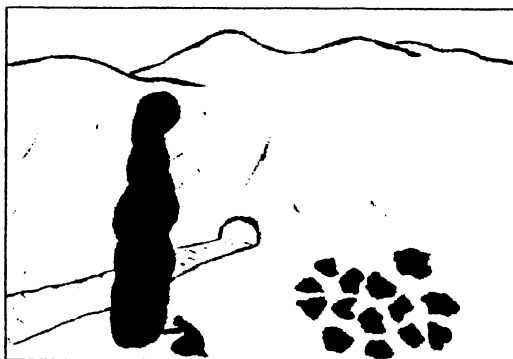
Причем не только она толкала скалу, но и большая туманная женская фигура, которая стояла позади нее, подталкивая ее к скале. Видимо, эта же колоссальная фигура была змеем, который свернулся вокруг нее и ее матери в одной из более ранних фантазий. Она чувствует, что эта фигура не помогает ей в ее усилиях по сдвигению скалы, а давит ее между двух сил. «Я была в отчаянии» — сказала она мне — «потому что я была не в состоянии сдвинуть скалу и из-за давления позади меня». В самом деле, она чувствовала угрозу оказаться полностью раздавленной.

Таким образом, в прошлом она была поймана и брошена на свою собственную женскую природу, которую она недавно восприняла в образе женской фигуры, которая кажется такой огромной и безжалостной, потому что для нее она никогда адекватно не воплощалась в человеке. Она была поймана между этой фигурой и скалой, представляющей отца, что казалось ей указом ветхозаветного Бога. Она не могла преодолеть мужскую силу и справиться с этим по-женски. И, также, она больше не могла перепрыгивать через трудности, как она уже неоднократно пыталась сделать в прошлом, с помощью полета анимуса, и сейчас то, что уже сделано, прижало ее женственность к земле. Наконец, она поняла,

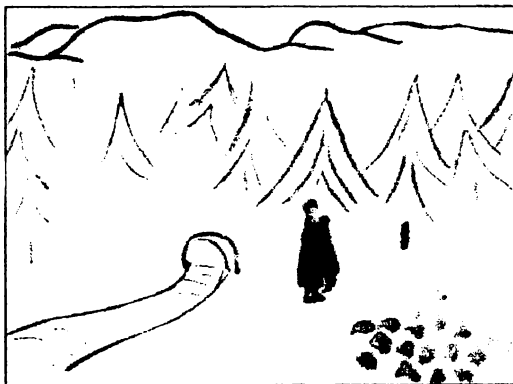
что фантазия разрешения не будет работать, ей нужно настоящее решение на основании реальности.

Активное воображение продолжается:

Вдруг молния ударила в скалу и разбила ее на тысячу кусочков.

Голос сказал: «Ты свободна, если желаешь». Затем теплое чувство растекалось во мне. Я опустилась на колени и сказала: «Не оставляй меня одну. Я люблю тебя». Башня ответила: «Я останусь внутри тебя. Появится кто-то другой, кто поможет тебе». Туманный образ растворился в земле, а вместо него возникла доктор Хардинг.

Она сказала: «Пойдем. Я помогу тебе пройти через реку. Возьми с собой кусок скалы, той, которую разбила молния. Это поможет тебе».

И фантазия закончилась.

Это, очевидно, очень важный опыт, и мы должны изучить его в деталях для того, чтобы представить решение первой части квеста Норы. Алхимики называют это «малой работой», которая приводит к образованию «белой субстанции» или «Белой Королевы», представляющей женскую или эротическую ценность. Для мужчины, Белая Королева будет в образе анимы в ее королевском аспекте; для женщины это означает приход в осознание ее женской природы. Это соответствует развитию того, что я назвала женщиной-Эрос, чтобы отличить это от более ранней стадии развития личности женщины, когда она бессознательно живет своей женственностью, олицетворяя мужской идеал женщины и приспособляется к жизни так, как если бы она была анимой мужчины.¹

В фантазии Норы она снова на «отеческой» стороне реки, и сталкивается с отцом-горой. Это явно не просто символ ее собственного отца, а скорее проявление Отца, маскулинного Бога Иеговы, который нависает над ней, блокируя ее путь. В ее реальной жизни он оставил память о себе в качестве причин ее трудностей во внешнем мире, и особенно это помешало любой поддерживающей вере в Бога, дружественной или полезной. Действительно, в одном из своих плохих настроений Нора неоднократно заявляла, что не существует никакого Бога, никакого божественного духа во вселенной и в психике. Следовательно, в ее фантазии Бог видится ей, как недвижимая и угрожающая гора. Для этого совершенно

¹ См. Harding, «The Way of All Woman: A Psychological Interpretation», глава 1 «All Things to All Men» — ред.

бесполезно отрицать, что есть власть и управление жизнью. Это очевидно. Независимо от того, как мы называем его, без сомнения, существует творческая сила во вселенной, а также и в нас самих. Так что эта фантазия была посвящена проблеме преодоления ее неправильного представления. Она была полностью заблокирована, она не могла идти дальше. Но рыцарь в сияющих доспехах появился в качестве решения ее проблемы.

Это был третий раз, когда магический выход из дилеммы был выдвинут с появлением анимуса в рисунке. Первым был человек, который предложил слетать на Луну и обратно; то есть, он предположил, что она может летать на Луну, царство принципов Эроса, или что он это может, и это будет означать, что она приобретет женские ценности через анимуса. Очевидно, что это не решит проблему, и она сказала ему, что было бы лучше, если бы он остался на земле — совет, которому она была вынуждена следовать позже в своей фантазии. Потом, когда она обнаружила, что все еще безуспешно пытается преодолеть разрыв между мирами отца и матери, она нарисовала Будды, чьи учения о дезидентификации казались возможным выходом. Но когда она попыталась отделить себя от всех этих эмоций, она обнаружила, что в изоляции ядро всех ее страданий только усугубляется. И теперь, когда она снова столкнулась с этой, казалось бы, неразрешимой проблемой, прибыл рыцарь в сияющих доспехах.

Рыцарь был олицетворением духа эпохи рыцарства, христианского героя-деятеля. Но его меч и щит совершенно бесполезны против горы. Другими словами, своего рода религия, отношение к духовному миру в средневековье, не имеет никакой пользы в ее ситуации. Во времена рыцарей, бессознательная часть психики была спроецирована на небеса и силы бессознательного были восприняты ошибочно. В то время, то, что Бог, ангелы и черти — живые существа, метафизические реалии, никто не сомневался. Но для

современной женщины со скептически настроенным умом, такое решение было бы бесполезно, как меч из фольги против горы. Единственный намек на то, что появление рыцаря ведет ее к правильному пути и приближает к проблеме — то, что он стоит на коленях. То есть, он принял почтительное отношение, когда понял, что его сила бесполезна. Есть намек и на другой картине (здесь не приводится), где она показана на коленях.

После этого Нора стала противостоять большому камню, словно она поняла, что не может решить свою проблему через других, а должна взять на себя эту задачу, лишённая защиты анимуса и без агрессии. Она должна столкнуться с испытанием во всей своей женской уязвимости. Но уже не гора перед ней; это был огромный камень, но меньший, чем гора. Так что ее смирение и почтение перед скалой, олицетворяющей неизвестного Бога-Отца, имело эффект уменьшения размера и угрозы горы.

На этом этапе в фантазии материнская гора появилась в виде туманной черной фигуры, которая подталкивала ее к нападению на скалу. Но, поскольку она была маленькой и слабой, она была совершенно не в состоянии передвинуть ее, даже если она двигала ее, возможно, не одна, а с помощью материнской горы. Прежде она разрывалась меж двух гор. Теперь кажется, что она должна быть раздавленной между ними. Нет ли здесь намек на то, что все время ее желанием было сделать что-то с формой, в которой для нее представлены родительские архетипы? Положение Норы существенно изменилось по ходу ее аналитической работы, и, соответственно, проблема, или архетипический образ, который был ей представлен, тоже изменились.

Образы матери и отца огромных размеров, недвижимые и несокрушимые, не могут быть устранены ее невооруженными силами. Раньше она была пассивной жертвой, но теперь она стремилась показать свою личную силу, но все казалось бесполезным. Отецская гора совсем не сдвигалась.

Но вдруг случилось то, что проложило ей путь: гора оказалась расколота на куски ударом молнии.

Я думаю, это означает, что, когда она смогла принять свои человеческие ограничения и перестать пытаться разрешить свои проблемы магическими средствами или силой эго, пришло озарение. Невидимый и непризнанный дух, в само существование которого она зачастую не верила, нанес удар. Но не она сама подорвала свое высокомерное отношение. Нет, молния ударила в скалу и разбила ее. Ее концепция божественного духа жизни в деспотичном отце была разрушена вспышкой осознания своей истинной природы; можно сказать, что удар молнии представляет собой вспышку понимания, или пламя эмоций, что разрушило ее идентификацию с отцом и выпустило ее ощущение Бога путем разрушения и болезненного опыта.²

Но, обратите внимание, она не оставалась одна в своем горе, и не было так, чтобы она оставалась без руководства. Некоторые оставшихся фрагменты камня были отмечены молнией. Ей было сказано взять такой кусок — он будет направлять ее. Эта часть скалы будет представлять суть этого опыта, что принесло много глубоких и болезненных переживаний, а также влияние момента прозрения, который пришел к ней в один миг. Ей сказали, что она должна беречь этот камень, эту память.

В то же время, мать-мегалит растаяла и заменилась человеческой фигурой. Каменная мать стала человеком, женской фигурой, соответствующей спящей женственности. Но отеческая гора была заменена огненным духом, соответствующим духовной природе истинного анимуса женщины. Женская фигура, заменившая гору-мать, не была ее реальной матерью и не была ее аналитиком, который защищал ценность матери.

² Jung, «Lightning signifies a sudden, unexpected, and overpowering change of psychic Condition» («A Study in the Process of Individuation», стр.333). — ред.

Голос, что шел от нее, обещал, что будет с ней, будет направлять и помогать. Очевидно, это голос женской ценности, воплотившийся впервые в ее матери, а позднее проецируемый на аналитика. Но эта ценность, о которой ей было сказано, теперь функционировала в ней самой, в качестве внутреннего советчика и компаньона. Между тем, внешний несокрушимый образ растворяется, оставляя фигуру аналитика в качестве действительно обычного человека, но того, кто может выступать в качестве гида в течение всего этого длительного перехода.

Был еще один интересный момент. Когда Нора пошла к материнской горе, ведомая сильным воздействием, она опустилась на колени рядом с матерью и сказала: «Я никогда не оставляю тебя», словно она была матерью своей матери. Теперь ситуация обратная. Именно она умоляет, «Не оставляй меня. Я люблю тебя». Но голос отвечает: «Я останусь внутри тебя». Не с тобой, но внутри тебя — это тот же самый внутренний голос, который сказал ей, чтобы она взяла себе кусок скалы, отмеченный огнем. Он станет камнем, который будет указывать ей, что верно, а что ложно, и при любом конфликте или неопределенности она сможет советоваться с ним. Ведь там, где огонь является тем, что в будущем станет подлинной вспышкой эмоций и нуминозного переживания — там ей придется идти, независимо от того, удобно это или нет, независимо от того, трудно это или болезненно, потому что дорога намечена духом истинного Бога. Иисус сказал в одном из своих апокрифических высказываний: «Кто рядом со мной, тот рядом с огнем».

В реальной жизни это будет означать, что всякий раз, когда Нора сомневается, этот камень, отмеченный огнем и нуминозным духом, будет вести ее. Она должна искать внутри себя указания, отмеченные этой силой. Они могут прийти в виде желания, тоски, возможно, страха или какой-либо другой эмоции. Это позволит ей понять, какие импульсы от Я, а какие от эго или от какой-то обязанности,

или, возможно, из детства.

Если возникает конфликт обязанностей, стоит попытаться узнать, где лежит нуминозная ценность и следовать ей. Например, ожидания семьи и свои внутренние требования могут конфликтовать и кажется, что нет возможности определить, какое обязательство должно быть принято, а от которого стоит отказаться. Лояльность по отношению к семье, возможно, необходима с возрастом родителей, но она может требовать отказа от своей собственной жизни, но если огненный камень ясно показывает, что для того, чтобы следовать зову Я, человек должен покинуть семью, то даже этот святой долг должен быть отложен в сторону. Поскольку, если кто-то возвращается к семье с тем, что Эрих Нойманн назвал «незаконное сострадание»,³ альтруизм может победить свою собственную священную ответственность. Так же, как Психея, которая при поиске сокровищ подземного мира была предупреждена, что должна игнорировать все позывы к состраданию, так и мы должны последовать ее примеру. Но только мы должны быть в поисках сокровищ Самости, чтобы игнорировать позывы к нашему милосердию. Пренебрегая ими мы просто удовлетворим свои эгоистические и аутоэротические желания, что не приведет ни к спасению, ни к добыче клада; это лишь приведет к духовной смерти.

Так вот, Нора сказала, что верное решение может быть принято только камнем, отмеченным молнией, нуминозным опытом. Без этого не мешало бы следовать советам мудрейших советников. Путем индивидуации не могут следовать дети. Эта поучительная серия снов и фантазий показывает, как архетипический родительский образ, который был серьезно поврежден, восстановился и реконструировался благодаря анализу. Через отношения с ее аналитиком она нашла мост к внутреннему переживанию Великой Матери, которая принесла ей

³ Amor and Psyche, стр. 48, 112.

ценность Эроса и обновила ее жизнь; а также пугающий образ Иеговы, как Бога, сменился ее духовным пониманием того, что он служит ей в качестве указателя в ее пути.

Таким образом, первая часть плана была выполнена. Патологическая травма родительского образа была излечена, и Нора теперь была в состоянии перестроить свое отношение к людям и ко внешнему миру. Окажется ли эта степень развития достаточной, чтобы удовлетворить потребности этой женщины еще предстоит узнать. Она больше не находилась под влиянием ее негативного отношения к родителям, и она больше не чувствовала себя вычеркнутой из каждой теплой человеческой группы, но это, конечно, не означает, что она будет жить «долго и счастливо», как в сказке. Внутренний опыт должен быть использован в реальной жизни.

Тем не менее, этот опыт, в некотором смысле, окончательный. Нора никогда не сможет быть такой, как прежде. Когда-нибудь, может быть, зов придет к ней вновь, чтобы вести к дальнейшему поиску индивидуального отношения к нуминозным ценностям, которые были проявлены в ней. Именно эту большую работу Юнг называл процессом индивидуации.⁴

⁴ Юнг: «Опус состоит из трех частей: пронизательность, выносливость и действие. Психология нужна только в первой части, а во второй и третьей частях преобладающую роль играет моральная сила». (C.G. Jung «Letters». Том 1, стр. 375) — ред.

ГЛАВА 7

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

В предыдущей главе мы видели, как субъективная травма Норы, полученная в результате ее детских переживаний, повлияла на образы архетипов матери и отца в ее психике. Иными словами, онтогенетический, личный аспект архетипических образов для нее был поврежден. Также мы видели, как в результате анализа эта травма постепенно зажила, и положительные образы заменили поврежденные.

Впрочем, что-то еще было достигнуто путем анализа символов, которые возникли в последней серии фантазий, и не просто восстановило ее образ любящих отца и мать, а как будто она снова стала ребенком. Но если бы это было так, то она осталась бы в состоянии детской зависимости от своего аналитика в качестве материнского суррогата, но все было не так. Символ Матери как олицетворение женской мудрости и Отца в качестве камня, отмеченного молнией так, что он хранил дух в себе, были нуминозными. Они создавали в ней чувство самостоятельности и внутренней свободы, которые она никогда не испытывала раньше. И в результате этих глубоких субъективных событий Нора стала, впервые в своей жизни, поистине личностью. Подведем итог хода анализа обоих процессов, которые произошли в Норе одновременно. Она постепенно увидела, что отсутствие адекватного отношения к положительной материнской фигуре было причиной трудностей в отношениях с другими людьми. Она поняла, что отсутствие взаимопонимания с другими людьми не может быть преодолено сознательными усилиями, и не может быть адекватно

компенсировано идентификацией с анимусом. Ее внутренняя незащищенность, дополненная бессознательным чувством вины, возникшим из детской сексуальной игры, привели к отстранению от женской природы, источника чувств и ощущения единения. Это вызвало серьезную деформацию ее характера, и вместо того, чтобы основывать свои человеческие отношения на подлинных чувствах, она поступала на основании идей анимуса о женском поведении.

Но представления о чувствах противоположны реальным чувствам, и таким образом отдалены вместо объединения. Осознание этого не только разумом, но и понимание всего было необходимой частью процесса. Осознание проходит гораздо глубже, если участвует все ее существо. В результате этих изменений, ей удалось отказаться от старого способа функционировать через магию анимуса. Даже «белая» магия, в образе рыцаря в сияющих доспехах, оказалась беспомощной перед препятствием на своем пути. Но когда она испытала настоящий переворот в сердце, то все изменилось, как будто чудом, и не с помощью магии анимуса.

В то время как происходили эти изменения, еще происходило то, без чего внутренняя трансформация была бы невозможна. Это глубокое изменение касалось ее отношений с аналитиком, на которые она проецировала архетипический образ матери, и в то же время она узнала ее и как личность. Сначала отношения сновидца к аналитику были довольно двойственными; иногда они были положительными, а порой недоверчивыми и даже враждебными. Но постепенно это изменилось. Она нашла возможность отказаться от своего анимуса и принять собственную женственность. В результате установились отношения с аналитиком, и она обнаружила, что может испытывать чувство любви, не требуя, чтобы аналитик любил ее первым, как она желала раньше.

Образы архетипических родителей, которые доминировали в психике Норы в негативной и разрушительной форме, были преодолены. Вместо них она ощутила не

только положительные родительские образы в ее отношении двух своих аналитиков — мужчины и женщины, но также она узнала через активное воображение, что можно не только с помощью аналитиков, а самостоятельно направлять и защищать элемент, который в настоящее время функционирует внутри себя. Она, наконец, нашла и признала Великую Мать внутри, и в то же время она нашла и признала свою собственную женственность, которую нужно ценить и на которую можно положиться.

Такое преобразование соответствует кульминации мифа о Деметре и Коре, когда молодая женщина, Кора, в лице Персефоны, дочери Деметры, становится зрелой, материнской богиней, чтобы самостоятельно пережить миф обновленной. Аналогичный процесс показан на изображениях инициации на стенах камеры на Вилле Мистерий в Помпеях, как уже упоминалось ранее. В случае Норы, это преобразование состоялось в самоанализе.

Отеческий образ тоже был преобразован. Это женская психология, и когда образ матери из камня превратился в человека, образ отца изменился по-своему. Скала, которая представляла его, была разрушена молнией, и фрагмент скалы был отмечен небесным огнем. Нора взяла этот камень с собой в качестве указателя. Отец, таким образом, стал духом, но дух все еще спрятан в камне. Это означает, что ассимиляция духа в ее собственной психике еще не выполнена полностью, и примирение с Богом, как Отцом, то есть, в аспекте положительного мужского духа, или Логоса, по-прежнему представлено для нее отмеченным камнем, а не внутренним голосом. Но камень, как сказал ей голос фантазии, будет действовать в качестве камня, с помощью которого она сможет определить, что правда, а что ложь была в духовном мире. И Нора никогда больше не будет зависеть от магии, созданной анимусом для управления.

Патологическая травма, которая была нанесена родительскому образу этой женщины, была исцелена. Архетипический

образ родителей был восстановлен и теперь перед ней стояла борьба героя для высвобождения образа положительных родителей. Был открыт путь для следующего шага в ее развитии, а именно поиск нового символа, который сможет представлять и содержать в себе высшую ценность, и больше не носить родительский образ.

Следующий шаг неизбежно повлечет новую травму в архетипическом образе, соответствующей травме, которую причиняет юный человек, освобождая себя для того, чтобы вступить во взрослые приключения. Но это нормальная травма. Ведь очевидно, что если человек больше не ребенок, то роль родителя не аннулируется. Есть ценность родительского образа, и эта энергия должна пойти в другом направлении и найти новый способ выражения. Эта необходимость напоминает слова Христа из нового завета: «И не наливают молодое вино в старые мехи: иначе старые мехи лопнут, вино выльется, и мехи тоже будут погублены. Наоборот, молодое вино наливают в новые мехи, и тогда целы будут и вино, и мехи». (Мф 9.17) Старая форма родительского образа неизбежно будет повреждена растущим ребенком, но эта травма является необходимой и нормальной, и действия ребенка невинны, и это преодоление родителей героем является *félix culpa*, счастливой виной.

В своем стремлении к индивидуализации, Нора сделала многое. Но теперь ей придется пройти следующий этап, который освободит ее от зависимости от эмоциональной поддержки и мудрости аналитика. Эта задача соответствует подвигам мифических героев, которые, как Мардук, боролись за преодоление родительских монстров, которые могли держать их в вечном рабстве.

Если мы представим героический миф как наш собственный внутренний миф, мы увидим, что образ Бога в своей первобытной или инфантильной форме должен быть преодолен подростком, который действительно желает стать индивидуальностью. Те, кто успешно становятся героями,

впоследствии могут выйти в городскую реальность с индивидуальным отношением к миру. Они больше не будут ограничены правилами родителей. К лучшему или к худшему, боги первыми перестали управлять своей жизнью. Достижение желаемой свободы включает в себя жизнь и смерть, и не только в отношении родителей, но и в борьбе с собственной инфантильностью, в которой только некоторые смогли победить, а другие остались в поражении.

Эта внутренняя борьба за свободу и за собственную индивидуальность проходит в несколько этапов. Это не достигается одним усилием. Ребенок в подростковом возрасте начинает критиковать родителей, видя, что они не являются непогрешимыми и часто делают ошибки. Сначала ребенок жалуется или ругает их за недостатки, но позже осознает, что они не боги, а просто люди. В 1959 году в своем интервью Юнг рассказал о том, каким образом к нему пришел этот опыт. Однажды он вышел из тумана и вдруг осознал себя; он находился в отделении от своих родителей, и, впервые, он оказался в состоянии оценить их как личностей.¹

Когда, таким образом, сознание озарилось, человек смотрит вокруг и видит, что «вещи» не появились сами по себе и что они не всегда были там, где они есть. Происходит осознание, что человеческое общество было кем-то создано.

К сожалению, достижение просветления не всегда удается даже взрослым мужчинам и женщинам. Я не раз слышала от взрослых «жизнь обязана мне это!» Мы не удивляемся, когда младенец плачет, чтобы получить еду, когда голоден, и, кажется, что его крик производит молоко, потому что он ничего не знает и не задумывается об истории его появления, все приходит из груди или бутылочки. Беспокойство младенца

¹ См. «The Face to Face Interview», с John Freeman, BBC television, с William McGuire и R.F.C. Hull, ред., C.G. Jung «Speaking: Interviews and Encounters», с. 425f, а также Юнг «Воспоминания, сновидения, размышления» стр. 48f — ред.

исключительно связано с комфортом или дискомфортом в животе. В десять лет, по возвращению домой из школы, он выкрикивает «Мама, ужин готов?», хотя, разумеется, уже присутствует немного больше понимания причины и следствия материнского труда, чем в младенческом возрасте, и он уже способен интеллектуально рассказать, как еда произведена и как приготовлена. Но психологически ребенок наивен. Ужин просто является необходимостью. Сознание так затуманено, что не может проникнуть за субъективные действия или чувства.

В подростковом возрасте человек начинает бунтовать против родительского контроля, требуя свободы, но не осознавая связанные с этим обязанности. Действительно, это требование, как правило, включает в себя ожидание того, что он имеет право на семейные активы (такие, как автомобиль). Это бессознательное требование часто сохраняется в колледже и даже после него. Однако обычно, оставляя колледж, молодой человек имеет средства для старта в самостоятельную жизнь, и затем начинает сталкиваться, как Мардук, с неупорядоченным мирским хаосом. Это необходимо, чтобы захватить и эксплуатировать богатства окружающей среды, а также контролировать их в интересах своей личной жизни. В большом мире человек судит по действиям. Оправдания не принимаются. Зачастую это особенно трудно в эмоциональной сфере, где нужно платить высокую цену, потока настроению.

Мардук не праздновал свою победу, так как он не считает, что имел право почивать на лаврах. Он сразу же начал создавать законы, чтобы контролировать себя, а также богов. Мы сказали, что он придумал «хитрый» план, чтобы позаботиться обо всех ситуациях, которые беспокоили его, как только старый порядок был разрушен. И так в личной истории каждого из нас, для освобождения себя от родителей достаточно иметь, по крайней мере, представление о них как о личностях, и мы должны найти свое место в мире,

как отдельные лица, и брать на себя ответственность за наши собственные жизни — зарабатывать на жизнь, адаптироваться к обществу, жениться, рожать и воспитывать детей, и брать на себя свою долю коллективного бремени цивилизованного общества, которое в свою очередь управляет нашими потребностями.

Это задача первой половины жизни, и ее можно рассматривать как обычный путь развития, и многие люди находятся в нем частично или полностью. Мы встречаем много ребяческих взрослых, которые до сих пор подсознательно живут в отеческо-материнском мире. Они являются *puer aeternus* или анима² женщины, и они составляют значительную часть тех людей, которые ищут анализ в первой половине жизни, когда основные проблемы должны быть связаны с завоеванием свободы от родителей и принятия адекватной настройки на жизнь. Мы не должны делать ошибку и принимать эти цели лишь в их внешнем аспекте. Оставить дом, пойти на работу, и может даже стать успешным в мире, не обязательно означает, что человек освободился от родительского мира. Внешне он может выглядеть свободным, внутренне оставаясь в семье. В таких случаях анализ проблем, относящихся к первой половине жизни, возможно, придется проводить и с пожилыми людьми. Молодым людям может быть достаточно помощи в получении внешней свободы, оставив глубокие задачи на выполнение в будущем, когда жизнь сама приведет к осознанию того, что не в порядке. Но с пожилыми людьми этого недостаточно. Анализ персон, находящихся в первой половине жизни, или тех, кто несет проблемы, нерешенные

² См. Мария Луиза Фон Франц «Вечный Юноша. Puer Aeternus».

Анима женщины «это та, кто довольствуется тем, чтобы мужчина выполнил все ее ожидания» — см. Harding, «The Way of all Women: A Psychological Interpretation». — ред.

в молодости, на протяжении многих лет, будет иметь дело, в первую очередь, с этой проблемой. Ее разрешение, как правило, осуществляется через проекцию родительского образа на аналитика, где могут возникнуть затруднения из-за неразрешенной фиксации анализируемого — к родителям и к собственной инфантильности — и их можно проработать и преодолеть.

Даже если у личности в отношениях с родителями была любовь и взаимопонимание, то, скорее всего, придет время, когда молодой человек начинает возмущаться, услышав несправедливые требования послушания от родителей. Когда ситуация такого рода производит трудности, с которыми человек сталкивается в анализе, освобождение придет через осознание того, что негативные чувства и обида действительно вытекает из собственного отношения, а не от какой-либо реальной враждебности со стороны родителей.

Человек больше не будет бороться с ними, но сможет преодолеть их, преодолев свою потребность в поддержке и защите. Осознав этот факт, человек будет готов к запуску в жизнь, с перспективой успешно адаптироваться, как в мире дел, мужском мире Отца и Логоса, так и в отношениях, которые принадлежат женской сфере Матери и Эроса. Таким образом, задача первой половины жизни может быть достигнута, а приключения героя пройдены. Эта задача, как правило, завершается в возрасте около сорока лет, но затем начинается новое движение жизненной энергии, и мы подходим ко второму этапу героического приключения.

Как правило, в первой половине жизни родители, как носители архетипического образа, заменяются символами Великой Матери и Духовного Отца, воплощенными в новой и менее личной форме. Если экстравертной стороне посчастливилось иметь удовлетворительный духовный опыт — я имею в виду подлинный внутренний опыт, о котором говорят институты и символы религии — и оценить объективную

реальность, это может заменить родителей и нести в себе ценности, которые они больше не воплощают.

Но нередко, примерно к середине жизни, эти символы перестают удовлетворять потребности психики. Либидо начинает уходить от реализации сил в том, что научная истина и человеческие институты больше не удовлетворяют. Реальность противоположностей добра и зла, правильного и неправильного, и прочее, неизбежны. Что же лежит за этими пределами? Есть ли какая-то ценность, которая может превзойти эти противоположности, и символ, который может воплотить их обоих и объединить снова? Другими словами, можно ли использовать значение высшей целостности, чтобы стать опытнее по отношению к родителям и пережить это снова в новой и взрослой форме?

И поэтому мы должны узнать, какие символы могут заменить мощные и ценные образы Великой Матери и Духовного Отца, когда герой преодолевает родителей, и, кроме того, если ему удастся преодолеть родительские образы, он возьмет на себя ответственность за свою собственную жизнь, как и Еа и Мардук, преодолев Апсу и Тиамат, первобытных существ, начали создавать закон и порядок в мире. Современные молодые люди должны это сделать. Когда герой отправляется в свои приключения, часть энергии он отрывает от изначальных родителей, которые дали ему жизнь, но что происходит с этой частью — и это немалая часть — первичной энергии, остается ли она с архетипом, в контейнере неизмеримой энергии сознания?

До этого времени родительский образ содержит это нуминозное, и, очевидно, когда герой отправляется со своим трофеем, он уносит часть сокровища родителей. Но само по себе сокровище вряд ли уменьшится от такой «кражи». Оно уходит в дальнейший поток сознания, и удаляется от героя, но оно более доступно, чем тогда, когда он спал в утробе матери и чувствовал себя одним целым с ней.

В вавилонской истории, Апсу и Тиамат были побеждены. Для целей мифа сначала они были представлены как сказочные монстры, а затем как человеческие существа. Они были гипостазированы, как если бы они были людьми. Таким образом, мы слышим о Апсу, как он, лежа на кушетке, разговаривает с Мумму, в то время как Тиамат сердится, и так далее. Как люди, они были убиты героем. Они оказались разбиты, уничтожены, и их полномочия были переданы меньшим богам. Но потом они вернулись в свои космические формы. Святыня была построена на водах Апсу, Отца, и в то же время властью, которая была отобрана у него, были созданы законы общества, а Тиамат, мать, осталась в том же положении. Она не может быть уничтожена. Ее тело образует свод небес и кривую подземного мира. Весь мир, таким образом, находится в ее сфере. Она стала менее жестокой, чуть менее всемогущей, чем была раньше, но она же древняя Тиамат и, когда придет время, она восстанет, чтобы уничтожить своих детей и все их труды! Если только не будет найден какой-то новый образ, некая новая форма, в которой динамизм архетипа сможет содержаться. В какой-то момент нашей личной жизни мы все, вероятно, столкнется с этой проблемой. На самом деле, это глобальная проблема человечества на современном этапе мировой истории. В «Происхождении и истории Сознания» Эрих Нойманн указывает на то, что герой, который преуспевает в отделении архетипического образа от первичных родителей соответствует эго, которая отделяется от фактических родителей, а также от сознания, таким образом, приобретая какую-то часть мощного содержимого бессознательного для собственной системы, а именно для сознания. Он пишет:

Фрагментация происходит в том смысле, что для сознания изначальный архетип разрушается на значительную группу связанных архетипов и символов. Или, скорее, эта группа может рассматриваться как

периферия, охватывающая неизвестный и нематериальный центр.³

Этот этап героического подвига показан в нашем мифе, и когда Мардук победил Тиамат, он сразу же создал пантеон богов и стал раздавать среди них полномочия и судьбы. Содержимое бессознательного, освобожденное от фрагментации Тиамат, становится богом. Можно было бы ожидать этого регулирования, которого стоит придерживаться для длительного мирного развития. Но это совсем не то, что произошло, когда боги были полностью связаны с человечеством, и, хотя человечество было вновь создано, наше присутствие стало необходимым для того, чтобы боги могли мирно поселиться, каждый в своем храме.

То, что люди стали незаменимыми, указывает, что когда Мать будет преодолена и эмоции отделены друг от друга, важно, чтобы сознание развивалось, в противном случае все снова отправится в хаос. То есть, успешная эксплуатация героя не приводит со временем к ленивой легкости и чувству свободы, неограниченной родительским контролем. Скорее наоборот. Новые полномочия должны быть немедленно запущены, и на это в мифе требуется Человек с большой буквы — то есть, больше, чем сознание и эго может воспроизвести. Это большее сознание является Антропосом, который сможет воплотить образ богов или их психологических коллег.

Апсу и Тиамат, первобытные боги нашего мифа, были заменены пантеоном богов, имеющих подобные качества, и мы находим, что постепенно боги стали больше человек. Они воплотили атрибуты и полномочия, которые близки к нашим, но в героическом масштабе. Тогда был предпринят еще один шаг. Качества богов были более или менее ассимилированы в сознании человека, и человечество стало более культурным,

³ «Origins», стр. 321

более дисциплинированными, пока боги, наконец, не обессили и не исчезли. Между тем, как новое откровение от бессознательного нового мифа, возник сверхъестественный архетип, одетый в символы Верховного Бога Отца. На протяжении многих веков этот образ был принят в качестве метафизической истины. Бога гипостазировали, словно мысль о конкретной реальности, но постепенно концепция Бога стала более духовной и, кажется, менее материальной. Это было большой потерей, так как в конечном итоге для многих фактическое существование Бога стало довольно проблематичным; как заметил однажды агностик, «Бог не является ничем, кроме газа», потеряв всю реальность и силу, но на самом деле энергия крупнейшей атомной бомбы происходит из водорода, который является газом.

В то же время, реальная власть архетипа отступила еще глубже в бессознательное, потому что признанные символы больше не действительны, или не являются достаточно мощными, чтобы быть посредником между людьми и сверхъестественной реальностью жизненной силы. В лице сознания, мы остались защищены и поддерживаемы только с помощью ничтожно малого эго. Следовательно, сила коллективного бессознательного обязана вырваться в хаотическом виде еще раз и, если возникнет новый высший символ, не должна действовать как посредник для энергий, активированных в бессознательном, ведь это может оказаться разрушительным для нашей психики и всей нашей сознательной работы. Это не только следствие разрушения религиозного символа и когда больше нет того символа, который был бы достаточно точен для переноса ценности образа Бога, и не только сознательная жизнь лишается значимого количества жизненных сил, но и бессознательное также страдает. Нарушается и его внутренняя организация, она словно растворяется, оставляя на этом месте хаос, напоминающий о верховенстве Апу и Тиамат. Это также можно считать повреждением архетипического образа.

Я говорю это так, как будто эта ситуация была настолько хорошо известным и общепризнанным фактом, что не нуждалась в доказательствах. Естественно, так как мы имеем дело с глубоким бессознательным, есть множество доказательств того, что произошло, или произойдет. Из истории, пример собой представляет падение Римской империи. Когда боги стали просто фигурировать в повестях, божественная сила считалась воплощенной в Цезаре, обычном человеке, которого считали воплощением Бога на земле, хотя он был тираном без моральных или конституционных ограничений. Позже, когда Цезарь был свергнут, последовал хаос. Подобная последовательность событий следовала отказу от религии во время Французской революции. Но если этих исторических примеров недостаточно, тогда мы сами недавно стали свидетелями того, что происходит, когда тиран узурпирует прерогативы Бога и настраивает тоталитарное государство, заменяя все моральные и религиозные пристрастия. И произошло то, как если бы силы Тиамат были снова выпущены на землю.

Что о личном опыте? Когда родительские правила преодолеваются тем, что можно назвать нормальным ходом событий, и сын или дочь выходит в свет, чтобы исполнить свою индивидуальную судьбу. В этом их поддерживают ожиданиями и конвенциями общества, а также собственными инстинктами. И вот большинству мужчин и женщин удается сделать корректировку, принимая в расчет требования внешней жизни.

Но можно мирской успех принять в качестве доказательства того, что первобытные родители были побеждены, в психологическом значении этого термина? Очевидно, что во внешней сфере дети становятся взрослыми, но не каждый, кто, кажется, создал удовлетворительную адаптацию, действительно адаптировался. Примерно к середине жизни удовлетворительной внешней адаптации, ее может оказаться недостаточно для удовлетворения потребностей человека. Репрессированные и забытые стороны личности начинают

требовать признания и шанса для жизни. И поступает вызов из глубин себя — провести новый поиск, исследовать новую территорию, где целью будет не большой успех во внешнем мире, а поиск репрессированных фрагментов себя и спасение сокровищ, спрятанных в бессознательном.

Это задача индивидуализации и открытия сокровищ Я, или, в терминах Евангелия Истины, о котором говорилось ранее, это Целостность самого себя. Когда человечество было введено в заблуждение, мы потеряли нашу целостность, которая осталась с Отцом. Автор Евангелия говорит нам:

Ибо то Место, где есть зависть и распря, неполно, но то Место, где (есть) Единство, совершенно. Ведь Изъян начал быть из-за того, что Отец не был познан, но с того момента Изъян более не будет существовать.⁴

Зависть и ссоры, о которых говорит текст, имеют дело с нашей бессознательной частью, так что мы проецируем отсутствие чего-то у нас на других людей и виним их за наши собственные недостатки. Это точно описывает состояние сына или дочери, обвиняющих родителей в своих собственных психологических проблемах. Допустим, что нецелостность родителей играет важную роль в создании недостатков своего ребенка, но даже если так, то взрослый человек должен взять на себя задачу восстановить свою целостность. Мы не можем переложить ответственность за это кому-либо еще. Приведенный выше текст говорит, что, когда Отец познан, Изъян исчезнет, потому что познание Бога равносильно познанию себя, они неразделимы. И происходит Воссоединение человека с отщепленной частью себя: «каждый должен вернуть самого себя снова».

⁴ Евангелие Истины, стр. 66.

В своем комментарии к Евангелие, Кендрик Гробэл сказал:

Тот, кто по доброй совести стал гностиком (т.е., просветленным) получает две вещи, Бога и потерянного или забытого себя. Знание Бога и своей истинной самости это две стороны одного целого: одно не может быть без другого.⁵

Это принятие своего «истинного я» — можно сказать Самости — это единство, или в терминах аналитической психологии это «целостность Я», которая, как говорит текст, осталась с Отцом в тот момент, когда Изъян привел человечество в заблуждение. Эта целостность, в соответствии с Евангелие Истины, эквивалентна познанию Отца, каков он есть. Иначе говоря, опыт Самости означает реконструкцию образа Бога, воплощенного ранее в архетипических образах Великой Матери и Духовного Отца, которые были раздроблены развитием эго-сознания. Мы увидим, как это работает, в следующей главе.

⁵ *ibid.*, стр. 68.

РЕКОНСТРУКЦИЯ И ИНДИВИДУАЦИЯ

Призыв приступить к задаче реконструкции приходит ко многим в середине жизни, когда замедляется поток либидо вовне и успех во внешнем мире начинает терять свою первостепенную важность. Тогда либидо трансформируется, и если внутренняя жизнь осталась на детском уровне и психологически человек жил в мире иллюзий, который возглавляла Ошибка, все начинает идти неверно. Можно впасть в депрессию, или могут развиваться симптомы невроза.

Молодой человек выходит в мир жадным до того, чтобы создать что-то новое и уникальное. Это «большое приключение», и это очаровывает все либидо. Но постепенно само творение начинает требовать все больше и больше энергии, и взрослый человек начинает принимать все более и более активное участие в выполнении обязанностей и требований той самой вещи, созданной с таким энтузиазмом. Тогда, пройдя по гребню склона, он начинает спускаться по другой стороне — в пятьдесят лет, например — и чувствует, что все свободы, связанные со своей задачей, потеряны, притом от собственной безжалостности. Человек не видит, что получил возможность освободиться от своих обязанностей. Безжалостность может подгонять до депрессии или физического или психического расстройства.

Расстройства такого рода представляют собой призыв для проведения коренной реконструкции внутренней жизни. Но есть и другие способы, которые можно назвать. Необходимость провести эту сложную задачу пришла к двум моим знакомым людям, мужчине и женщине, к каждому по-разному.

Но в каждом из этих случаев архетипический образ Отца или Матери пострадал не из-за патологической травмы в результате несчастливого детства. Также была депрессия, в которую каждый попал без видимой на то причины. По-видимому, наступило время искать Целостность.

Большинство аналитиков, вероятно, работают, анализируя мужчин и женщин, которые внесли удовлетворительные корректировки в жизнь, но впали в депрессию или в какой-либо психический конфликт в середине жизни или позже. Если осуществляется исследование сознания такого человека, как правило, можно обнаружить, что он не создал удовлетворительную адаптации как на внутреннем уровне, так и на внешнем. Или, возможно, адаптация была удовлетворительной, но со временем перестала быть актуальной, и появилась необходимость в новой адаптации для второй половины жизни. При этом, человек продолжает жить с изношенной моделью, как если бы мы пытались справиться с устареванием автомобиля — довольно распространенное желание, которое есть у многих людей в этой точке перехода

Вопрос о том, что является смыслом и целью второй половины жизни, становится главным беспокойством при анализе пожилых людей. К середине жизни становится важным, и даже необходимым, найти новый символ ценностей, выступающий в качестве посредника между сознательными элементами жизни и нуминозными факторами бессознательного, такой символ, которого будет достаточно лично для себя. Но это не так просто, такие люди могут почувствовать, что не имеют внутри ничего, за что можно удержаться. Все известные ценности бытия теряют действительность, или развивается страхи и тревога, которой никогда не было раньше, что-то настолько туманное и мимолетное, что после неприятных несколько минут они могут забыть о них. Но эти опасения и возвращаются снова и снова и не будут забыты; хаос противостоит мечтам, или находит себе жертву деструктивных сил, природа и предназначение которых зловещи.

Эту ситуацию Франц Кафка и другие современные писатели представляют в своих романах, и она характерна для эпохи, потерявшей свою религию и свою внутреннюю ориентацию.

Частая характеристика таких переживаний ужаса, это порождение чувства полного отсутствия порядка. В книге Баньяна «Путешествие Пилигрима в Небесную страну» описано, как покрытый облаками путаницы и совершенного беспорядка, которые обрушились на путешественников, были особенно ужасны. Данте тоже говорит о хаосе и отсутствии порядка в сфере ада. В таких психических состояниях человек, похоже, попадает в ловушку места, где Бог не существует. Другими словами, человек попал в хаос до начала времен — и это ужасный опыт. Юнг говорит об этом: «Изначальный опыт есть слово — ибо это видение в темном зеркале... Это словно вихрь, несущий все за собой...»¹

Однажды ночью, как раз перед Рождеством, человеку, которого я буду называть Джон, приснилось, что он унаследовал земельный участок с квадратный фут. Во сне он занимался посадкой ели. Он сказал, что эта земля и дерево, в свою очередь, будет унаследована его ребенком, еще не рождённым.

Фут площади земельного участка был ориентирован к подножию квадратного дома и дюймовой квадратной комнате, которая используется как символ дома Самости в Тайне Золотого Цветка, китайском тексте, который Юнга очень заинтересовал.² Ель, естественно, связана с Рождественской елкой, которую Джон украшал вечером, перед

¹ Psychology and Poetry, стр. 19f.

² См. Richard Wilhelm, пер., The Secret of the Golden Flower, также «Комментарий к «Тайне Золотого Цветка»», Алхимические исследования, CW 13, ч. 1ff — ред.

сном. Традиционно, Рождественское дерево должен быть елью. Ель священна для Диониса в его роли Таинственного Бога, Бога эмоций, восторга и духа жизни. После того, как он был убит и съеден титанами, он возродился снова, из Селены Луны. Ель росла у входа в пещеру, где он был рожден, чтобы защитить его от съедения титанами. Так ель означает обещание воскрешения бога жизни, в его мистической форме, то есть, как внутренний Бог. Можно понять, почему ель используют как дерево рождения, не только празднуя возвращение солнца, но также празднуя рождение Христа. Это единственный день рождения, который мы празднуем для ребенка, который никогда не становится старше, по крайней мере, на Рождество. День рождения человеческого ребенка идет в ногу с хронологическим возрастом, но не с праздником Рождества. Этот праздник всегда снова призывает младенческую форму бога. Это рождение мистического Бога. Можно ожидать, что сновидец проснется от такого сна с чувством радости и обновления. Но когда Джон проснулся, он ощущал тревогу. Он написал в своей записной книжке:

Когда я проснулся и обдумал события во сне, меня бросило в жар и я почувствовал, будто я задыхаюсь. Я адыхался и ощущал, что моя грудь сейчас взорвется. Вдруг я почувствовал, что меня окружает смерть и черти восстают и поглощают меня. Эта гигантская пустота состояла из горячей засохшей грязи, и была везде, не только во мне и во всех, окружающих меня, подобно удушающей тюрьме, но и в самых отдаленных уголках космоса.

Постепенно я начал понимать, что эта пустота, эта смерть, была конечной реальностью, основой всех вещей и основой нашей иллюзорной «жизни». Наша жизнь действительно оканчивается смертью в конце концов. Это наполнило меня ужасом, и я попытался убежать, но я не смог. Я чувствовал себя распятым

между двумя невозможностями. Я не мог ни жить, ни умереть. Оба состояния были одинаково ужасны. Все это время я чувствовал, как моя грудь вот-вот лопнет. Я подумал, что я мог бы сойти с ума.

Смутно я начал понимать, что горячая грязная пустота содержала кое-что чрезвычайно живое и пульсирующее, самую мощную силу во Вселенной. [В этот момент в его фантазии спящий наблюдал за происходящим в грязи и за ее пределами.] Тем не менее, эта жизненная сила была заключена в тюрьму смерти и удушья. Она умоляла о свободе и словно говорила: «Я Господь Бог, и это мое состояние, и состояние всего во Вселенной.»

Это было самым страшным из всего, знать, что сам Бог с самого начала и навсегда страдает от смерти при жизни, находясь в аду.

Я лихорадочно пытался отыскать полезные мысли или видения, способные изгнать смертельную пустоту. Затем голос сказал: «Хоть раз в жизни ты должен посмотреть в лицо реальности, и должен делать это в одиночку. Тебе придется иметь дело с этим. Ты можешь сделать это. Но ты должен сражаться с тем, что получил.»

Теперь я понял, что живое существо из пустоты пытается прийти к жизни и самовыражению через меня.

Даже после этого, Джон все еще чувствовал, как будто он на самом деле пойман в эту ужасную грязь. Это переживание повторялось через определенные промежутки времени в течение месяца, и не только ночью, но и днем. Так первый опыт неизбежного рождения Самости, которая была полностью отрезана от всяческого общения, человеческого и божественного, потеряна в пустоте, хаосе, в этом случае хаосе грязи, ссылается на состояние мира до

сотворения, когда он не имел формы. Грязь была горячей, как и земля в начале времен. Осознание того, что в пределах этого грязного хаоса был кто-то, кого Джон приравнивает к Господу Богу, живой, страдающий дух, кричащий об освобождении, напоминает алхимическое видение Королевского Сына, который за смертью лежит в темных глубинах моря. Но он жив и взывает из глубин, «Кто освободит меня из вод и приведет на сушу, тот будет процветать, с бесконечными богатствами.»³ Или другой вариант:

Земля была загрязнена и осквернена после сотворения, тьма была над ней, потому что я застрял глубоко в грязи и моя субстанция не проявилась. Посему я взываю из глубин, из бездны земли, чтобы голосом моим все вы находили путь. Найдите меня, и если найдет меня кто, в руку тому я дам утреннюю звезду.⁴

Эта еще нереализованная Самость приравнивается алхимиками к Христу, который затерялся в темноте бессознательного. И Джон, в своем опыте, сказал, что должен бороться, чтобы признать «реальность», потому что это единственное, что может освободить его. Это очень интересное заявление. Ему соответствует отрывок из Евангелия Истины, где сказано, что возвращение нашей Целостности, то есть, Самости, произойдет, когда мы признаем иллюзорность нашего взгляда на мир и увидим реальность, лежащую в его основе.

Интересно отметить, что «голос» пришел к Джону в момент наибольшего отчаяния, повелевая ему, что делать, и, в случае Норы, голос успокоил ее, что он будет рядом,

³ «Психология и Алхимия», CW 12, стр. 434.

⁴ Там же, стр. 434, прим. 33.

помогая ей. Джон был интуитивного типа, так что для него большой борьбой будет принять реальность. Главная проблема Норы в том, что она всегда принимала команду анимуса за зов реальности, следовательно, голос сказал ей, что она должна подчиниться руководству Великой Матери, то есть женскому принципу. В обоих случаях это голос Бога изнутри, заменяющий проецируемого или гипостазированного Бога извне.

Опыт Джона не является уникальным. Опыт быть потерянными в пустоте не является необычным, и предшествует приходу в сознание Атмана. Одной женщине, Марии, снилось, что она плавала в космическом пространстве без какой-либо ориентации, нет гравитации, нет направления, нет отправной точки, нет цели. Жизнь стала бесконечной, не прекращающейся. Она тоже была переполнена страхом, боясь безумия. И Джон, и Мэри находились во второй половине жизни, и они оба создали приемлемую внешнюю адаптацию. Не было никаких веских оснований, почему они должны были пережить такой разрушительный опыт. Но, видимо, сознательного порядка их жизни стало недостаточно, и в качестве компенсации они оказались дезориентированы, лицом к лицу с неупорядоченным неизвестным вакуумом, пустотой.

Именно эта пустота, которую религии характеризуют как «до начала времен», — то есть, прежде, чем возникло сознание. И именно эта пустота, которая содержит нуминозное, энергию, творческую божественную силу. «В начале», сказано в Библии, «земля была безвидна и пуста, и тьма над бездною». (Быт 1:1–2) Первый акт творения был приходом света, а затем, на второй день были разделены верхние и нижние воды. Ибо, как говорит Нойманн:

Мир начинается только с приходом света, который создает оппозицию между небом и землей в качестве основного символа всех других противоположностей...

С восходом солнца или — на языке древнего Египта — создания тверди, что делит верхнее от Нижнего, возникает человечество, и вселенная, со всем его содержимым, становится видимой.

В отношении к человеку и его эго, создание света и рождение солнца связаны с разделением мира Родителей и положительных/отрицательных последствий, происходящих для героя, который разделяет их.⁵

В дальнейшем он продолжает:

Пространство только появилось на свет, когда, как гласит египетский миф, бог воздуха Шу, разделил небо от земли, встав между ними. [Точно так же, Мардук разделил Тиамат, материнскую пропасть, на две части, пустив ветер в живот и так разделив ее на части. Ветер, разумеется, относится к духу.] Только тогда, когда в результате создания света и пространства, небо оказалось вверху, а земля внизу, появились направления, только тогда было организовано пространство с отсылкой к эго.⁶

Невозможно ориентироваться во времени и пространстве, пока не возникло осознание противоположностей; человек потеряется в пустоте. Поэтому ужас, который испытывали Джон и Мария, был больше связан с отсутствием ориентации, чем с какой-либо фактической угрозой физического вреда. В самом деле, это отсутствие какой-либо определенной угрозы жизни, делает ситуацию столь пугающей. Смерть, в смысле окончание, более желательно, чем жалкое существование, без начала и конца. Оно представляет собой,

⁵ «Origins», pp. 106f.

⁶ Там же, стр. 108.

по сути, уничтожение эго-сознания. Джон вернулся в тот момент, до начала времен, когда не было никакого эго-сознания вообще. Такое состояние, для того, кто никогда не развивал эго-сознание, может представлять собой негу нерожденного ребенка. Человек может иногда испытывать такое чувство, сродни эйфории при употреблении некоторых наркотиков, когда он дрейфует в «эмпиреях» и теряет ощущение реальности и ее обязательств. Но для взрослого человека, который развивал эго-сознание и чувство ответственности и попал в состояние смерти эго, или сумасшествия, из этого опыта возникнет новая точка отсчета, новый центр сознания вступит в бытие, без чего, как говорится в нашем мифе, Человек, или Антропос, не может быть создан. И для этого, заявляет миф, требуется кровь одного из богов. Кингу, сын и супруг первоматери, Тиамат, был выбран для этой роли.

Таким образом, в то время как задача первой половины жизни выйти из тьмы общего бессознательного и развить эго, во второй половине суждено потерять эго-сознание и пережить еще раз изначальную тьму. На этот раз, однако, выбор потери эго должен быть принят осознанно, как жертва. Процесс возникновения нового центра сознания связан с архетипом, который был побежден и раздроблен во время героических испытаний. Второе переживание ощущения пустоты не такое же, как первое. Правда, оно предшествует приходу в сознание; однако, не в эго-сознание, — то, которое было достигнуто давно. На этот раз опыт приходит в качестве временного уничтожения эго, соответствующего фрагментации или смерти предыдущей инициации.

Сознание, которое возникнет из пустоты, если все пойдет хорошо, Самосознание, соответствующее созданию Антропоса в нашем мифе. То есть, это «ночное морское путешествие» с рождением нового солнца, соответствующее или символизирующее воскрешение Египта в виде Осириса,

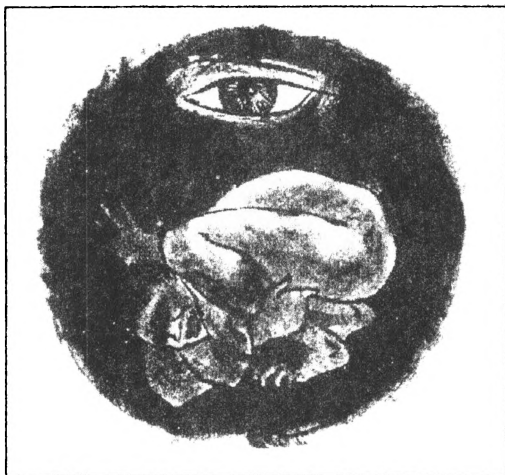
или это «дикий» опыт, который приводит к признанию Бога как внутреннее присутствие, внутренний голос вместо до сих пор гипостазированного божества.

Давайте вернемся к сну Джона, в котором он был охвачен черной грязью. Этот человек не был болен, но он по-прежнему не решил проблему с материнским архетипом. Ему хотелось материнской любви и заботы о нем. И можно ожидать, что у него будут видения Великой Матери, в частности сон, который предшествует видению, был связан с Рождеством. Но, возможно, желательный смысл этой мечты, не в Матери, а в ребенке, Повелителе времени, потому что он был высаживал ель для неродившегося ребенка его семьи, который должен был стать его наследником.

Видение, которое немедленно последовало, было пространством горячей грязи, в мире без матери. Тем не менее, в активном воображении Джона, он обнаружил, что был там не один. С ним был еще кто-то, это отсылка на библейскую историю о Седрахе, Мисахе и Авденаго, которых бросили в огненную печь по приказу Навуходоносора. И этот «кто-то» умолял о свободе, свободе, которая должна быть достигнута посредством усилий сновидца. Этот попутчик не является Великой Матерью, которая могла бы позаботиться о ситуации, а тем, кто нуждается в помощи.

Сон Джона и постоянные фантазии, которые следовали за ним, преследуя его, практически в течение месяца, были настолько тревожными, что он попытался изобразить ситуацию, хотя это казалось довольно сложной задачей, потому что ужас во сне в значительной степени возникал из-за того, что в том переживании не было границ, времени или пространства. Так как он мог ограничиться куском бумаги и прикрепить его к настоящему времени и трем измерениям? Потребовалось много концентрации, чтобы достичь этого, так как грязь постоянно стремилась выйти за пределы, установленные для нее, как Тиамат стремилась избежать сетей

Мардука. Но когда ему удалось сделать рисунок, он обнаружил, что грязь стала ограничиваться пределами круга, как показано на рисунке.

Его отчаяние явно изображают его беспомощность. Любопытно, что он показан примитивно, по-животному.

Но одна вещь, которая не предполагалась в картине — глаз. Он может означать, что сама грязь имеет проблеск сознания, или, более точно, сновидец начинает «бессознательно» видеть. В активном воображении, прежде чем он нарисовал картину, это новое сознание, это понимание было выражено, как голос Господа Бога. В алхимическом тексте, приведенном выше, Бог представлен королем, а сын Короля эквивалентен Христу, или это будет *imago Christi*, образ Христа. Алхимик бы назвал его Королевским Сыном.

Идея Христа, очевидно, связана с елью, которую Джон посадил в своем сне, и также связана с Рождественской елью, которую он и его жена украшали предыдущим вечером. Итак, дерево здесь — символ Самости, как в дионисийском мифе, где оно представляет собой Бога в его загадочной форме. Именно в форме этого

духа-дерева, бог вселялся в посвященных, таким образом, воплощаясь в них. Королевский сын, потерянный во мраке грязного моря, в аналитических терминах, представляет образ Христа во тьме бессознательного — то есть, это образ Самости, который еще не реализован. И таким образом, мы можем сказать, что глаз принадлежит Самости.

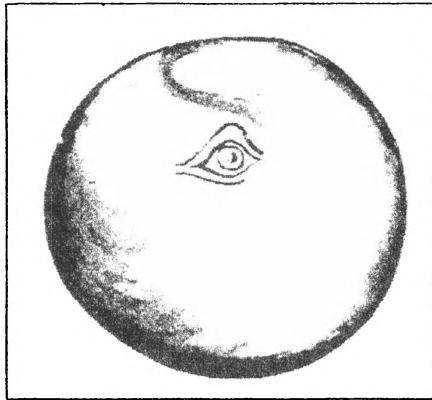
Этот глаз одновременно глаз Бога и глаз сознания в бессознательном.⁷ Он дает не только возможность бегства из своих мучений, но и обещает освобождение для королевского Сына (то есть, Самости), которая также в пребывает в мучениях. И в самом деле, об этом свидетельствует то, что произошло потом, ибо он бежал через глаз, как можно увидеть на следующей картинке.

⁷ Для дальнейшего изучения психологической значимости глаз во снах и рисунках, см. Эдвард Эдингер «Творение сознания: Юнгинианский миф для современного человека», стр. 42ff; также Эдингер, «The Mysterium Lectures: A Journey through Jung's Mysterium Coniunctionis», стр. 63ff; 218ff — ред.

И, действительно, Джон не боялся снова попасть в тюрьму из грязи. Его клаустрофобия не вернется. Взгляд на фигуру, которая выскользает из грязи, словно рождается из глаза, показывает, что произошла удивительная перемена в его внешности. Словно он действительно был возрожден, как новый человек. Он больше не похож на обезьяну. Он по-прежнему примитивен, но теперь он определенно человек, и больше не пребывает в агонии.

Женщина Мария, которой снилось, как она плавает в космическом пространстве, а также пытается рисовать, не текущий сон, а фантазию о единстве общего человеческого существа — микрокосма человека — который она пережила. Любопытно, что, хотя она ничего не знала о мандалах, она изобразила сферу.

В ее случае она не состоит из грязи, представляющей землю, но воздух, который представляет небо или небеса, соответствует форме сна, в котором она плавает в космическом пространстве. И она тоже к собственному удивлению обнаружила, что нарисовала глаз в сфере. Она сказала: «это глаз, который видит, а также показывает.» Он сразу ассоциируется с глазом Бога, это означает, что он представляет собой не личное, или надличное сознание того, что принадлежит к монаде как совокупности сознательного и бессознательного.

Джон приложил немало трудностей в создании круга, ограничивающего грязную пустоту. Но в конце концов он это сделал. Так много для рисунка. Но что символизирует круг в психологической сущности? Что человеческая сила может вмещать в себе или заключить непокоренную часть архетипической энергии? Что могло бы быть сделано? Для того, чтобы получить даже намек на ответ, мы должны вновь обратиться за руководством к мифологемам, которые имеют дело с этим аспектом человеческих проблем.

Нойманн отмечает, что, когда герой преодолевает материнско-отеческий мир и вырывается из заточения в родительском уроборосе, он забирает с собой какую-то часть энергии, и с ней строит свой мир. Он говорит о том, что фрагменты расчлененного первичного архетипа образуют группу связанных архетипов. Эти «меньшие архетипы», разумеется, представлены в вавилонском мифе сообществом богов, среди которых Мардук распределил полномочия вырванных из первичных энергий Апсу и Тиамат. Эти вторичные архетипы, в соответствии с высказыванием Нойманна, образуют защитный круг, который охватывает оставшуюся энергию первичного архетипа, центр, который сохраняется как неизвестный и нематериальный центр неизмеримого динамизма. Это самое важное понятие, но сформулированное таким конденсированным языком, что его значение довольно нелегко заметить.

Другими словами, Нойманн утверждает, что в результате боя героя с первичным архетипом, нуминозное окружается вторичными архетипами. То есть, первый опыт индивидуации существует в совокупности, целостности — со всем — а значит, с Богом, или с Уроборосом. Затем, через развитие и воспитание личности, архетипы отщепляются от Целостного. Они представляют собой аспекты непознаваемого божественного нуминозного, которые человек может познать, по меньшей мере, в виде символов. Они, как и боги нашего мифа, окружают

непостижимое нуминозное, защищая человека от потенциально разрушительного познания Живого Бога. Это как еврейская формулировка Эйн Соф, исходящая десяти Сфирот, которые представляют и таят истинную сущность непознаваемого.

Архетипические образы культуры, в которой мы родились, и символы нашей религии, функционируют точно таким же образом. Это соответствует символизму нашего мифа о создании Мардука планетарными богами, которые представляют собой наши эмоциональные и инстинктивные позывы и оказывают сильное влияние на нашу судьбу. В древности думали, что планеты окружают мир. Их орбиты представляли свои сферы влияния или власти, в то время как не-личная, более глубокая бессознательная часть психики, еще предоставлена Тиамат и Апсу. Планетарные боги, таким образом, формируют защитный круг вокруг еще неизведанного первичного архетипа, так что его нуминозная и грозная энергия не может посягнуть непосредственно на человечество и угрожать нашему здравомыслию.

Боги были одиноки, и, однако, не могли удовлетворить свой собственный голод, потому и был создан человек, чтобы служить богам и приносить им жертвы. Таким образом, есть надежда, что они будут довольствоваться жизнью в своей сфере и не снизойдут до ссоры с соседними богами. Итак, мы видим, что в определенный момент в развитии сознания стала необходимой человеческая жизнь, и в мифе появился Человек. Служба богам и жертвы, принесенные им, соответствуют не только религиозным обрядам, но и принятию конвенций культуры, в которой богов гнева, ненависти и похоти умиротворяли и держали в своей сфере, так, чтобы человеческий мир был опустошен их неподслащенным насилием. Это представляет собой нормальный ход развития событий, и, когда дела идут хорошо, и нет нарушений в бессознательном, эти правила служат для порядка в человеческом мире.

Тем не менее, ритуалы и символы религии, или нравы, контролирующее коллективное поведение, и сломавшие старые формы, могут оказаться неэффективными и дикие силы инстинктивной жизни могут прорваться в сознание с разрушительным исходом. На том уровне личности, где не было никакого адекватного носителя нуминозного архетипического символа, и, возможно, из-за неблагоприятной ситуации в детстве, человек не имел никакого удовлетворительного материнского или отеческого опыта, либо, возможно, родители были недостаточными носителями родительского архетипического образа в положительной форме, в итоге патологически повреждая архетипический образ. Когда человек, страдающий от такого состояния, приходит в анализ, задачей, с которой и аналитик и анализируемый сталкиваются является дальнейшее восстановление поврежденного архетипического образа настолько, насколько возможно, в надежде, что возникнет символ, который будет приемлемым для сознания и достаточно мощным, чтобы представлять архетип.

Первый этап анализа в таком случае, как правило, касается, как это было с Норой, выхода человека из негативного отношения к родителям и родительскому образу, через проекцию позитивного образа родителя на аналитика. Когда произошло принятие, со всеми эмоциями, возникающими в процессе такого изменения, анализируемый может продолжить свою жизнь на совершенно новой основе.

Но у Джона и Марии, чьи сны были описаны выше, не было таких травм в архетипическом образе. Действительно, каждый создал удовлетворительную адаптацию для жизни. Это было только так, пока они не достигли сорока, когда они столкнулись с пустотой, которая так смутила их. Это были нуминозные переживания, которые требовали особого внимания.

Есть различные способы того, как поступить с таким опытом. Святой Николай фон дер Флюэ, известный как

брат Клаус, нашел один способ. Юнг напоминает нам, что видение Бога для него было настолько ужасным, что его выражение лица изменилось.⁸ Те, кто видел брата Клауса в то время, боялись его, а сам он рассказал о том, что боялся того, что его сердце разорвется на части, и он будет страдать психическим расстройством. Он посвятил долгие годы сосредоточению внимания на понимании своего видения, и только после усвоения баланс его психики был восстановлен. Так же, в случаях Джона и Марии, было необходимо провести большую работу перед тем, как был разработан новый символ или архетипический образ, достаточный для того, чтобы нести бремя жизни.

Брат Клаус взял разрушенный образ с собой в теменос своей монашеской кельи, которая действовала как инкубационная камера. Похожие кельи в древности использовались для лечения безумия. В святынях Асклепия, бога врачевания в Древней Греции, например, были такие кельи, где бедствующий спал рядом с изображением бога, как в вавилонском храме Апсу, который находился над родником, источником воды, соков жизни. В то время как больной спал и его сознание отдыхало, личное бессознательное было открыто для божественного влияния. Таким образом, считалось, что исцеляющий символ примирения может возникнуть в сновидениях.

Аналитическая ситуация может быть своеобразной инкубационной камерой. Человек испытывает психические недомогания, о которых говорит аналитик, и аналитическое вмешательство зачастую оказывает успокаивающий эффект на бессознательное, так что больной имеет возможность взглянуть на свои сны и другой бессознательный материал с меньшим сопротивлением. Это создает полезную

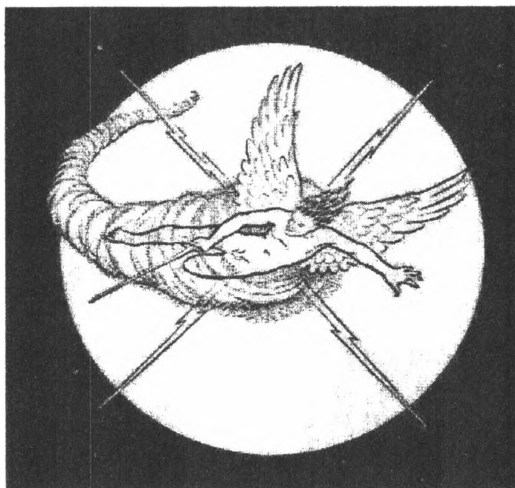
⁸ См. «Брат Клаус», «Psychology and Religion» CW 11, стр.474ff. — ред.

психическую атмосферу, в которой символ исцеления может быть найден.

Древние пытались восстановить здоровье страждущего символом конкретного бога в храме, в котором проводились исцеляющие ритуалы, как и брат Клаус стремился усвоить свое видение в пределах христианской церкви. Анализ не имеет такой догматической формы, учение которой может принести исцеление образа. Скорее всего, эффективный символ в аналитической ситуации должен прийти как личный опыт и достижение; архетипический образ Бога должен быть заменен образом бога внутри себя. Новое восприятие Бога нужно постигать через опыт Самости, который Юнг описал на многих примерах поиска ценности внутреннего образа Бога. Или, если использовать символику нашего вавилонского мифа, ценность, которая находится между богами, есть не личное эго, а Антропос, эквивалент Самости.

В случае Джона, опыт пустоты пришел как сон, в котором он был заключен в черную грязь, и первый шаг в решении его психического бедствия был представлен как появление — рождение — нового человека через глаз. Это означает, что его новый взгляд был связан с большей пронизательностью и большим пониманием, чем это было раньше. Поскольку глаз был связан с ним как глаз Бога, этот новый взгляд стал новой точкой зрения. Это не было взглядом с высоты птичьего полета, но и, так скажем, Божественным взглядом — иногда это рассматривают как обзор вещей с точки зрения вечности.

Так было какое-то время, до того, как немало интересного произошло в анализе Джона, и тема возрождения пришла вновь. Но даже на этом этапе произошло большое изменение. Символ, который был возрожден, изменился замечательным образом, ибо ему снилось, что святящаяся фигура с горящими волосами и с мечом появляется из рога изобилия, сверкнув молнией.

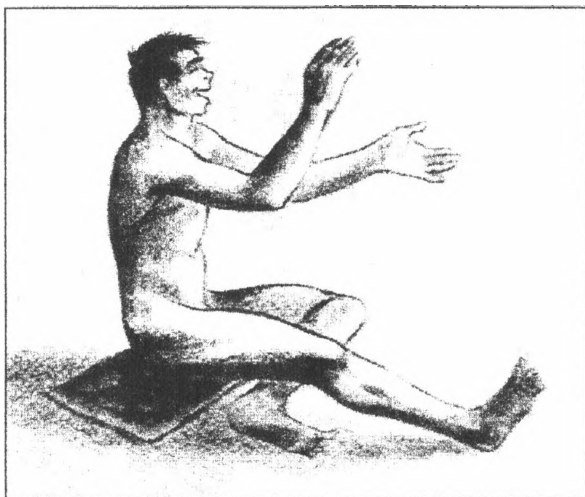

Джон назвал эту фигуру Ариэль.

Ариэль является эквивалентом алхимического Меркурия, и для современного человека знаком по шекспировской «Буре», где Ариэль является светлым духом Просперо, его духовной сущности. В рисунке Джона Ариэль рождается из рога изобилия, и его появление предвещает приход большого богатства, не в денежном эквиваленте, конечно, но богатство жизненной энергии, либидо, как и алхимики говорили «наше золото — не базарное золото», и это означает, что их золото представляет духовные ценности, а не материальное богатство.

Но это было только началом разрешения проблемы Джона, предзнаменование возможного исхода. В день годовщины сновидения о грязи, на Рождество следующего года, в сновидении, он увидел группу примитивных людей, сидящих вокруг костра. Они пели и смеялись. В частности, он заметил, одного мужчину, который, казалось, был особенно счастлив.

Джон проснулся и нарисовал этого счастливого, природного человека, и только потом он заметил, к своему удивлению, что, хотя он напоминал оригинального человека

из грязи, его образ вполне изменился. Он больше не находился в беде, и не был таким примитивным. Когда он думал об этом сне и созерцал картину, которую он сделал, Джон увидел глаз сверху и справа от огня, которого на самом деле не было ни во сне, ни в его чертеже. Это было своего рода видение, и, смотря на глаз, он начал двигаться к нему. Он продолжал двигаться, пока не достиг своего тела. Затем молча он скользнул внутрь груди и остановился в своем сердце, оставив его в состоянии благополучия и радости.

В течение года, прошедшего с первого сна, в котором его одолевала тревожная клаустрофобия, значительная перемена произошла в сознании Джона. Он больше не был оторван от реальности и требований повседневной жизни. Он почувствовал возобновление интереса и энергии внутри себя. Он, видимо, добился прогресса на более глубоком уровне, и его бессознательное в настоящее время представляет собой состояние этого первобытного человека, который смотрит куда-то, но он не ослаблен. Это как если бы инстинктивные энергии были живыми, какими, возможно, они никогда не были прежде.

Этот материал имеет еще одну особенность, которая отсылает нас к первой картине, содержащей глаз. В этом раннем видении глаз был истолкован как символ сознания, который выходит за пределы сознания эго, и, вдобавок, он представляет Самость. В своем новом видении, глаз, символ нового сознания, входит в него и занимает свое место в его сердце. В моем опыте это действительно так: Самость первой приходит в сознание не в уме, а в сердце. Этот факт отражается в обычном языке, когда мы говорим, например, о «сути материи». И в тантрической схеме уровней сознания, разработанной с помощью йоги, Пуруша, или Бог, сначала появляется в области сердца, где он представлен небольшим пламенем, внутренним светом, с помощью которых можно видеть. И только тогда, когда происходит просветление, можно действительно осознавать себя и других, как отдельных существ.

Пока наше сознание и другие наши чувства зависят от наших ценностей — положительных или отрицательных, мы на самом деле не осознаем их как объекты сами по себе. И только тогда, когда в сердце возникает сознание, мы можем узнать их, как отдельных индивидов. На языке тантрического буддизма, когда Пуруша появляется в области сердца, так возникает крошечный свет. На психологическом плане это будет означать, что, когда возникает Самость в сердце, то рождается новый вид сознания. И с этим светом мы в состоянии видеть вещи такими, какие они есть. Когда мы руководствуемся этим светом, наши действия и реакции будут иметь обоснованную силу, которой не хватало раньше.

Вскоре после того как он увидел этот сон, жена Джона заболела смертельным заболеванием. Она продержалась несколько месяцев и умерла в следующем декабре. Они были очень близки. Ее смерть принесла ему большую печаль и оставила чувство запустения и безумного одиночества. Затем, около шести месяцев спустя, в ночь перед днем рождения, он снова увидел сон. Он пишет:

Это был мой день рождения, и я проснулся, вспоминая фрагмент сновидения. Местом сна было большое грязное отверстие, и грязь была влажной и теплой. Группа добрых людей погружала меня в грязь по грудь. Затем они помогали мне. Когда я вышел из грязевой ванны, грязь прилепилась ко мне, притягивая меня к земле, но давала мне чувство стабильности и безопасности.

Джон почувствовал, что это было инициацией и новым рождением.

Грязь напоминает первое видение грязи — пустоту, в которой он и первобытный человек оказались в ловушке. В то время это состояние казалось полностью отрицательным опытом «темной ночи души». Здесь ощущения сна в корне изменились. Погружение в грязь, очевидно, представляет собой своего рода крещение, церемонию инициации. В первом сне Джона особенно беспокоила изоляция. На этот раз он был не один, а вместе с группой добрых людей. Он, очевидно, иницировался в какое-то сообщество, как послушники иницируются в тайные общества или мистические культы. Если такие посвящения не стали абсолютно банальными, у них сохранилось мистическое свойство и религиозные ценности.

Христианское крещение представлено как возрождение, или как рождение души, так что в данном случае, выход из ванны, также, является возрождением. Здесь, однако, это происходит не через воду, а с помощью грязи. В первом сне грязь была горячая; теперь ее температура изменилась, так что сильный жар, связанный с обычной идеей ада, отсутствует. Тепло ада представляет собой необузданные страсти, так что тепло от грязи в этом сне, скорее всего, относится к чувствам. После погружения грязь облепляла сновидца, давая ему чувство безопасности, и это означает, что теперь он был иницирован в

земном царстве. В психологическом плане это посвящение показывает ориентир в мире, и это дает ему безопасность и вес. Напомним, что в первой серии сновидений, на него возлагается задача найти средства, с помощью которых он мог бы смотреть в лицо реальности.

Джон прокомментировал этот сон следующим образом:

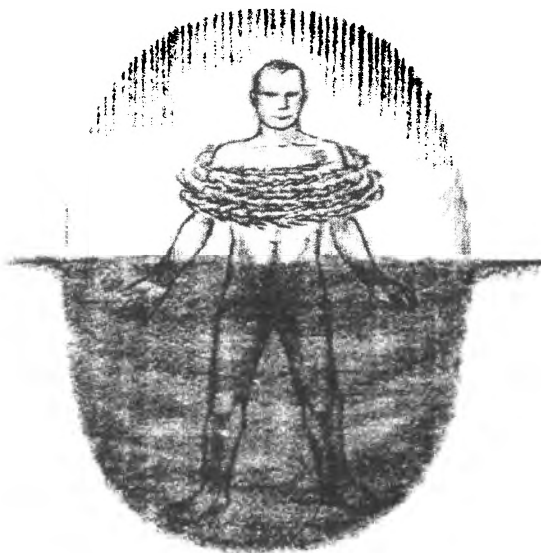
Ванна дала мне чувство тяжести и чувство безопасности. Я чувствовал себя как дома. Комфортное чувство оставалось со мной в течение нескольких дней. Затем в один прекрасный день я увидел себя вне отверстия грязи, одетым только в грязевые штаны, с грязными руками и ногами.

В этом состоянии я пошел на работу. Тогда до меня дошло, что я, должно быть, идентифицируюсь с грязью. На рисунке показан момент, когда происходит осознание этого состояния.

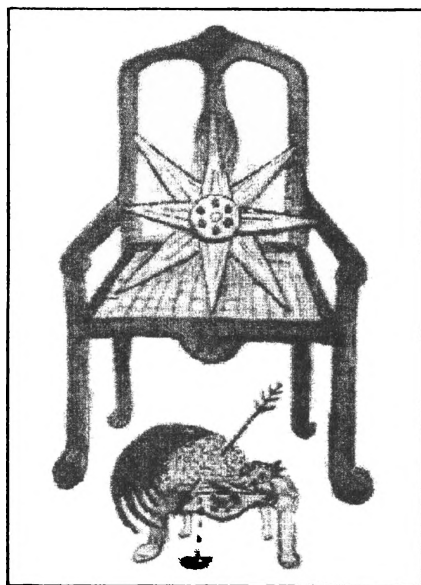
Тогда я возмутился и попытался вспомнить оригинальные образы из сновидения, чтобы посмотреть, что произойдет. Мне показалось, что чего-то не хватает. Я наполовину находился в грязи. Но другая половина тоже нуждалась в ванне. Затем начался дождь, и я сказал: «Так лучше». Но, пока я наблюдал, как падает дождь, я начал бояться, что огонь в моем сердце будет погашен. Кольцо огня появилось и окружило мою грудь в качестве защиты.

Потом видение исчезло.

Огонь в сердце этого человека является светом Пуруши, который воспылал в его сердце в результате вхождения в глаз в его раннем видении. Круг огня вокруг груди напоминает «круг света», и китайские йоги рассказывают, что это происходит в результате успешного выполнения йогических дисциплин. И таким образом, мы можем сказать, что преобразование инстинктов достигло области сердца.

В случае Марии, женщины, которая оказалась подвешенной в космическом пространстве, решение проблемы пришло в иной форме. Ей снилось, что однажды она пришла на свой аналитический час и обнаружила, что вместо аналитика большая звезда взошла на место аналитика.

Это звучит нелепо и несколько абсурдно, но, когда она вспомнила, что кресло аналитика представляет собой аналитические отношения, это не кажется таким уж смешным.

Именно в самой встрече с аналитиком во время аналитического часа два мира анализируемого собираются вместе. В сновидениях и фантазиях, анализируемый находится в одиночестве. Во внешнем мире, за пределами кабинета, он также один, и вес субъективного опыта отрезает его от любых реальных общений с людьми. Мы считаем, что никто не может понять, что мы переживаем, и что если мы попытаемся рассказать им, они подумают, что мы сошли с ума.

Поэтому мы скрываем наши самые интенсивные переживания от других. Но в аналитических отношениях мы можем

выявить, по крайней мере, часть нашей внутренней жизни, через слова или картинки и через наши сны. Почти чудом кажется, что аналитик понимает и уважает наши самые сокровенные мысли. В кабинете человек находит *теменос*, священное место, где можно быть полностью откровенным и не бояться быть непонятым.

Для Марии это был самый важный опыт. Ее внутренняя жизнь представляла величайшую важность для нее, но никогда прежде она не могла говорить об этом ни с кем. Так что не удивительно, что у нее случился очень сильный перенос на меня, ее аналитика. Осознание собственных чувств произвело значительный конфликт. Одной частью себя она знала, что не хочет иметь дело с аналитиком, что она не влюблена в этого человека, но все же она одержима сильными любовными чувствами.

В этот момент ей снилось, что она приходит на свой аналитический час, зная, что ей придется признавать свои чувства и боясь встречи, но только в ее сне кресло аналитика было занято не аналитиком, а большой золотой звездой. Во сне мертвый петух лежал на подставке для ног перед креслом. Когда она проснулась, она изобразила видение, как она видела его во сне. Аналитик, который в реальной жизни занимал кресло, был заменен звездой, символом целостности и, для Марии, также символом Самости, потому что она была знакома с идеей, что каждый из нас родился под звездой, которая представляет нашу индивидуальную судьбу и характер.

Таким образом, сновидение, в сущности, говорит: «Твои сильные чувства не предназначены личности аналитика, но для тебя имеют большую важность.» Это то, что объясняет чувства благоговения и почтения, которые были частью ее любви. На этот элемент благоговения также намекает ее рисунок, где она изобразила не мой реальный стул, а кресло епископа, который появился в более раннем сновидении.

Сновидение особенно поучительно, потому что указывает на два аспекта, два измерения аналитической ситуации. Интенсивные эмоции Марии проявились к владельцу кресла аналитика, но сновидение указало ей: «Это твоя собственная индивидуальная ценность, а не аналитика. Аналитик является только носителем ценности, представленной звездой. Она является посредником между тобой и нуминозным архетипом, и поэтому сон приносит тебе символ примирения.» Это персональный аспект переноса, но он также необходим. Если бы Мэри не была готова принять свои эмоции, несмотря на конфликт, исцеление бы не произошло. Так произошло только потому, что она была в состоянии, во сне, признать одновременно как актуальную человеческую ситуацию и субъективную трансперсональную, и примирение этих, по-видимому, несовместимых элементов было достигнуто в звезде, символе Самости и целостности. Это было признание этого дифференциации, которая привела к исцелению. Это было прозрением сердца и головы. Поэтому, Мария перестала так зависеть от своего аналитика; она больше не страдала от так называемого трансферентного невроза.

Во сне ее освобождение было получено благодаря петуху, принесенному в жертву. Мария связывает петуха и сцену смерти Сократа, где он предписал своему другу принести в жертву Асклепию петуха. Таким образом Сократ предполагал, что после кончины он будет исцелен от болезни смертности. Конфликт внутри него между земной и духовной частью себя была решена. Он стал целостным.

Конфликт Марии соответствует ситуации, с которой столкнулся Сократ. В ней тоже земные, плотские и духовные, психологические элементы находились в состоянии войны, о чем свидетельствуют ее противоречивые чувства к аналитику. Но осознание того, что она чувствует непреодолимое влечение к своему аналитику и скрывает свою тоску по целостности, принесло исцеление. Ее тяга к взаимной любви с другим человеческим существом, содержащей плотские стремления,

должны были быть принесены в жертву для того, чтобы найти истинный смысл переживаемого. Это символизирует жертву петуха, потому что в индуистском символизме петух представляет похоть. Однако, вместе с тем петух и вестник нового дня, и через принятие звезды как символа цельности, этот новый день озарил Мэри.

В этом случае целебные функции данной аналитической ситуации наглядно продемонстрированы. Аналитический стул служит символом двойственной природы отношений между анализируемым и аналитиком, что соответствует двойной природе личного и не-личного для человечества. То есть, это ставит в центр внимания отношения между эго и Самостью.

В нашем понимании природы и функций аналитических отношений, самое главное, что мы делаем четкое различие между этими двумя частями. Если мы не будем этого делать, сам по себе анализ рискует быть серьезно поврежден, а результат будет поставлен под угрозу. Первоначально есть часть человека, которая не должна быть сведена к минимуму, так как она представляет собой отношение анализируемого к внешнему миру. Поначалу, личные чувства и реакции, возможно, понадобится держать в фоновом режиме в интересах терапии, но в конечном итоге они должны быть признаны и допущены обеими сторонами. Но на сегодняшний день наиболее важной частью отношений является то, что обычно называют переносом, потому что он состоит из эмоциональных реакций на проектируемый материал, который аналитик готовит для анализируемого, пока он не может быть понят и усвоен последним. Когда приходит время, аналитик освобождается от бремени непризнанного психического содержания анализируемого. Но, в то время, как отношение между двумя лицами становится возможным по психотерапевтическим причинам, этот аспект отношений должен стать приоритетней всего остального. «Назначение» отношений кроется в переносе, с помощью которого, если

ситуация благоприятна, пациент может примирить враждующие элементы, которые являются причиной исходного затруднения.

Мы проделали большой путь от нашего мифа, где мы оставили ранеными первобытных богов, пораженных и ограбленных героической инициативой Мардука, который, будучи сыном богов, продемонстрировал человеческие качества и выполнение задачи по созданию человека и созданию мира для заселения. Апсу уже покорил в какой-то мере своего отца, Эйя, который поставил свою святыню на водах Бездны. Эта святыня стала священным местом, где поклонялись богам. Так, из победы Эйя была создана новая связь с мужским принципом и была разработана религиозная служба богам. Произошло примирение между мужчинами и маскулинными богами. Таким образом, мужской аспект первоначального хаоса был приведен в отношении ко всему человечеству.

Но Тиамат, женская Бездна, которая была разбита атакой Мардука, исчезла со сцены. Она находилась недоступной, необъяснимой, опасной, но и необходимой для жизни, у нее люди находили силу, чтобы воспроизводить новую жизнь, рожать детей и питать жизнь на земле. Она была источником эмоций, и по сей день, как мы хорошо знаем, этот аспект жизни, который остается самым неконтролируемым и капризным, наиболее склонен ввести нас в деструктивное состояние, не соответствующие нашему более цивилизованному и дисциплинированному мужскому пути.

Из-за переноса, наиболее неконтролируемые эмоции могут возникнуть в безопасной аналитической ситуации. Во сне Марии это символизировал аналитический стул и осознание того, что прогнозируемые эмоции не предназначены аналитику, а Самости, представленной в виде звезды. Таким образом, ценности, которые были ранее пережиты анализируемым, как будто они были качествами аналитика, усваиваются, не эго, а не-личностным ядром, Самостью.

Это, пожалуй, то, что изрек Иисус в Евангелии от Фомы:

Иисус сказал: Когда вы видите ваше подобие, вы радуетесь. О когда вы видите ваши образы, которые произошли до вас, — они не умирают и не являются — сколь великое вы перенесете?⁹

И еще:

Когда вы сделаете глазА вместо глАза, и руку вместо руки, и ногу вместо ноги, образ вместо образа — тогда вы войдете в [царствие].¹⁰

Первое изречение спрашивает: «Сможете ли вы спокойно смотреть на ваше реальное Я?» А второе говорит: «Вместо внешней формы сделать внутренний образ, и тогда вы войдете в Царствие». Это именно то, о чем говорит сновидение Марии, а именно, что внешний образ аналитика должен быть заменен ее действительным образом, или символом, Самостью.

В анализе признание Я возникает в результате различия между архетипической и личной частью отношения к аналитику, которое приносит соответствующую дифференциацию между Самостью и эго. Это различие между человеческим и сверхчеловеческим, или если говорить мифологическими терминами, между человеческой и божественной частями человеческого существа, имеет первостепенное значение. Без него, опыт, который мы затронули, мог бы произвести опасную инфляцию, со всеми печальными последствиями этого состояния. Когда происходит инфляция, человек

⁹ Евангелие от Фомы, строфа 88. (Один из текстов, обнаруженный в Наг-Хамади в 1945 году).

¹⁰ Там же, строфа 27.

отрывается от Земли. Как это было выражено в сновидении Норы: человек, который может летать на Луну и обратно в течение трех с половиной часов, не будет иметь связи с землей. Такой уровень инфляции неизбежно приводит к отделению от реальности; это будет создавать изоляцию в космической жизни, а также возвращать к страшному опыту пустоты во внутреннем царстве, что отдаляет от реальности психической жизни.

Опасность отождествления с архетипом Самости, которая неизбежно приводит к инфляции, особенно велика, когда родительский образ сильно поврежден. В таких случаях нет такого детского переживания, которое может служить в качестве посредника между двумя мирами. Те, чьи отношения с родителями был неудовлетворительными, имеют глубокое недоверие к тем, кто находится в роли родителя. Они не могут поверить, что бескорыстная забота аналитика является реальной, и поэтому не могут чувствовать себя свободно по отношению к аналитику, что на самом деле означает отдаться ценности, которую представляет аналитик. Если это так, то символ примирение, промелькнувший во сне, в результате аналитической работы, растворится в хаосе, из которого он возник. Но когда сознательный субъективный опыт становится реальным, он, как правило, требует включения аналитика в настоящее противоборство — анализируемый распознает и понимает (делает реальным) различие между эго и Самостью.

Опыт такого рода принесит исцеление пострадавшего архетипического образа, а также страданий человека, и теперь символ Самости, целостности, может сталкиваться со своей противоположностью, хаосом, но не разрушаться. В некотором смысле, противоположности являются равными, и неведомые силы посредничают с человечеством только через этот символ. Однако одновременно образ Самости может быть увиден через такие опыты, как и мы рассматривали лишь фрагмент эго нуминозной силы, проявленной в действительности; наша человеческая способность понять

ее далеко не простая задача. До сих пор большая часть нуминозного уходит в глубины бессознательного, где, как говорится в Евангелии от Фомы:

Образы являются человеку, и свет, который в них, скрыт. В образе света Отца он скрыт из-за его света.

Так же, как в первобытном обществе царь действительно являлся посредником между человечеством и богами, будучи человеком, так и осознание Самости в психике не только информирует и направляет личную жизнь, но также и выступает в качестве посредника между сознанием и нуминозными энергиями бессознательного. Таким образом, спокойствие начинает заменять войну и хаос, которые смешиваются в глубинах, уничтожая архетипический родительский образ в его позитивной форме. Порядок начинает снова проявляться в тех глубоких слоях бессознательного, которые были активированы восстанием эго-сознания, и возникает новый архетипический образ — опосредованный символ Самости. Таким образом, повреждение архетипического образа исцелено и снова наступает мир между небом и землей.

Вышеизложенное уже было напечатано, когда я получил письмо от Джона, в котором он прислал мне то, что он назвал «последняя серия из цикла сновидений». Ему приснилось, что он увидел розовый куст, внутри которого был крошечный ребенок, и голос сказал: «Твоя ваша жена родила ребенка после всего этого!» «В этот момент» — он написал — «я понял, что должен быть отцом ребенка». Ребенок напомнил ему о первом сне, где было сказано, что земельный участок и ель, которую он посадил, унаследуется «ребенком его семьи, пока еще не родившимся.»

И потому с начала серии снов прошло шесть лет, прежде чем обещание было выполнено. Чудесный ребенок, родившийся в розовом кусте, является ребенком его самого и его внутренней жены, его анимы, является символом Самости, героем-ребенком, который постепенно возник в сознании, как результат всей работы Джона над собой.

ПРОЕКТ КАСТАЛИЯ —
уникальный проект
со множеством граней:

- Ежемесячно обновляемый
эксклюзивными переводами САЙТ
WWW.CASTALIA.RU
- Еженедельно собирающийся
КЛУБ КАСТАЛИЯ,
где читаются лекции
о самых разных эзотерических
и психологических
традициях
- ШКОЛА КАСТАЛИЯ,
регулярно проводящая
открытые обучающие лекции и семинары

МЫ БУДЕМ РАДЫ ОБЩЕНИЮ
СО ВСЕМИ ЗАИНТЕРЕСОВАВШИМИСЯ
ЛЮДЬМИ!